

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Вып. 10

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
КИЕВ — 1960

Редакционная коллегия:

*С. Н. Биби́ков (ответственный редактор), В. А. Ильинская,
М. П. Кучера, Е. В. Максимов Л. М. Славин, Д. Я. Телегин*

Редактор издательства *В. Н. Денисова*

Технический редактор *О. А. Кадашевич*

Корректор *М. Ф. Иконникова*

БФ 24405. Зак. № 1209. Изд. № 406. Тираж 1500. Формат бумаги $70 \times 108^{1/16}$. Печ. физ. листов 9,25.
Условн. печ. листов 12,67. Учетно-изд. листов 11,36. Подписано к печати 18.X 1960 г.
Цена 8 руб. С 1.I 1961 г.— 80 коп.

К ВОПРОСУ О МУСТЬЕРСКИХ ЖИЛИЩАХ

А. П. ЧЕРНЫШ

(Львов)

Вопрос о наличии постоянных жилищ в мустьерскую эпоху до сих пор оставался не решенным, хотя при изучении некоторых стоянок получены данные, позволяющие положительно ответить на него. Так, при исследовании мустьерских стоянок Чокурча и Ла Извор зафиксированы крупные скопления костей мамонта, на стоянках Ла Ферраси и Кастильо прослежены искусственные каменные выкладки, на стоянке Ильская обнаружена круговая ограда из камней, а на стоянке Волчий Грот открыта жилища западина, ограждавшаяся завалом камней¹. Именно эти сведения послужили основанием для предположения П. П. Ефименко о возможности бытования в мустьерское время постоянных жилищ². Возможность наличия в эту эпоху долговременных жилищ допускал также Д. А. Крайнов³.

Несмотря на эти предположения, данных о мустьерских жилищах было очень мало. Значительно больше сведений имеется в отношении позднепалеолитических жилищ. Так, например, на территории СССР позднепалеолитические жилища были обнаружены на таких стоянках, как Гагарино, Тимоновка, Тельманская стоянка, Костенки I, Костенки IV, Пушкари I, Супонево, Мальта, Буреть, Елисевиичи, Юдиново, Добраничевка, Мезин, Гонцы, Вороновица I, Молодова V и др.⁴

¹ С. И. Забнин, Новооткрытая палеолитическая стоянка в Крыму, ИТОИАЭ, т. II, Симферополь, 1928, стр. 146—158; Н. Л. Эрнст, Четвертичная стоянка в пещере у дер. Чокурча в Крыму, Труды II Междунар. конфер. АИЧПЕ, в. V, М.—Л., 1934, стр. 184—206; N. Mogoşan, Le Mousterien dans le Nord de la Moldavie, L'Anthropologie, t. XLI, Paris, 1931, стр. 234—235; D. Reugoni, La Ferrassie, Prehistoire, t. I, Paris, 1934, стр. 92; В. А. Городцов, Ильская палеолитическая стоянка по раскопкам 1937 г., Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода, № 6—7, М.—Л., 1940, стр. 89—91; С. Н. Замятин, Итоги последних исследований Ильского палеолитического местонахождения, Труды II Междунар. конфер. АИЧПЕ, в. V, стр. 207—218; О. Н. Бадер, Крупнейшая мустьерская стоянка у Волчьего грота в Крыму, ВДИ, 1939, № 1, стр. 258—264; егo же, Исследования мустьерской стоянки у Волчьего грота, КСИИМК, в. VIII, М.—Л., 1940, стр. 90—96.

² П. П. Ефименко, Первобытное общество, К., 1953, стр. 207, 238.

³ Д. А. Крайнов, Жилища Тимоновской палеолитической стоянки, СА, XXV, М.—Л., 1956, стр. 13—34.

⁴ С. Н. Замятин, Раскопки у с. Гагарино, ИГАИМК, в. 118, М.—Л., 1935; А. Н. Рогачев, Костенки IV — поселение древнего каменного века на Дону, М.—Л., 1955; I. G. Шовкопляс, Житла Супоневської палеолітичної стоянки, Археологія, т. V, К., 1951; егo же, Жилище Мезинської стоянки, КСИА, в. 6, К., 1956; егo же, Добраничевська палеолітична стоянка, КСИИМК, в. 59, М., 1955; I. Ф. Левицький, Гонцівська палеолітична стоянка, Палеоліт і неоліт України, т. I, К., 1947; А. П. Окладников, Палеолитические жилища в Бурети, КСИИМК, в. 10, М.—Л., 1941; М. М. Герасимов, Раскопки палеолитической стоянки в с. Мальта, ИГАИМК,

Позднепалеолитические жилища известны также и вне пределов территории СССР (Пшедмост, Ланг-Маннесдорф, Солютре, Фурно-дю-Дьябль, Павлов, Мораваны, Дольние Вестонице, Сагвар и т. д.)¹.

Остатки долговременных позднепалеолитических жилищ имели в одних случаях вид небольших овальных или округлых сооружений типа полуземлянок, в других — небольших интенсивных скоплений культурных остатков вокруг очажных пятен, в третьих — обширных жилых площадок с серией очажных пятен, расположенных по одной линии, в четвертых — земляночных жилищ (Тимоновка, Пшедмост), в пятых — скоплений культурных остатков, окруженных каменными плитами, и, наконец, в шестых — вид округлых или овальных выкладок из крупных костей, окружавших интенсивные пятна скоплений культурных остатков (Мальта, Добраничевка, Гонцы, Мезин, Елисеевичи).

При исследовании некоторых жилищ было обнаружено, что стены их возводились путем применения комбинации строительных приемов. Так, стены четвертого жилища стоянки Мальта сооружены из крупных каменных плиток и крупных костей животных.

Для нас особенно важны данные о тех позднепалеолитических жилищах, основания стен которых сложены из крупных костей, так как аналогичная картина была прослежена во время исследования мустьерской стоянки Молодова I, на территории Кельменецкого района, Черновицкой области.

Стоянка Молодова I расположена на правом берегу Днестра, в отложениях второй надпойменной террасы. Ее исследование проводилось днестровской археологической экспедицией Института общественных наук АН УССР под руководством автора. Во время раскопок стоянки на площади около 300 м² были изучены несколько слоев мустьерского времени (рис. 1). Кроме того, здесь также прослежены остатки нескольких верхнепалеолитических поселений².

В наиболее мощном по количеству культурных остатков мустьерском слое на глубине 10—11 м от поверхности в 1958 г. была обнаружена часть выкладки из специально подобранных и расположенных крупных костей, которая распространялась в неисследованную часть стоянки. Прирезанный в 1959 г. на этом участке новый раскоп позволил проследить контуры всей этой выкладки полностью. Оказалось, что выкладка сложена из крупных костей мамонта, имеет овальную форму; внутри нее наблюдается огромное количество культурных остатков (кремневые изделия, остатки 15 кострищ, камни, кухонные остатки и т. д.). Средняя ширина овального кольца из крупных костей от 0,6 до 1,6 м, размеры внешнего края кольца костей 10×7 м, размеры внутренней части основной камеры 8×5 м (рис. 2, 3).

В качестве строительного материала для сооружения стен жилища были использованы наиболее крупные кости мамонтов, главным обра-

в. 118, М.—Л., 1935; его же, Палеолитическая стоянка Мальта, журн. «Советская этнография», 1958, № 3; К. М. Поликарпович, Работы по исследованию палеолита и эппалеолита в БССР и Западной области в 1933—1935 гг., СА, V, М.—Л., 1940; его же, Работы по палеолиту в Западной области в 1936 г., СА, V; П. И. Борисковский, Изучение палеолитических жилищ в Советском Союзе, журн. «Советская археология», 1958, № 1; А. П. Черныш, Палеолитическая стоянка Вороновца I, КСИМК, в. 63, М., 1956; его же, Многослойная стоянка Молодова V, КСИМК, в. 67, М., 1957.

¹ П. П. Ефименко, Первобытное общество, стр. 358—370; В. Клима, Sidelní object na tábořišti lovců mamutů v Dolních Věstonicích, Časopis Moravského Musea v Brně, Brno, XXXV, 1950; его же, Výzkum paleolitického sídlíště u Pavlova v roce 1956, Archeologické rozhledy, Ročník XI, sešit I, Praha, 1959; V. Gábori, Der erste paläolithische Hausgrundriss in Ungarn, Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae, t. 9, Budapest, 1958, стр. 19—34.

² А. П. Черныш, Палеолитическая стоянка Молодова I, Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода, в. 22, М., 1958.

зом молодых особей. В пределах овального ограждения прослежены 12 расколотых черепов мамонтов, 34 лопатки и тазовые кости, 51 кость конечностей, 14 бивней, 5 нижних челюстей, то есть те категории костей, которые обычно использовались при строительстве позднелепестчатых жилищ на тех стоянках, где применялись крупные кости.

Рис. 1. Молодова I. Раскопки 1959 г.

Рис. 2. Молодова I. Остатки мустьерского жилища.

Изучение характера расположения крупных костей, а также культурных остатков внутри жилища дает основание для вывода о его конструктивной сложности. Так, кроме основной овальной камеры жилища, разделявшейся, по-видимому, перегородкой на северную и южную половины, наблюдались добавочная восточная камера-пристройка площадью $3,5 \times 5$ м и добавочная северо-восточная камера, интенсивно насыщенные культурными остатками. За пределами жилища и добавочных камер количество культурных остатков на площади поселения

резко уменьшалось (до 4—5 находок на один квадрат при 40—50 находках в среднем в наиболее насыщенных квадратах в жилище).

Овальная выкладка костей имела в ряде мест перерывы, которые можно рассматривать в качестве входов и внутренних проходов из одной камеры в другую. Так, два перерыва в западной части стены жилища являлись входами в северную и южную половины основной камеры жилища, перерыв в северной части стены был, очевидно, про-

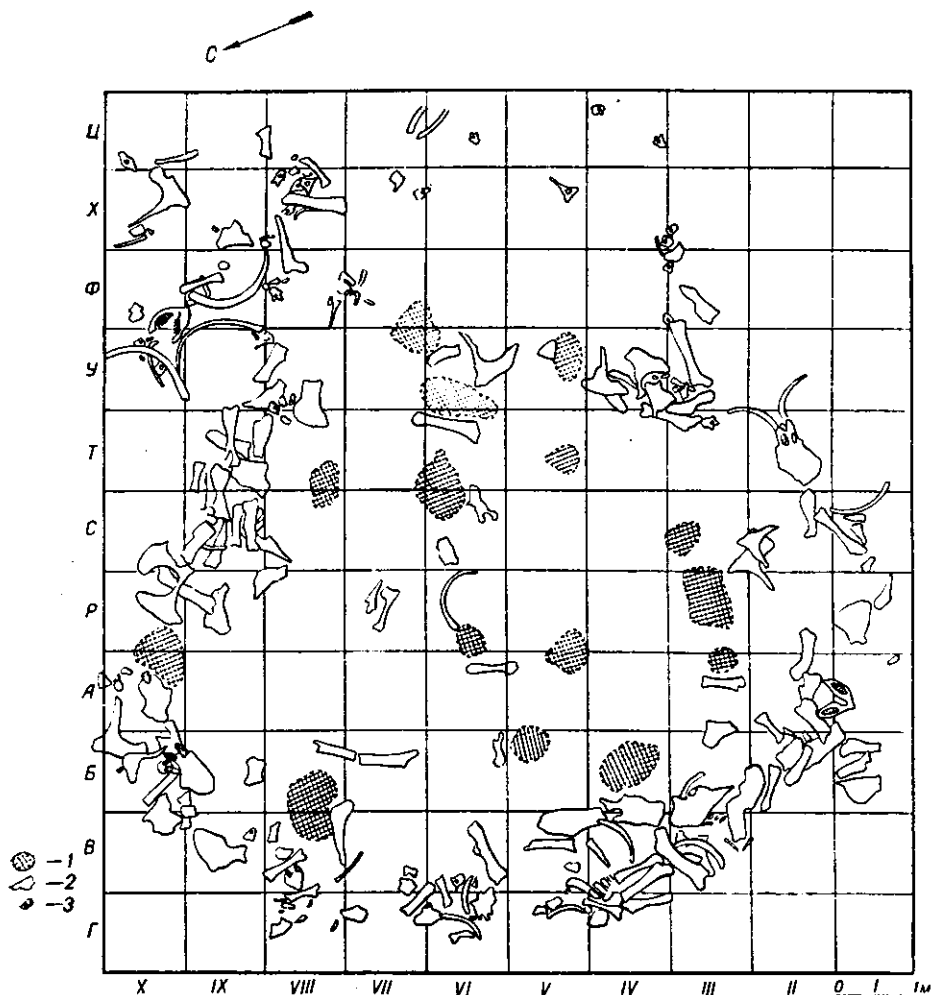

Рис. 3. Молодова I. План жилища.

1 — кость, 2 — кости, 3 — зубы мамонтов.

ходом в северо-восточную камеру жилища, а перерывы в восточной части основания стены основной камеры служили проходами из северной и южной половин в восточную добавочную камеру.

В северной половине основной камеры жилища наблюдалось значительно большее количество кремневых изделий (нуклеусы, отщепы, отбросы), чем в южной, что является показателем обработки кремня в данной части жилища. В южной же половине основной камеры было встречено большое количество кремневых орудий.

Учитывая сходство прослеженной выкладки из крупных костей с остатками позднепалеолитических жилищ и их этнографические параллели, можно заключить, что участок площади внутри кольца из

крупных костей является остатками постоянного, долговременного жилища, а крупные кости, ограничивавшие пятно скоплений культурных остатков,—остатками стен овального шалашеобразного жилища.

Исключительно большая насыщенность площади жилища кремнем (нуклеусы, отщепы), наличие остатков кострищ, кухонных остатков,

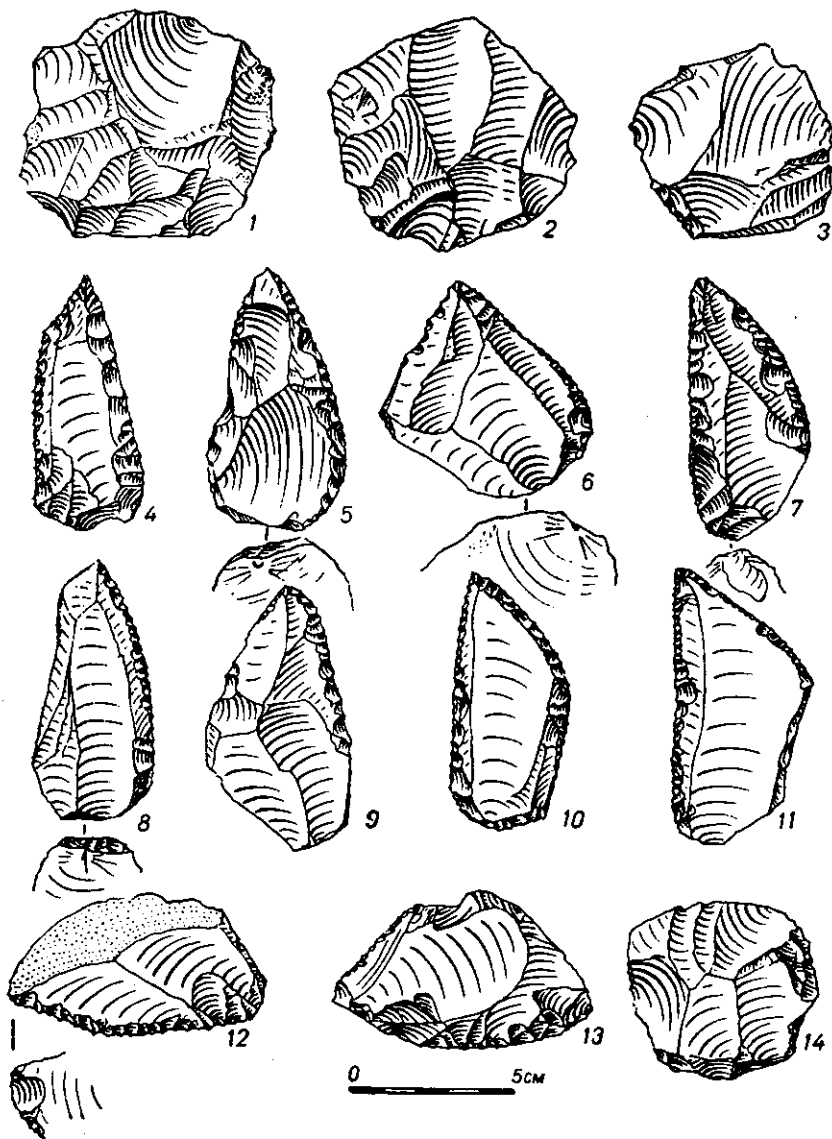

Рис. 4. Молодова I. Кремневые изделия, обнаруженные в границах жилища.

1—3, 14—дисковидные нуклеусы; 4—11—остроконечники; 12—13—скребла.

а также орудий из кости и кремня свидетельствует о долговременном пребывании здесь мустьерского человека.

Несколько слов о материалах, найденных на площади жилища (рис. 4, 5).

Тут было обнаружено около 27 тыс. экз. кремневых изделий. Они состоят из 548 нуклеусов, 4105 пластин, 17 457 отщепов треугольной и овальной формы, 140 орудий, а также отбросов производства.

Для изготовления орудий преимущественно применялся серый, коричневый и темный меловой и галечный кремнь, но изредка использовались также такие породы, как кремнистый песчаник и яшма.

Нуклеусы по форме относятся к дисковидным (153 экз.), однополюсным и двухполюсным квадратным и треугольным нуклеусам левал-

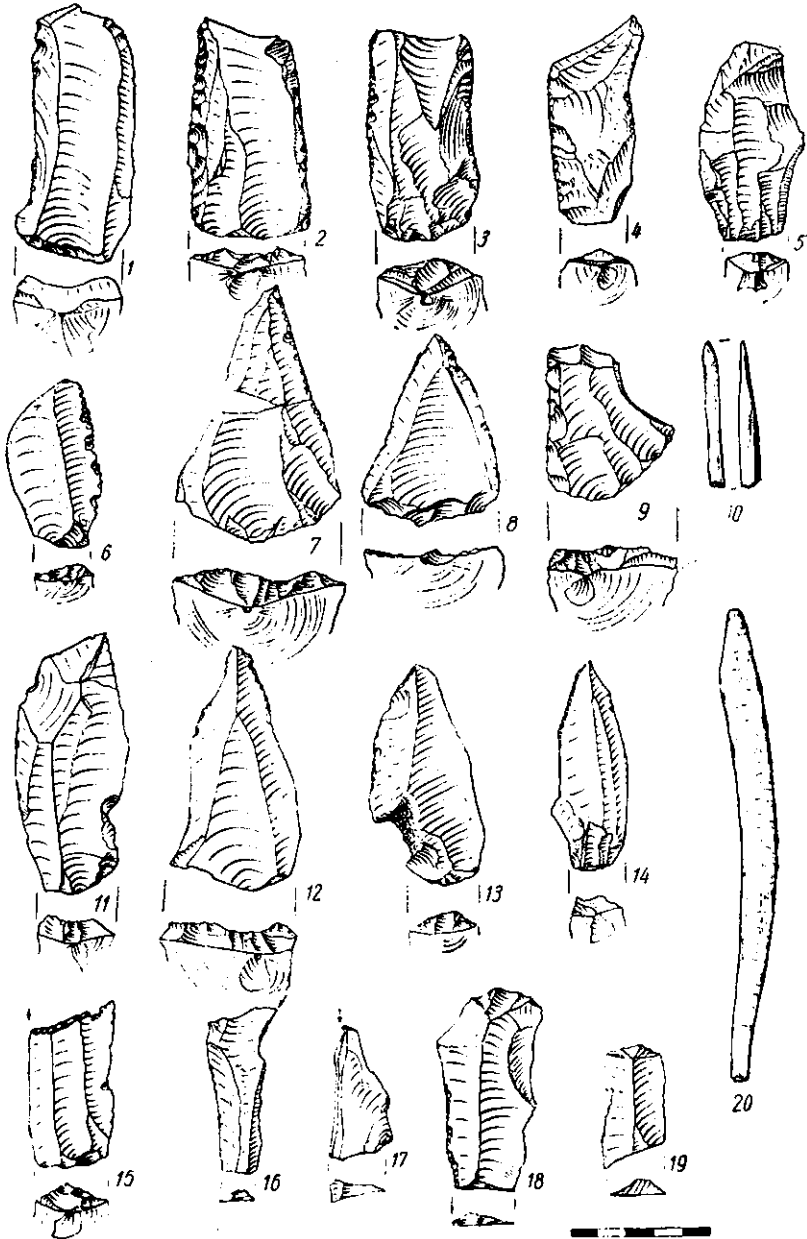

Рис. 5. Стоянка Молодова I. Изделия с площади жилища.

1—6, 9, 11 — ножевидные орудия; 7—8 — остроконечники; 12—14 — орудия типа острей;
15—17 — резцы; 18—19 — скребки; 10 — фрагмент наконечника дротика; 20 — ребро со
следами обработки.

луазских типов (305 экз.), из которых часть — плоские в сечении, к неправильно призматическим (24 экз.) и к нуклеусам аморфной формы (67 экз.). Размеры нуклеусов от 30 до 127 мм. Между нуклеусами указанных типов много переходных форм. Основная часть нуклеусов была

предназначена для изготовления овальных и треугольных отщепов, но с некоторых однополюсных и двухполюсных нуклеусов, а также с неправильно призматических можно было также сбивать и пластины. В нескольких случаях были обнаружены нуклеусы, к которым прилагаются сбитые отщепы.

Значительная часть отщепов и пластин имеет подправку на краю ударных площадок; на пластинах и отщепах обычно были крупные ударные бугорки, размещенные наискось по отношению к их оси.

Орудия труда состоят из 16 остроконечников, 7 скребел, 36 ножевидных орудий, 67 отщепов и пластин со следами употребления, 6 резцов, 2 скребков, 1 скобеля, 3 острий, 1 рубилообразного орудия, 1 орудия со следами двухсторонней обработки.

7 остроконечников обработаны с двух краев, а 8 — с одного. 4 остроконечника относятся к асимметричным. Среди остроконечников преобладают изделия удлиненной формы. Два асимметричных остроконечника имеют второй край, притупленный ретушью, чем они близки к остриям типа Шательперрон. Это является показателем материалов позднего времени данного слоя в пределах мустьерской эпохи. Наличие нескольких орудий верхнепалеолитических типов также указывает на позднее время слоя.

Кроме кремневых изделий в жилище были встречены изделия из кости: фрагмент наконечника дротика и ребро со следами обработки. На исследованной площади обнаружены остатки древесного угля, а также изделия из песчаника — отбойники и песты-терки.

Фауна слоя «мустье 2»: мамонт (преобладает), лошадь, зубр, носорог, бурый медведь.

Кремневые изделия с площади жилища дают основание сравнить этот слой с такими мустьерскими памятниками СССР, как Староселье, Ильская, Чокурча, Шайтан-Коба, Бахчисарайская стоянка, Холодная Балка, Сталинградская стоянка¹.

Так, наличием удлиненных асимметричных остроконечников, близких к остриям типа Шательперрон, слой «мустье 2» стоянки Молодова I напоминает Шайтан-Кобу, Холодную Балку, Староселье, Ильскую, Сухую Мечетку, Бахчисарайскую стоянку; наличием скребков — Ильскую, Шайтан-Кобу, Бахчисарайскую стоянку, Староселье, Волчий Грот; наличием резцов — Староселье, Ильскую, Шайтан-Кобу; наличие же пластин и нуклеусов, приближающихся к призматическим, позволяет сравнить материалы слоя с жилищем с такими стоянками, как Шайтан-Коба, Староселье, Ильская, Бахчисарайская стоянка.

Таким образом, все указанное позволяет мустьерский слой стоянки Молодова I с остатками жилища с полным правом отнести к группе позднемустьерских стоянок. Отсутствие же среди материалов наконечников с двухсторонней обработкой, встреченных, например, на таких стоянках, как Ильская, Староселье, Холодная Балка, дает основание для заключения, что слой с остатками жилища стоянки Молодова I предшествует наиболее поздним мустьерским памятникам типа Ильской и Староселья.

Наибольшее сходство материалы слоя «мустье 2» имеют, несомненно, с таким памятником Крыма, как Шайтан-Коба, на что указал С. Н. Бибинов во время знакомства с материалами Молодова I еще перед их камеральной обработкой.

¹ Д. А. Крайнов, Раскопки Бахчисарайской мустьерской стоянки в 1957 г., КСИИМК, в. 78, М., 1960; А. А. Формозов, Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите, МИА, в. 71, М., 1958; С. Н. Замятин, Итоги последних исследований Ильского палеолитического местонахождения, Труды II Междунар. конфер. АИЧПЕ, в. V; Г. А. Бонч-Осмоловский, Итоги изучения Крымского палеолита, Труды II Междунар. конфер. АИЧПЕ, в. V.

Прослеженные на стоянке Молодова I остатки мустьерского долговременного жилища являются свидетельством того, что культура мустьерского человека была значительно более сложной и многообразной, чем это считалось ранее, и что нет никаких оснований для двухчленного деления палеолита путем включения памятников мустьерского времени в круг стоянок нижнепалеолитического времени.

Мустьерская эпоха несомненно составляет важный этап в развитии палеолитической культуры, имеющий самостоятельное значение, тем более, что мустьерские памятники являются остатками поселений неандертальцев — нового физического типа в развитии ископаемых людей, более прогрессивного по сравнению с нижнепалеолитическими людьми. Разнообразные категории культурных остатков мустьерского времени со стоянки Молодова I представляют собой исключительный интерес для понимания истоков происхождения позднепалеолитической культуры.

СТРАТИГРАФИЯ РОМАНКОВСКОГО ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ

Ю. Г. КОЛОСОВ

На заседании отдела первобытной археологии Института археологии АН УССР преподаватель истории средней школы г. Днепропетровска С. К. Накельский сообщил, что в восточной части котлована Днепродзержинской ГЭС у с. Романкова им и геологом Н. Н. Карловым на протяжении двух последних лет собраны кремневые и костяные орудия позднемустьерского времени и кости четвертичных животных. Как установили С. К. Накельский и Н. Н. Карлов, найденный материал залегал на глубине 10—12 м в культурном слое стоянки, разрушенной гидромониторами. В результате разрушений и оплыва стенок обреза котлована не был получен геологический разрез и стратиграфически находки не зафиксированы.

Сообщенных этими исследователями данных для понимания интересного палеолитического памятника было явно недостаточно. С целью уточнения их и составления общей геологической картины в начале июля 1959 г. С. Н. Бибилов, С. К. Накельский и автор посетили котлован строительства ГЭС. В результате обследования в 150—200 м к западу от места основных сборов находок удалось обнаружить неразрушенный обрез пойменных отложений, где четко прослеживалась стратиграфия не только слагающих его пород, но и залегание кремней и костей животных.

Стратиграфия обреза следующая (рис. 1): 1) песок современный; 2) отложения различных обломочных пород — гранита, мелкой окатанной гальки и песка, окрашенного марганцевыми окислами и железными солями; 3) скала.

Второй слой включает археологические находки «во взвешенном» состоянии, встречающиеся с глубины одного метра от современной поверхности до подстилающей отложения скалы. В эти напластования обломочного материала, гальки и песка включены незначительной окатанности с черной лакированной поверхностью от солей марганца кремни и часто такой же окраски сильно минерализованные тяжелые кости четвертичных животных. Так, например, из стенки останца были извлечены зуб медведя, эпифиз длинной кости оленя, роговой стержень крупного быка (зубра), пластинки зубов мамонта. Кости животных и кремль залегают на территории котлована, значительно превышающей указанную площадь сборов С. К. Накельского и Н. Н. Карлова, распространяясь по всей площади залегания галечно-обломочного намыва. Находки разнородного материала (зубов ископаемой акулы, четвертичной фауны, позднемустьерского кремня, а также более позд-

них, хотя и редких кремневых изделий) указывают на то, что намыв происходил в разные периоды времени и разрушал как коренные берега, так и более низкие места — дюны, откладывая огромные скопления фауны и кремневых предметов в пойме Днепра — в месте нынешнего строительства плотины и здания Днепродзержинской ГЭС.

Рис. 1. Стратиграфический разрез Романковского позднемустьерского местонахождения.

Условия залегания находок Романковского местонахождения похожи на известные местонахождения на Волге — на Тунгузском полуострове и островах Бектяжном и Ундорском¹.

В настоящее время в Романковском котловане в кучах выброса рассеяно большое количество костей животных и кремня, среди которых очень редко попадаются образцы со следами обработки первобытным человеком, а также хорошо обработанные орудия. Сборы в выбросах из котлована продолжают пополнять коллекцию кремней древнего и позднепалеолитического возраста.

¹ М. З. Паничкина, Разведки палеолита на средней Волге. СА, XVIII, 1953.

РЕЗНАЯ ОРНАМЕНТИРОВАННАЯ КОСТЬ ИЗ с. РОМАНКОВА*И. Я. АБРАМОВ**(Днепропетровск)*

Осенью 1958 г. в котловане Днепродзержинской ГЭС на территории Романковского палеолитического местонахождения автору данной статьи посчастливилось отыскать среди костных остатков четвертичных млекопитающих интересный предмет. находка представляет собой фрагмент трубчатой метатарсальной кости крупного копытного животного длиной 153 мм, шириной в средней части 24 мм и в утолщенном близ эпифиза конце 28 мм. На выпуклой поверхности этой кости нанесена гравюра в виде тонких параллельных зигзагообразных линий (рис. 1). Эти линии идут вдоль оси фрагмента и нанесены в нескольких местах. Во-первых, они имеются в средней части фрагмента, начиная на расстоянии около 20 мм от его утолщенного конца. Здесь проведены три линии общей длиной 44 мм, причем расстояние между параллельными линиями составляет от 1 до 2 мм. Ширина этого изображения в среднем 4 мм. На расстоянии около 10 мм от описанного рисунка в том же направлении проходит второй рисунок, состоящий из четырех зигзагообразных или волнистых линий длиной 28 мм и средней шириной 4 мм. Примерно на таком же расстоянии (10 мм) начинается третий рисунок, упирающийся в косо срезанный конец фрагмента. Этот рисунок также состоит из четырех волнистых линий общей шириной до 5 мм.

Второй ряд таких же рисунков, проходящий вдоль кости, находится около одного из длинных краев фрагмента. Каждый из этих рисунков представляет собой зигзагообразные линии, параллельные друг другу. Близ утолщенного конца фрагмента рисунок состоит из трех линий общей шириной около 3 мм и длиной 37 мм. Каждая из линий образована прямыми короткими штрихами, сходящимися под тупым углом. Длина каждого штриха 3—4 мм. Вторым рисунком в том же ряду состоит из пяти волнистых линий общей шириной до 6 мм. Эти линии параллельны друг другу и также образованы короткими прямыми штрихами, сходящимися друг к другу под тупым углом.

Третий ряд рисунка сохранился только лишь на отдельных участках поверхности фрагмента. Близ утолщенного его конца имеется остаток рисунка, состоящий из двух зигзагообразных линий. На расстоянии 50 мм от него — второй остаток рисунка из трех параллельных линий, врезанных в кость в виде узких неглубоких желобков.

Одновременность этих рисунков с прочим вещевым инвентарем из Романковского палеолитического местонахождения доказывается тем,

что на поверхности фрагмента, как с наружной, выпуклой его стороны, так и с внутренней, вогнутой, имеется сильно блестящая корка смоляно-черного цвета, точно такая же, как и на всех прочих найденных здесь костяных и кремневых находках. К тому же кость сильно фоссилезирована, очень плотная и тяжелая, ввиду чего нет никаких оснований выделять ее из общего комплекса.

Датировать кость с зигзагообразными изображениями по стратиграфическим данным не представляется возможным. Отложения у котлована Днепродзержинской ГЭС содержат разновременный остеологи-

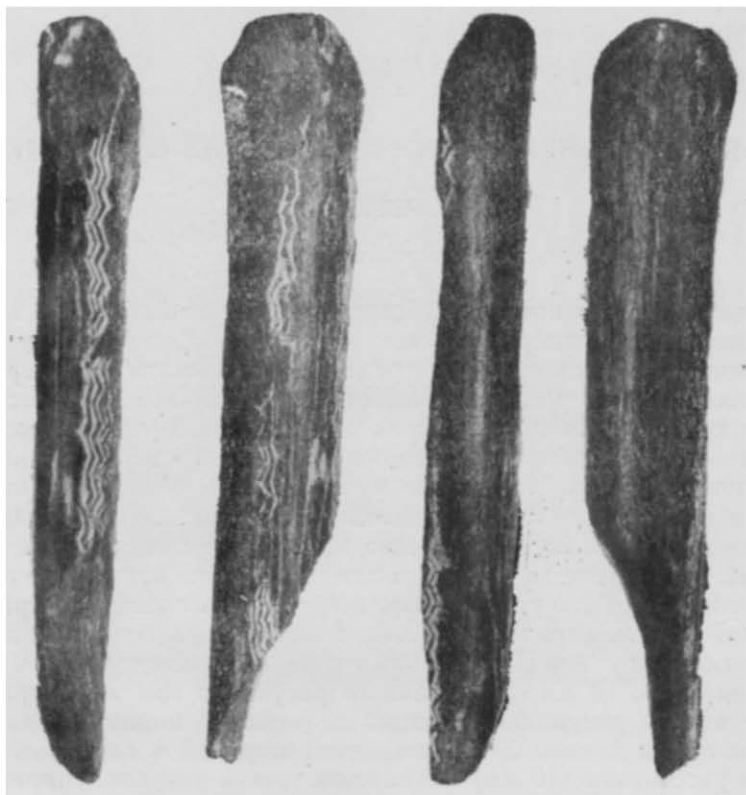

Рис. 1. Фрагмент орнаментированной кости из с. Романькова.

ческий и кремневый материал, находящийся, как установил Ю. Г. Колосов, в обломочных пойменных отложениях¹. Здесь наряду с зубами ископаемой акулы встречены кости четвертичных видов животных. Нет оснований отрицать и возможность наличия остатков более позднего времени, чем средний палеолит. Найденная нами кость скорее всего относится ко второй половине позднего палеолита, возможно, к мадленской фазе его развития. На такую датировку указывает прежде всего орнамент.

Зигзагообразный орнамент встречается в позднепалеолитических местонахождениях довольно часто, причем преимущественно в памятниках второй половины позднепалеолитического времени. Хорошо вы-

¹ Ю. Г. Колосов, Стратиграфия Романковского палеолитического местонахождения, см. в настоящем сборнике.

ражены зигзагообразные построения, выполненные в гравюре, на так называемых птичках и других предметах из Мезина (раскопки Ф. К. Волкова) ¹. Интересен зигзагообразный узор, нанесенный красной краской на лопатке мамонта, происходящей из той же стоянки (раскопки И. Г. Шовкопляса и И. Г. Пидопличко) ². Такой же зигзагообразный резной сюжет украшает ручку долотообразного орудия, найденного в Костенках I на Дону (раскопки П. П. Ефименко). Кстати, резной зигзагообразный орнамент встречен там же и на небольшом обломке кости ³. Видимо, в западноевропейских собраниях палеолитической гравюры сюжет зигзагообразной резной орнаментации тоже имеет место ⁴. Едва ли изображения на кости из Романкова имели какое-то смысловое, магическое значение. Скорее всего это простой чисто орнаментальный сюжет, украшавший какое-то орудие древнего человека.

¹ П. П. Ефименко, *Первобытное общество*, К., 1953, стр. 467, рис. 213; стр. 468, рис. 215; стр. 469, рис. 217.

² И. Г. Шовкопляс, *Некоторые итоги исследования Мезинской палеолитической стоянки в 1954—1956 гг.* (предварительное сообщение), журн. «Советская археология», 1957, № 4, рис. 5.

³ П. П. Ефименко, *Костенки I, М.—Л.*, 1958, стр. 296, рис. 109; стр. 319, рис. 2.

⁴ Н. К ü h n, *Kunst und Kultur der Vorzeit Europas*, стр. 305, рис. 89; табл. 52, рис. а.

О ГЕОЛОГИЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ ОРНАМЕНТИРОВАННОГО МЕТАПОДИЯ ДИКОГО ОСЛА ИЗ с. РОМАНКОВА

И. Г. ПИДОПЛИЧКО

Найденная в районе строительства Днепродзержинской ГЭС орнаментированная кость представляет собой обломок метатарза дикого осла. Вид дикого осла, которому принадлежит описываемая кость, может быть или *Asinus hemionus* (кулан) или *Asinus hidruntinus* (европейский осел). Оба вида обитали на юге Украины (кулан до XVI в.). Из промеров описываемой кости можно указать ее ширину по середине — 25 мм. Этот же промер метатарза кулана из Ольвии — 28 мм. Судя по изломам кости, приобретшим темный, почти черный цвет (как и вся кость), можно сказать, что она расщепилась вдоль на две части весьма давно и, кроме того, верхняя продольная ее часть переломана была еще пополам. Подобные расщепы и переломы часто получаются в результате переноса костей водой по каменистому руслу, что и могло иметь место в долине Днепра в районе современного Днепродзержинска. На описываемом обломке метатарза сохранилась небольшая часть проксимальной суставной поверхности. Периферия всего проксимального эпифиза была преднамеренно сглажена. Это обстоятельство и характер обломка дают основание предполагать, что метатарз дикого осла использовался как рукоятка или какое-то другое изделие, рабочим концом которого был проксимальный эпифиз. Самой интересной особенностью описываемого обломка является орнамент, состоящий из угловато-волнистых бороздок, нанесенных вдоль кости. Бороздки шириной 0,9—1,2 мм каждая сгруппированы в полоски длиной 2,5—4 см, в каждой полоске 3—5 бороздок. Орнамент подобного типа известен из Мезинской позднепалеолитической стоянки, где на предметах, сделанных из кости, он вырезан, а на ряде костей нанесен красной охрой. Значение подобного орнамента еще не ясно, можно только сказать, что на более поздних памятниках (например, египетских и критских) он означает воду.

В данном случае немаловажное значение имеет геологический возраст описываемой кости, которая на первый взгляд довольно древняя (о чем свидетельствует темный, почти черный цвет). Для анализа коллагеновым методом нами использован небольшой ее обломок. В результате прокаливания получен показатель 292. Сопоставляя его со средним показателем 297 костей из Мезинской позднепалеолитической стоянки (проанализировано 60 образцов), можно убедиться в геологической одновозрастности описываемого метатарза и костей из Мезинской позднепалеолитической стоянки. Следовательно, возраст описываемого орнаментированного обломка метатарза, как и возраст Мезинской позднепалеолитической стоянки, является среднеголоценовым (по нашей схеме), то есть относится к началу так называемого постгляциала (последледниковья) по существующей гляциалистической схеме.

РАСКОПКИ ПЕЩЕРЫ КАРА-КОБА В КРЫМУ

Ю. Г. КОЛОСОВ

Юго-западный Крым и особенно район Байдарской долины всегда привлекал внимание археологов. Начиная с 1927 г. здесь проводила поисковые работы по выявлению памятников эпохи палеолита группа С. А. Трусовой и С. Н. Бибилова, которая входила в состав экспедиции, работавшей под общим руководством Г. А. Бонч-Осмоловского. Разведочной группе в 1927 г. удалось найти ряд мезолитических поселений в скалистых убежищах — Фатма-Коба, Шан-Коба, а позднее Юсуф-Коба на мысе Ланге¹. В это же время в живописном каньоне р. Черной была обнаружена пещера, носящая название Кара-Коба (Черная пещера).

Из заложенных двух шурфов в глубине пещеры, недалеко от входа, и одного шурфа у самого входа снаружи по причине технических затруднений только последний был доведен до глубины 150 см.

В нем найдено несколько отщепов и длинная ножевидная пластинка позднепалеолитического облика. В двух других шурфах, только затронувших нижние слои пещерных отложений, археологического материала, за исключением фаунистических остатков, собрать не удалось. По определению В. И. Громовой (сделанному в 1930 г.), в отложениях пещеры встречены кости благородного оленя, дикой лошади, волка, сайги и лисицы².

Прошло много лет после первых попыток исследовать отложения в пещере Кара-Коба, и только в 1956 г. вновь были начаты работы, продолжавшиеся в течение двух последующих сезонов 1957 и 1958 гг. По поручению Крымской первобытной экспедиции (начальник С. Н. Бибилов) автор этой статьи произвел относительно широкие по пещерным масштабам раскопки, результаты которых излагаются ниже.

В 1956 г. был заложен повторный шурф у входа в пещеру снаружи. В нем найдено несколько ножевидных пластинок и отщепов, а также обломков костей животных. Дать уточненную датировку этих остатков не представлялось возможным. В 1957 г. автор, находясь в составе экспедиции Института зоологии АН УССР (руководитель проф. М. А. Воинственский), произвел шурфовку глубинной части пещеры. На расстоянии 16 м от входа вглубь пещеры был заложен шурф, давший более обнадеживающие результаты, чем предыдущие разведочные работы. В отложениях были найдены кремневая пластинка, ретушированная со стороны брюшка, кости животных и большое количество рыбьих позвонков. Все эти, а также предыдущие находки давали возможность

¹ С. А. Трусова, Краткий обзор работ Крымской палеолитической экспедиции 1936 г., СА, V, М.—Л., 1940.

² Архив ИИМК АН СССР, фонд Г. А. Бонч-Осмоловского.

определить довольно обширную площадь пещеры, заселенную древним человеком, что, естественно, стимулировало дальнейшее исследование этой пещеры, продолженное в 1958 г.

Пещера Кара-Коба расположена примерно в 7 км к юго-западу от с. Передовое, Куйбышевского района, Крымской области, в каньоне р. Черной, на правом берегу. Вход в пещеру обращен на юго-восток,

Рис. 1. Вид на пещеру Кара-Коба.

возвышаясь над уровнем реки на 14 м. Пещера карстового происхождения, длина ее около 24 м, ширина 3—4 м, высота у входа около 2 м (рис. 1).

Начатые нами раскопки¹ в передней части пещеры вскрыли площадь 24 м². Стратиграфия по северной стенке раскопа такова.

Первый слой, перекрытый напластованием кизячной пыли толщиной в 1 м с находками позднесредневекового времени, мощностью

¹ В раскопках, кроме автора, принимали участие: научный сотрудник Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР Н. В. Кетрару, старшие лаборанты Института археологии АН УССР С. К. Себекин и Б. Я. Брязкун, орнитолог С. Н. Павловская, студенты КГУ Л. Г. Мацкевой, С. Н. Загрядский, В. К. Олиферук, С. И. Романенко, студент Кабардино-Балкарского университета А. В. Мигур и студент Каменец-Подольского пединститута И. М. Фишелев.

0,25 м, состоит из красной глины с мелким щебнем. В этом слое встречены находки тарденуазского времени.

Второй слой мощностью 0,2 м и у входа в пещеру 0,12 м состоит из красно-бурой глины с включением щебня. В этом слое встречены находки костей животных.

Третий слой в среднем мощностью 0,35—0,4 м состоит из темно-красной глины с включением линзы зеленой отмученой глины, распространявшейся на две трети площади раскопа, с содержанием мелкой гальки. На участке темно-красной глины найдено небольшое количество костей животных и несколько невыразительных окатанных кремней.

Четвертый слой в среднем мощностью 1 м состоит из зеленой и белой глины, не содержащей находок.

Под вышеуказанными слоями залегает скалистое дно, над которым общая мощность отложений достигает в среднем 3 м.

Большинство находок обнаружено у самого входа, под нависающим карнизом пещеры, в линзе скопления улиток *Helix* первого слоя.

В процессе раскопок удалось выявить некоторые детали, связанные с планировкой и хозяйственными сооружениями пещерного жилья. Прежде всего, недалеко от входа с внутренней стороны был расчищен небольшой очажок (уч. Зр—4р), имевший вид неясно выраженного зольного пятна округлой формы. Размеры очажка 45×35 см. В другом месте удалось обнаружить небольшое сооружение, исследование которого дало материалы, дополняющие соображения С. Н. Бибикова о способе приготовления в пищу улиток *Helix* позднемезолитическим человеком¹. Имеется в виду ямка для запекания улиток глубиной 18 см от поверхности жилой площадки первого слоя. С одной стороны ямка примыкала к естественному углублению стенки пещеры, а с других сторон сверху ограничивалась преднамеренно положенными большими камнями. Дно ямки также было выложено камнями. Искусственно сделанная камера имела размеры 65×32×18 см. На дне ее лежали улитки *Helix*, перекрытые тонким слоем глины, а затем прослойкой углей. Не вызывает сомнений, что эта камера, так же как и ямки в Шан-Кобе и Юсуф-Кобе I, служила для запекания улиток. В Мурзак-Кобе, по словам С. Н. Бибикова, была также раскопана небольшая камера, выложенная камнями, которая может быть по ряду данных интерпретирована как приспособление для запекания улиток *Helix*. Подобная ямка с дном, выложенным камнями, была обнаружена и Е. А. Векиловой в гроте Сюрень II.

Таким образом, в Крыму в слоях памятников мезолитического времени ямки, служившие для хозяйственных надобностей, встречаются уже довольно часто и отличаются конструктивными деталями. Одни — более простые, без обкладки и ограждений камнями (Шан-Коба, Юсуф-Коба I) и другие — более сложные, с выложенным камнями дном и ограждением (Кара-Коба, Мурзак-Коба, Сюрень II).

Кремневые и костяные орудия найдены в Кара-Кобе в небольшом количестве.

Из кремневых орудий обнаружены пластинки с выемками, с частичной боковой ретушью, боковые резцы на пластинках, скребки, геометрические орудия трапецевидной формы (рис. 2) и один вкладыш кукрекского типа. Кроме того, среди кремневого материала встречаются ножевидные пластинки, микропластинки, отщепы с выемками и частичной ретушью, резцовые сколы. Преобладает кремнь серых тонов, изредка встречается прозрачный дымчатого цвета. На некоторых крем-

¹ С. Н. Бибиков, Об использовании улиток *Helix* в позднелитическое время (по материалам Крымской палеолитической экспедиции в 1935—1936 гг.), МИА, № 2, 1941.

нях видны следы заполировки, иногда растрескивания от пребывания в огне.

Из костяных изделий важной находкой является наконечник гарпуна из рога благородного оленя (рис. 3). В настоящее время стоянка

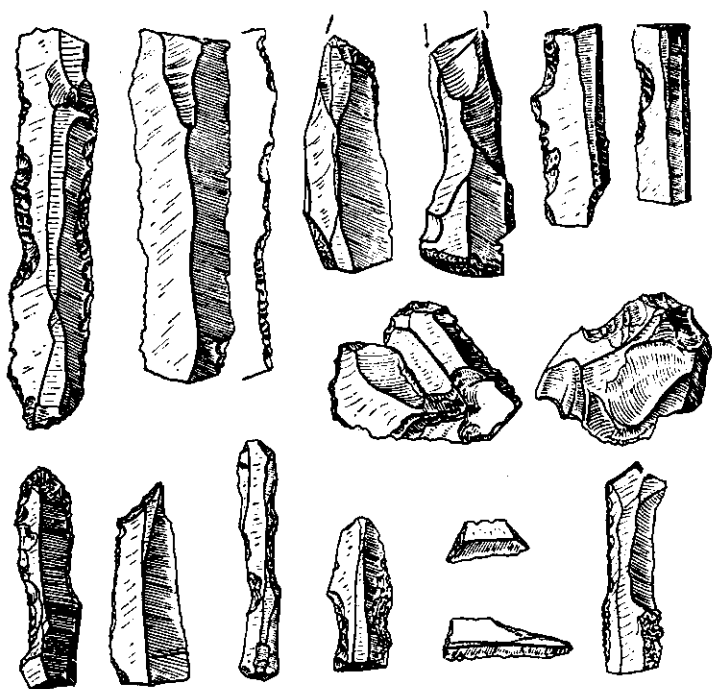

Рис. 2. Кремневый инвентарь из пещеры Кара-Коба.

Кара-Коба считается вторым памятником в Крыму, давшим наконечник гарпуна¹. Другие предметы из кости представлены проколками и шильями (рис. 3).

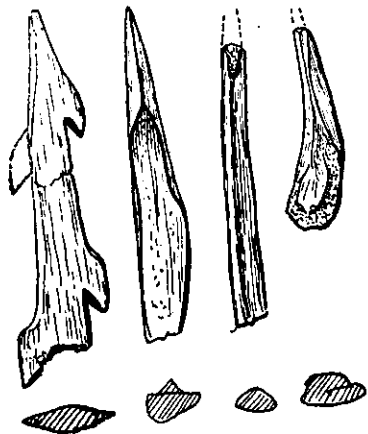

Рис. 3. Роговые и костяные изделия из пещеры Кара-Коба.

Весь комплекс находок позволяет датировать первый слой третьим слоем Шан-Кобы или Мурзак-Кобинской стадией, что соответствует тарденуазскому времени.

Гарпун из Кара-Кобы состоит из двух хорошо склеившихся обломков верхней части острия. Нижняя часть — насад — была также обломана в древнее время и утрачена. Большая, сохранившаяся часть острия имеет длину 5,5 см и ширину в средней части 0,75 см. Стержень гарпуна постепенно расширяется книзу и имеет в сечении миндалевидную форму. Зубцы вырезаны с обеих сторон, причем два зубца сохранились полностью и располагаются только с одной стороны. С другой — сохранился один зубец, второй был обломан еще в древнее время. Зубцы расположены асимметрично, на расстоянии 2 см друг от друга с обеих сторон. Судя по небольшой толщине стержня острия, а также

¹ Грот Мурзак-Коба является первым памятником в Крыму, на котором обнаружены наконечники костяных гарпунов.

по небольшим размерам аналогичных гарпунов из Мурзак-Кобы¹, гарпун из Кара-Кобы имел всего два зубца по обеим сторонам и заканчивался насадом, по-видимому, состоявшим так же, как и мурзак-кобинские, из двух симметрично расположенных отростков на расстоянии 2 см от основания нижнего зубца.

Небезынтересно, что между этим гарпуном и мурзак-кобинскими, с одной стороны, и гарпунами мадленского времени, с другой, прослеживаются определенные черты сходства в форме, очертании и расположении зубцов². Это сходство между гарпунами тарденуазского и мадленского времени дает нам основание отметить преемственность в технике изготовления орудий охоты и рыболовства в эти периоды.

Найденный в Кара-Коба обломок наконечника гарпуна, по нашему мнению, принадлежит к типу гарпунов, предназначенных только для боя рыбы, так как вследствие небольшой толщины стержня (0,5 см) и его малых размеров они были бы непригодны для охоты на крупных животных. К такому же выводу о назначении наконечников гарпунов мы приходим и по отношению к близким по морфологическим признакам мурзак-кобинским находкам. Неслучайным является и тот факт, что наконечники гарпунов найдены совместно с большим количеством костей рыб.

Малое количество отходов кремня, а также отсутствие нуклеусов в первом культурном слое позволяет установить, что пещера Кара-Коба служила временной сезонной стоянкой рыболовов. Исходя из того, что большое количество найденных костей рыб принадлежало черноморскому проходному лососю³ (который, как известно, мечет икру в октябре—декабре, заходя в верховья многоводных с быстрым течением рек⁴), можно уточнить и сезон заселения пещеры.

Рыбу били не только гарпунами. находка трапеции с зубчиками указывает на то, что ее ловили и с помощью блесны. Реконструкция употребления трапеции с зубчиками как древнейшей кремневой блесны в недавнее время была предложена С. Н. Бибиковым и получила признание многих археологов, знакомых с приемами рыбной ловли и рыболовными снастями⁵.

Стоянка в пещере Кара-Коба по характеру своих материалов особенно близка к позднемезолитическому памятнику Мурзак-Кобе, находящемуся примерно в 7 км вниз по течению р. Черной⁶. Можно предположить, что в Кара-Кобе поселилась группа рыболовов-охотников одного и того же коллектива, кочевавшая вверх по реке с целью добычи рыбы. Такое соображение подтверждают находки наконечника гарпуна и многочисленных костей лосося. Условия в районе пещеры были благоприятны для ловли рыбы, особенно во время нереста черноморского лосося. Река в этом районе имеет пороги и перекаты, во многих местах ее русло то сужается в узкую горловину, то растекается в мелкие, но довольно широкие заводи.

Здесь, вблизи пещеры, первобытные рыболовы и подстерегали рыбу, добывая ее гарпунами и другими средствами ловли.

¹ С. Н. Биби́ков, Производственная роль костяного инвентаря в хозяйстве позднелитических обществ Крыма, Ученые записки ЛГУ, Серия исторических наук, в. 13, 1949, стр. 25, табл. II.

² Ср. Г. Кларк, Доисторическая Европа, М., 1953, стр. 41, рис. 9.

³ Свыше 200 костей рыб, по предварительному определению проф. В. Д. Лебедева, принадлежат черноморскому проходному лососю.

⁴ В. Д. Лебедев, Рыбы из позднелитической стоянки Мурзак-Коба в Крыму, БМОИП, отд. биол., т. 57, в. 6, 1952.

⁵ С. Н. Биби́ков, Раскопки в навесе Фатьма-Коба в 1956 г., КСИИ, № 8, 1959, стр. 120.

⁶ С. Н. Биби́ков, Грот Мурзак-Коба — новая позднелитическая стоянка в Крыму, журн. «Советская археология», 1940, № 5, стр. 159—178.

Таким образом, перед нами специализированная стоянка на берегу реки, жители которой занимались, главным образом, добычей рыбы, и в первую очередь проходного лосося. Для охоты на дичь вследствие сильно пересеченной местности и нахождения самой стоянки в каньоне реки почти не было условий. К тому же дичь обитала на высоких травянистых плато или в открытой Байдарской долине, где и были охотничьи угодья мезолитических племен. Необходимо подчеркнуть, что исследователи прошлых лет только на морском побережье отмечали очень неясные следы как будто позднемезолитических племен. А. С. Моисеев упоминал, например, о совсем недостоверных остатках скоплений раковин моллюсков близ Ласпи¹, что, впрочем, не подтвердили позднейшие розыски, не давшие датирующего материала. Еще раньше К. С. Мережковский привел в фаунистической сводке одного из черкез-керменских гротов кости дельфина². Однако и следы прибрежных стоянок в виде небольших раковинных скоплений (если таковые действительно были), и остатки костей дельфина в мезолитической стоянке, далеко отстоящей от морского побережья, скорее свидетельствуют о прибрежном собирательстве, чем о рыболовческой направленности хозяйства у мезолитического человека, посещавшего морское побережье.

Менее определенно можно говорить об очень еще малочисленных археологических остатках из нижележащих слоев в пещере Кара-Коба. В них найдены невыразительные кремневые обломки и довольно разнообразная фауна. По предварительному определению В. И. Бибиковой, в нижних слоях встречены кости пещерной гиены, пещерного медведя, гигантского оленя, дикой лошади, осла, сайги. Эти виды характерны для позднего и среднего палеолита. Состав орнитофауны, включающей альпийскую галку, клушницу, серую куропатку, тетерева и др., согласуется с орнитофауной, встреченной, например, в Сюрени I³. Среди костей птиц определена косточка фазана. Стратиграфическое положение ее остается пока точно не выясненным.

Интересно, что найденный в другой пещере — Карань-Коба (Темная)⁴ — обильный костный материал (значительно пополнившийся в 1958 и 1959 гг.), близкий по видам к кара-кобинскому, тоже сопровождался очень невыразительными кремневыми осколками.

Находки в нижних слоях пещеры Кара-Коба свидетельствуют, что юго-западная часть Крыма в эпоху среднего и позднего палеолита была населена животными и удобна для обитания, а следовательно, возможно, сюда проникали охотничьи коллективы. Может быть остатки в нижних слоях пещер Кара-Коба и Карань-Коба — это следы недолговременного пребывания их в этих пещерах, послуживших им убежищем.

¹ А. С. Моисеев, Предварительный отчет о находках следов каменного века на Яйле и на южном берегу Крыма, ИТУАК, № 57, Симферополь, 1919.

² К. С. Мережковский, Отчет о предварительных исследованиях каменного века в Крыму, ИРГО, т. XVI, XVII, в. 2, 1880.

³ Орнитофауна из пещеры Кара-Коба определена С. Н. Павловской под руководством проф. М. А. Воиновского.

⁴ В. И. Бибикова, Ю. Г. Колосов, Фауна пещеры Темная, журн. «Природа», 1958, № 3.

ИССЛЕДОВАНИЯ В РАЙОНЕ с. СТЕНА НА СРЕДНЕМ ДНЕСТРЕ

М. Л. МАКАРЕВИЧ

Летом 1958 г. автором настоящего сообщения были возобновлены археологические работы на участке, расположенном к северу от с. Стена, Томашпольского района, Винницкой области. Здесь в 1929 г. С. С. Гамченко исследовал трипольское поселение, открытое разведывательной экспедицией Тульчинского музея¹.

В результате работ 1958 г. было выяснено, что поселение, обнаруженное в 1929 г. (№ 1), входило в группу трех других поселений (№ 2—4), открытых в 1958 г.

Все поселения расположены к северу от с. Стена на плато, край которого, обращенный к излучине р. Русавы, имеет дугообразную форму. С востока и запада это плато заканчивается двумя длинными, узкими мысообразными отрогами, на которых открыты культурные слои трех трипольских поселений.

Поселение № 1 невелико и занимает небольшую, ровную площадку на восточной части мыса, перерезанного к северо-западу от поселения широким рвом и валом. Эта местность называется Могилки. К юго-востоку мыс, густо поросший лиственным лесом, плавно спускается к р. Русаве.

Археологические материалы, собранные на поселении № 1, обнаруживают близкое сходство с памятниками петренского типа, но по ряду признаков могут быть отнесены и к более позднему времени.

Поселение № 2 расположено на противоположном отроге узкого мыса дугообразного плато, в 800 м к западу от поселения № 1, около каменной церкви XVII в. Оно сильно разрушено и размыто. Разведкой установлены следы наземных сооружений с использованием камней и известняка. На поселении найдены обломки керамики, украшенной сравнительно развитым шнуровым и монохромным сетчатым орнаментом, хорошо известным по памятникам усатовского типа.

Поселение № 3 расположено в 1 км к северо-западу от поселения № 1 на открытом плато, близ колхозного сада. Здесь отмечены остатки наземных жилищ, культурный слой которых поврежден при вспашке поля. Собранная керамика позволяет датировать это поселение также временем, близким к петренскому.

Поселение № 4, на исследовании которого были сосредоточены основные работы 1958 г., расположено в 400—450 м к юго-востоку от поселения № 1. Эта часть мыса, как указывалось выше, густо поросла лиственным лесом. Проходящая здесь дорога во многих местах обна-

¹ Работы производились на средства Тульчинского музея под руководством С. С. Гамченко, при участии Е. Ф. Лаговойской, М. Л. Макаревича и И. Ч. Зборовского.

жает культурные слои жилищ и как бы делит весь мыс на две части. Западная часть называется у местных жителей Стинка, восточная — Посичи. На этих двух урочищах и расположено поселение № 4, площадь которого не превышает 1 км².

В ходе раскопок поселения № 4 было вскрыто более 100 м² и исследованы остатки двух жилищных комплексов наземного типа. Одно из жилищ имело прямоугольную форму и состояло из двух небольших помещений. В отличие от общеизвестных трипольских сооружений при устройстве стен этого жилища наряду с деревом и глиной широко применялись плиты известняка.

Среди многочисленных находок выделяется небольшая группа орудий труда, типичных для трипольских поселений (рис. 1).

Обломки костей животных, по определению В. И. Бибиковой, дают следующую картину домашней и дикой фауны:

Домашние животные	Колич. костей	Колич. особей
Бык	250	8
Коза	3	1
Овца	4	2
Овца-коза	30	2
Свинья	63	9
Лошадь	11	2
Собака	4	1
Всего	365	25
Дикие животные		
Олень благородный	2	1
Косуля	1	1
Всего	3	2

Наиболее многочисленны находки обломков посуды, составляющие две группы: красноглиняную, главным образом с монохромной росписью (рис. 2), и сероглиняную, иногда с примесью ракушки, принадлежащую к так называемому кухонному типу посуды (рис. 3). Формы сосудов разнообразны: горшки с широким горлом, пифосы, биконические шлемовидные (рис. 2, 5) и биноклевидные сосуды, миски разных размеров (рис. 2, 6), сосуды на четырех ножках.

Заслуживают внимания зооморфные композиции орнамента, встреченные на расписных сосудах, близкие к некоторым петренским. Весьма интересны изображения пар быков, обращенных мордами друг к другу (рис. 2, 2). Не менее интересны парные изображения быков, размещенные рядом, возможно, передающие парную упряжку (рис. 4), а также отдельные фигуры других животных.

Сосуды кухонного типа украшены рельефными головками быков и налепами, символизирующими это животное (рис. 3, 1, 3, 8).

Воспроизведение образа быка на сосудах не является случайностью, а связано с развитием скотоводческо-земледельческой трипольской культуры.

Нужно полагать, что наряду с культом матери-прародительницы бык, как главное животное в системе земледельческо-скотоводческого хозяйства, становится воплощением божества, а его рога — эмблемой¹.

В жилище были обнаружены фрагменты двух статуэток (рис. 5, 2, 3), а также части глиняной стелообразной плитки с несколькими антропоморфными изображениями вроде алтаря трушешского типа (рис. 5, 1)². Они лежали возле печного развала, в центре жилища. Здесь же находились две зернотерки, фрагментированные сосуды и оттяжки ткацкого станка (рис. 1, 15—20). В некотором отдалении стояли мисочки, биконической формы миниатюрные сосудики и два шлемовидных сосуда (рис. 2, 5).

В другой части жилища, также у печи, была открыта выделявшаяся на общем фоне жилищного развала оригинальная вымостка. Она

¹ М. Л. Макаревич, Статуэтки трипольского поселения Сабатиновка II, КСИА, в. 3, 1954.

² Şantierul arheologic Truşeşti, Studii şi Căerţări de Istorie Veche, t. V, 1—2 Bucureşti, 1954, стр. 11, рис. 3.

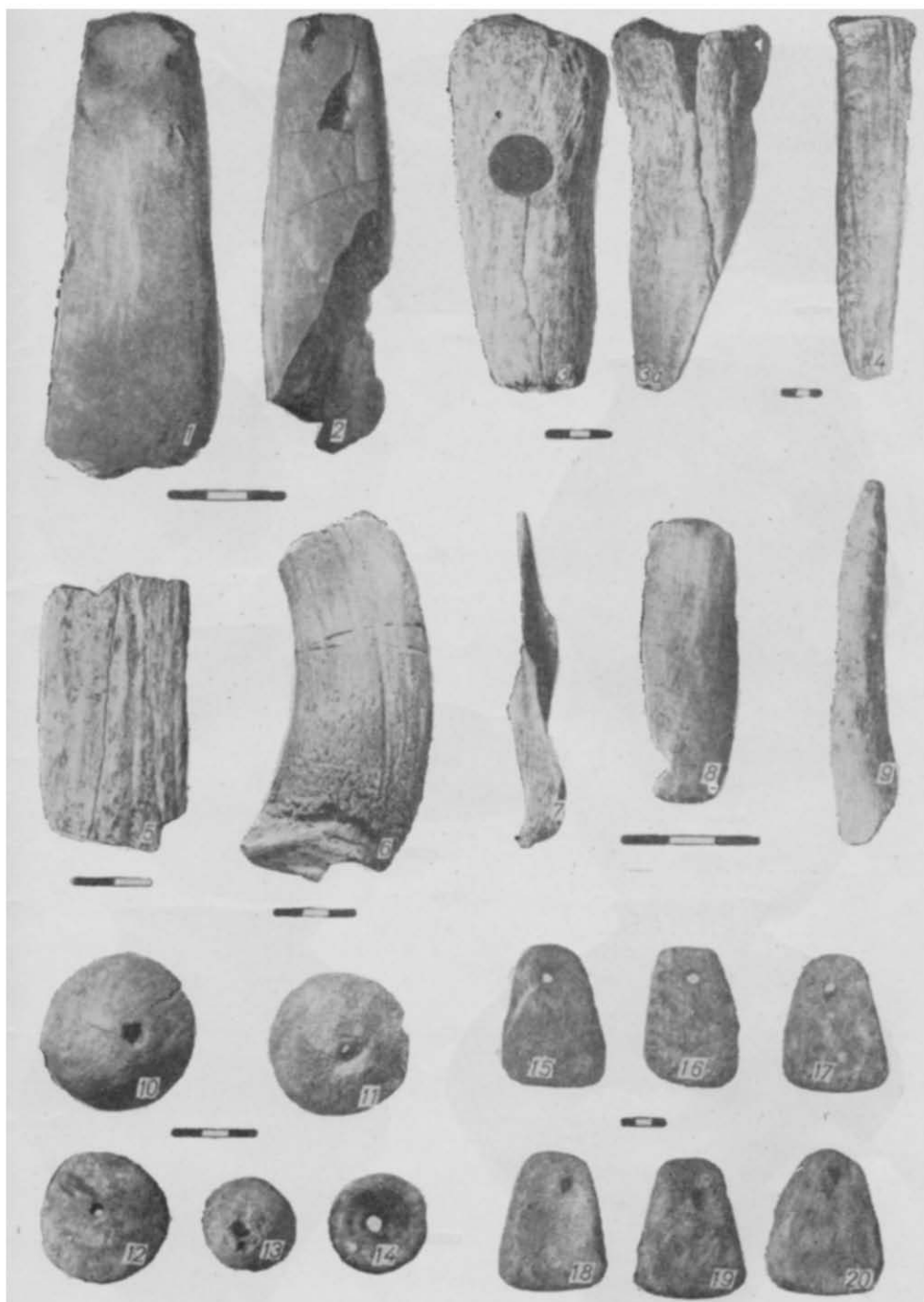

Рис. 1. Орудия труда из поселения № 4 у с. Стена.

1, 2 — сланцевые орудия клиновидной формы; 3 — мотыгообразное орудие из рога оленя (фас и профиль); 4 — рукоятка (муфта) кремневого ножа из рога оленя; 5 — обломок рога оленя со следами обработки; 6 — рог быка с надрезами; 7 — костяное шило; 8 — костяное лощило; 9 — рог козы со следами использования; 10—14 — прислица; 15—20 — оттяжки ткацкого станка.

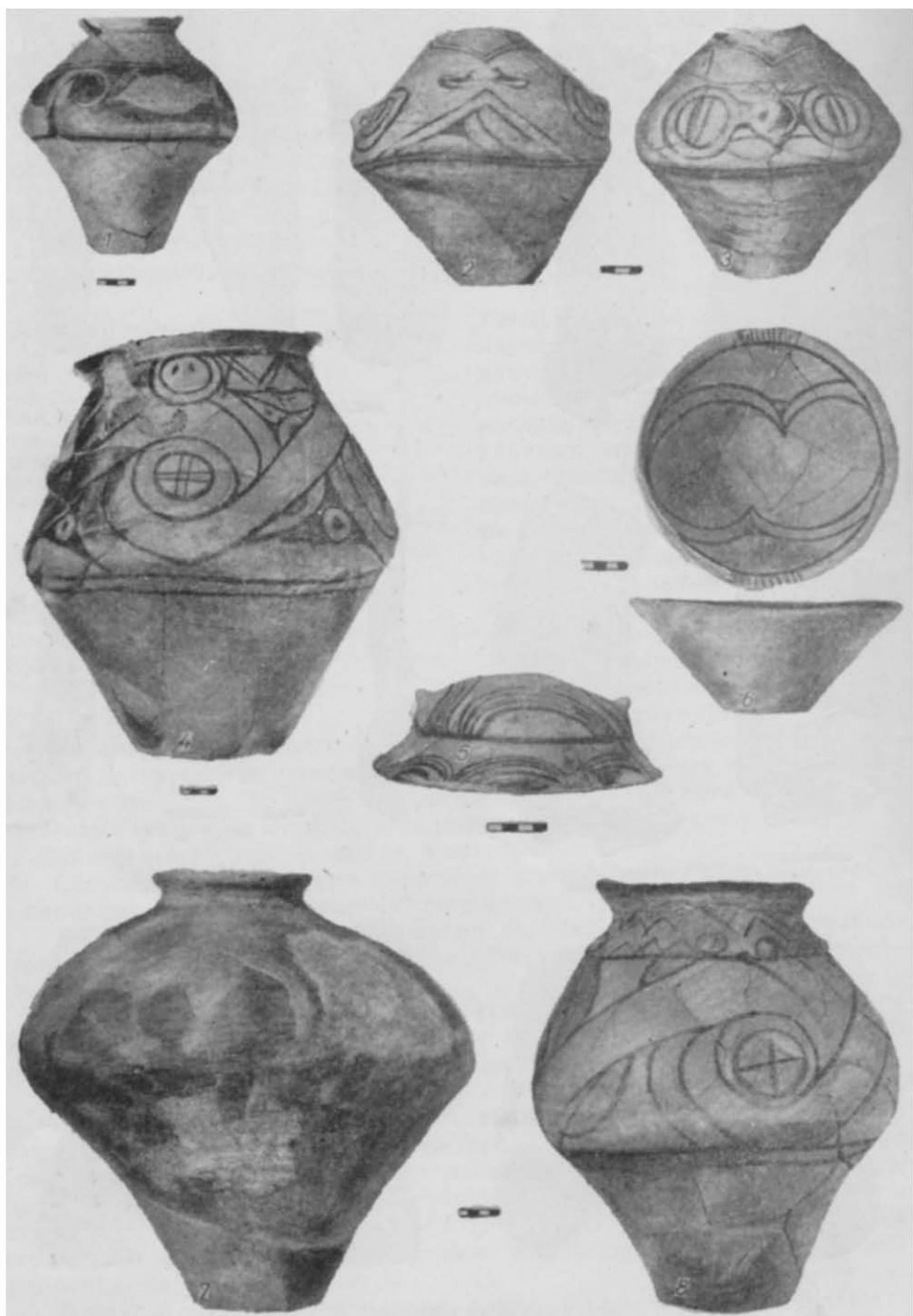

Рис. 2. Сосуды с моно- и полихромной росписью из поселения № 4 у с. Стена.

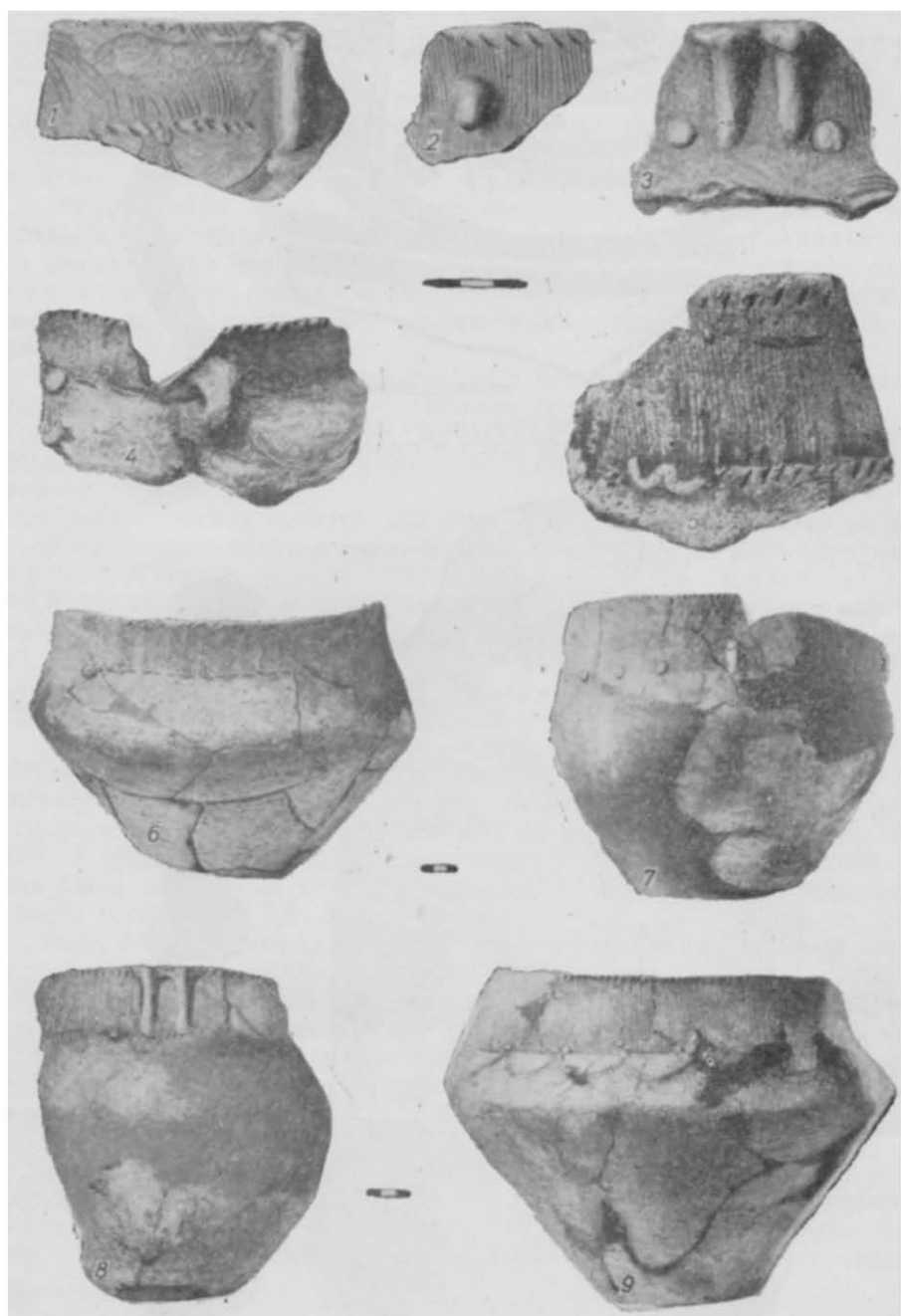

Рис. 3. Керамика так называемого кухонного типа из поселения № 4 у с. Стена.

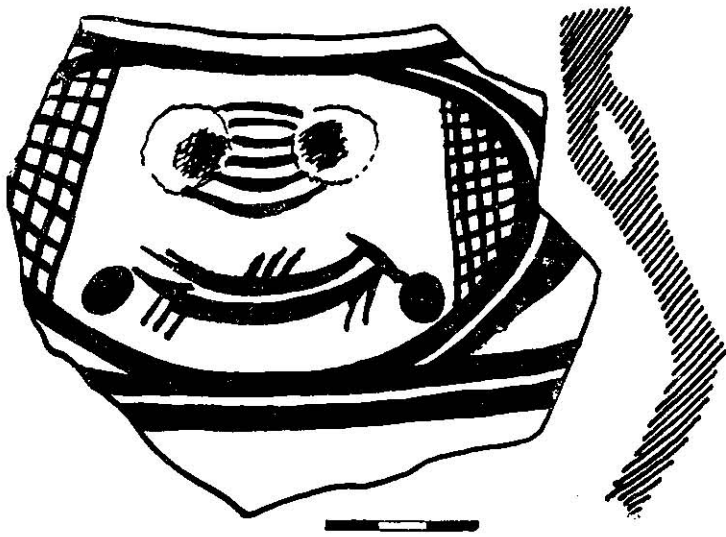

Рис. 4. Расписное парное изображение быков на фрагменте биконического сосуда из трипольского поселения № 4 у с. Стена.

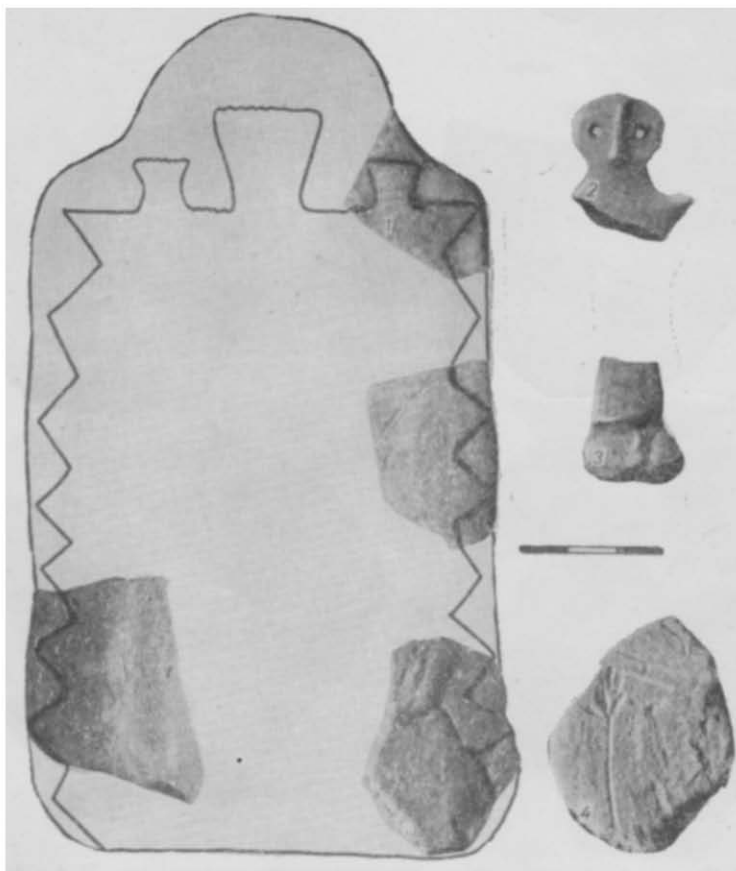

Рис. 5. Находки из поселения № 4 у с. Стена.
 1 — реконструкция стелообразного алтаря с антропоморфными изображениями; 2 — фрагмент статуэтки; 3 — фрагмент мужской статуэтки; 4 — отпечаток колоска ячменя на днище сосуда.

имела вид однослойной небольшой квадратной площадки (0,5×0,5 м), края которой, загибаясь кверху, образовывали невысокие стенки — бортики. Ориентировка вымостки с севера на юг. На вымостке, так же как и вокруг нее, находились миниатюрные сосуды разных форм и рога быка (рис. 1, 6).

Это сооружение весьма близко напоминает аналогичного устройства небольшие площадки вблизи крестообразных жертвенников некоторых жилищ Владимирского поселения¹, а также глинобитную вымостку, обнаруженную Т. Г. Мовшей на поселении Солончени I².

По-видимому, фрагменты «алтаря» и глинобитная площадка с посудой указывают на культовое место в пределах жилища.

Особо следует отметить находку десяти фрагментов днищ с двенадцатью отпечатками различных тканей.

Наличие этих отпечатков свидетельствует об использовании гончарами кусков ткани, которую в процессе лепки сосудов подкладывали под днище. Такой прием формовки позволял, по всей вероятности, отказаться от обычной ленточной техники и перейти к некоторому подобию поворотного приспособления, разрешавшему поворачивать сосуд, не прикасаясь к сырой глине.

В конце среднего и начале позднего триполья такой прием керамического производства известен в Приднестровье. Встречающиеся же оттиски тканей на трипольских поселениях Буго-Днепровского междуречья и смежных с ним территориях известны лишь для позднего времени.

Среди оттисков имеется два типа тканей, различающихся между собой по технике изготовления: вязанные при помощи спиц и тканые на раме или станке.

Вязаные изделия в нашей коллекции представлены одним экземпляром. Для их изготовления применялся простой, однообразный способ, при котором нить, образуя ряд петель, проходила поперек ткани. Для получения куска ткани последующие петли нити переплетались с петлями предыдущих рядов.

Отмеченный экземпляр представляет собой отпечаток изнанки небольшого обрывка ткани самого простого вязания. Этот обрывок покрывает большую часть дна расписного сосуда средних размеров. На оттиске четко выступают узлы переплетения, равномерно чередующиеся один за другим, что говорит об опытности мастерицы. Судя по оттиску, нить была сделана из хорошо подготовленной пряжи, возможно, шерстяной; толщина ее 1,8—2 мм (рис. 6).

Наш образец весьма близок к известному оттиску вязаной ткани из поселения № 1, исследованного С. С. Гамченко³.

Ткани, изготовленные на станках, представлены одиннадцатью отпечатками, сохранившимися на девяти днищах сосудов. На всех этих оттисках четко видны параллельные ряды нитей, расположенные перпендикулярно друг к другу, которые представляют собой основу ткани и ее уток.

Эти отпечатки характеризуют два вида переплетения.

Первый вид представлен простейшим переплетением, где нить утка последовательно и равномерно огибает каждую нить основы то сверху, то снизу. Второй вид представляет собой некоторое видоизменение первого — это тип коврового или так называемого рипсового переплетения,

¹ Т. С. Пассек, Розкопки трипільського поселення коло с. Володимирівки у 1946 р., АП, т. II, К., 1949, стр. 220—222.

² Т. Г. Мовша, Глинобитное жилище раннетрипольского поселения Солончени I, Известия Молдавского филиала АН СССР, № 5 (25), Кишинев, 1955, стр. 8—9.

³ М. О. Новицька, До питання про текстиль трипільської культури, Археологія, т. II, К., 1948, стр. 46, рис. 4.

где нити утка уплотнены настолько, что между ними совершенно не просматриваются нити основы.

Существование коврово-рипсового переплетения указывает на довольно развитое ткацкое производство, в котором применялось уже такое необходимое для его изготовления орудие, как бердо. Без последнего добиться уплотнения поперечных нитей (утка) было бы невозможно.

Экземпляров ткани с уплотненным утком имеется в нашей коллекции наибольшее количество образцов.

Экземпляр № 1 представлен четким отпечатком куска ткани коврово-рипсового переплетения. По лабораторным исследованиям М. А. Новицкой¹ установлено, что плотность по основе и утку одинакова и

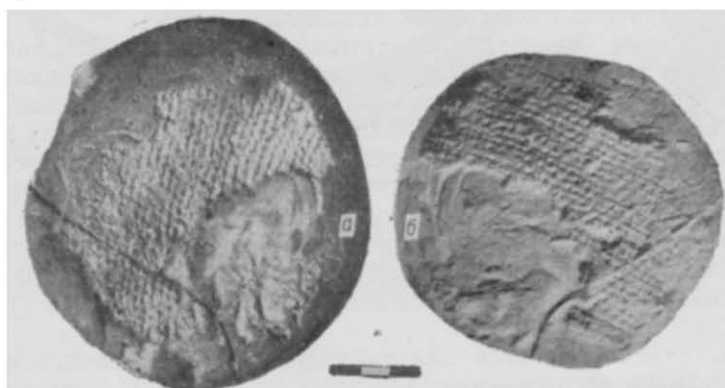

Рис. 6. Отпечатки изнанки небольшого обрывка ткани простого вязания.

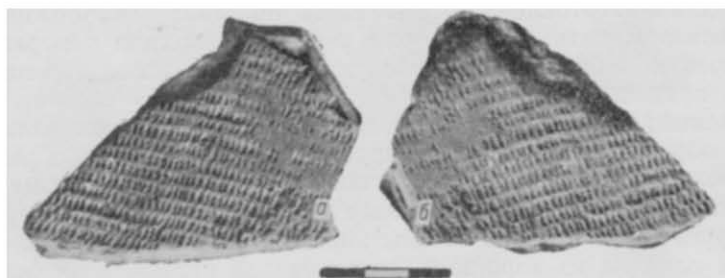

Рис. 7. Отпечаток ткани коврово-рипсового переплетения.

составляет 6 нитей на 1 см, а по толщине нити основы колеблются между 0,9—1 мм, а утка 1—1,5 мм. Отпечатавшийся кусок ткани сильно выношен и вытянут, следовательно представлял собой кусок ветоши. В верхней части основа теряет свое правильное направление, в нескольких местах заметны обрывы. Вследствие износа нитки утка также деформированы и лежат то плотно, то несколько реже, открывая основу.

Экземпляр № 2 также является отпечатком хорошо сохранившейся ткани, искусно исполненной коврово-рипсовым переплетением. Четкость оттиска свидетельствует об очень сильной сбитости утка. Основа совершенно не прослеживается; ее можно только лишь предугадать в выпукло-углубленных линиях, образовавшихся в процессе работы и идущих строго параллельно друг другу. Плотность основы 3, утка 7 нитей на 1 см. Толщина нити утка 1—1,5 мм. Толщину нити основы определить невозможно (рис. 7).

¹ Определение всех экземпляров ткани и технологические измерения произведены М. А. Новицкой.

На экземпляре № 3 ткань отпечталась очень слабо, местами совершенно не прослеживается. Переплетение коврово-рипсовое. Плотность основы 5, утка 8 нитей на 1 см; толщина нити 1 мм.

Экземпляр № 4 представляет собой отпечаток ткани также коврово-рипсового переплетения, но с интересными добавлениями. В переплетение оттиска ткани включены две перемежающиеся параллельно идущие полоски узорчатого переплетения, мотив которого улавливается с трудом. Этот экземпляр оттиска дает возможность говорить о зачатках декоративного ткацкого искусства, зародившегося у племен трипольской культуры. Более подробное описание этого оттиска ткани и реконструкцию его узора приводит М. А. Новицкая в специальной публикации¹.

Экземпляр № 5—это отпечатки на фрагменте дна большого сосуда двух сшитых кусков ткани, отличающихся между собой по способу изготовления и по своему расположению под сосудом: они лежат,

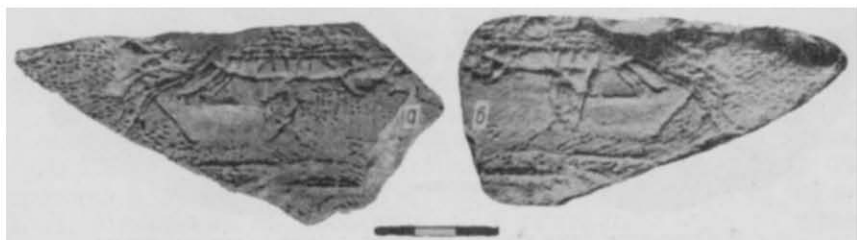

Рис. 8. Отпечаток двух кусков ткани на днище большого сосуда.

как бы перекрывая друг друга. Отпечаток нижнего куска произведен тонко изготовленной тканью коврово-рипсового переплетения, а верхний — более грубой, полотняного переплетения; край последней растреплен и в двух местах концы основы перевязаны с целью предотвращения их дальнейшего растрепывания. В этом экземпляре обращает на себя внимание тонкая нить, передающая четкие изгибы витя, чем резко отличается от самой ткани; эта нить проходит между утком и основой и заканчивается небольшим колечком. Можно полагать, что тут, кроме узорчатого переплетения, отмеченного М. А. Новицкой, мы имеем дело с элементом вышивки и, возможно, цветной нитью (рис. 8).

Экземпляр № 6 представлен отпечатком двух кусков ткани на днище большого сосуда; как и на предыдущем экземпляре, они также сшиты, отчасти перекрывают друг друга и различны между собой по характеру переплетения нитей. Верхний кусок исполнен способом коврово-рипсового переплетения со слабо забитым утком; благодаря отсутствию необходимой плотности местами видны нити основы. Ткань грубоватая, один ее край обметан и прикрывает нижнюю ткань. Плотность этого куска по основе 4—5, по утку 5—6 нитей на 1 см; толщина нити основы 1—1,1 мм, утка 1,1—1,8 мм.

Нижний кусок представляет оттиск более тонкой ткани коврового переплетения, у которого уток также лежит не очень плотно, обнажая нити основы. Как и в экземпляре № 5, здесь обращает на себя внимание укладка кусков ткани таким образом, что основа одного совпадает с основой другого, а уток, следовательно, идет параллельно. Плотность по основе и утку 7—8 нитей на 1 см; толщина основы 0,8—1 мм, утка 1—1,5 мм (рис. 9).

Экземпляр № 7 представляет собой оттиск ткани простого переплетения. Поскольку на днище отпечталось всего лишь несколько нитей

¹ См. статью М. А. Новицкой, помещенную в данном выпуске «Кратких сообщений».

основы толщиной 0,9—1 мм и утка толщиной 1—1,3 мм, сказать что-либо больше не представляется возможным.

На экземпляре № 8 ткань отпечталась четким и ясным рисунком лишь на углубленной части дна; она простого полотняного переплетения, плотность ее 8 нитей на 1 см, толщина 0,8—1 мм.

Экземпляр № 9 представлен оттиском колоска ячменя (рис. 5, 4) и его верхней части, отпечатком нескольких параллельных линий, одну из которых перевивают четыре вертикальных нити толщиной 0,8—1 мм.

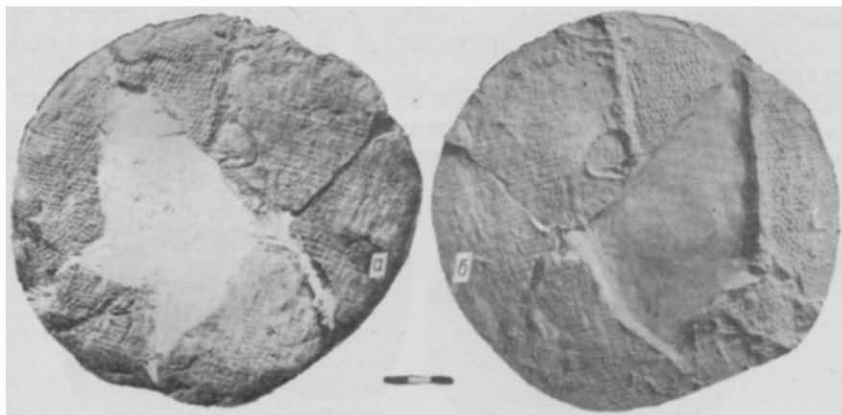

Рис. 9. Отпечаток двух кусков ткани на днище большого сосуда.

Весьма возможно, что это небольшой кусочек сильно изношенной ткани простого переплетения.

Интересно отметить, что последние два экземпляра отпечатков ткани запечатлены на днищах сосудов кухонного типа, то есть таких, в глине которых имеется примесь толченой ракушки.

Различные способы переплетения, отмеченные на отпечатках тканей, сшивание их кусков, обметка и т. п. свидетельствуют о вошедшей в быт полотняной одежде, изготовлявшейся из волокнистых материалов и, следовательно, о заметном вытеснении одежды из шкур; это, кроме того, подтверждается массовыми находками прясел, оттяжек ткацкого станка и оттисков ткани, а также резким сокращением числа находок кремневых скребков — основных орудий, применявшихся при обработке шкур.

Ткани, очевидно, имели весьма значительную ширину. Об этом, например, свидетельствуют отпечатки шириной до 0,3 м, что с учетом ткани, выступающей за пределы днища, видимо, превышало 0,5 м. В пользу этого мнения до некоторой степени также говорит и залегание, очевидно, *in situ* группы из шести оттяжек ткацкого станка, образовывавших зигзаг шириной до 0,8 м.

Таким образом, вещественные материалы, открытые на поселении № 4 у с. Стена, ярко характеризуют хозяйственную деятельность трипольцев, которые занимались земледелием (находки зернотерок и мякины злаковых в строительных остатках), скотоводством (наличие домашней фауны) и ткачеством (отпечатки тканей, находки пряслиц и оттяжек ткацкого станка).

Хотя основное количество материала, как уже упоминалось, относится к петренскому типу трипольской культуры, целый ряд своеобразных черт, выражающихся как в строительной технике жилищ, так и в керамическом ассортименте, дают основание датировать поселение временем конца этапа В/II и началом С/1 по схеме Т. С. Пассек.

УЗОРНЫЕ ТКАНИ ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(по материалам раскопок у с. Стена)

М. А. НОВИЦКАЯ

Для изучения истории ткачества очень ценный материал дают отпечатки тканей на керамике трипольской культуры.

Самый обильный и интересный материал обнаружен на поселениях около с. Стена, Томашпольского района, Винницкой области.

В 1929 г. С. С. Гамченко нашел на поселении № 1 среди обломков керамики 8 фрагментов днищ с отпечатками тканей¹. Там же в 1958 г. М. Л. Макаревич на поселении № 4 обнаружил еще 10 фрагментов днищ с отпечатками 12 тканей (на двух фрагментах было по два отпечатка разных тканей). Из них выявлено 2 отпечатка ткани простого полотняного переплетения, 8 отпечатков тоже полотняного переплетения, но с так густо сбитым утком, что он закрывает основу, как бывает на коврах и гобеленах, и 2 отпечатка ткани вязаного изготовления.

Сравнение нового материала с найденным в 1929 г. не дает значительных различий в толщине нитей, их крутке и плотности ткани полотняного переплетения. Что же касается тканей так называемого гобеленового переплетения, то у большинства образцов, найденных в 1958 г. М. Л. Макаревичем, уток менее плотно сбит, вследствие чего нет большой разницы в количестве нитей основы и утка на 1 см² и основа местами видна между нитями утка.

Совершенно уникальным является отпечаток ткани на внешней части дна сосуда № 139 (рис. 1). Он впервые дает нам доказательство существования уже в эпоху трипольской культуры узорного ткачества и применения, по-видимому, крашеной пряжи разных цветов. К сожалению, поверхность дна не очень ровная и углубления затрудняют анализ ткани, искажая отпечатки нитей.

Сохранность самой ткани гоже неодинакова: бо́льшая изношенность наблюдается в узорных полосах, где плотность ткани меньше; особенно поврежден левый край, где некоторые нити перепутались и отклонились от своего нормального направления.

Основа ткани идет параллельно длинной оси фрагмента, а уток — параллельно его короткой оси. Для точного определения верха и низа анализируемой ткани нет объективных данных, и мы условно примем за верх несколько закругленную часть фрагмента, а за низ — срезанную почти прямо.

Нитки основы и утка почти не отличаются друг от друга. Они скручены из двух нитей в направлении, противоположном венту. На 1 мм приходится приблизительно один виток. Толщина нитей колеблется от 0,9 до 1,2 мм.

¹ М. О. Новицкая, До питання про текстиль трипільської культури, Археологія, т. II, К., 1948, стр. 44—61.

В основном ткань имеет гобеленовое довольно густое переплетение. Плотность его: на 1 см^2 4 нитки основы и 6—7 ниток утка. В двух местах ткани, на $1,9\text{ см}$ от верха и на 3 см от низа, проходят по горизонтали узорные полосы.

Верхний узор начинается с переплетения каждой нити основы не одной ниткой утка, а тремя. Следя за ними справа налево (от зрителя),

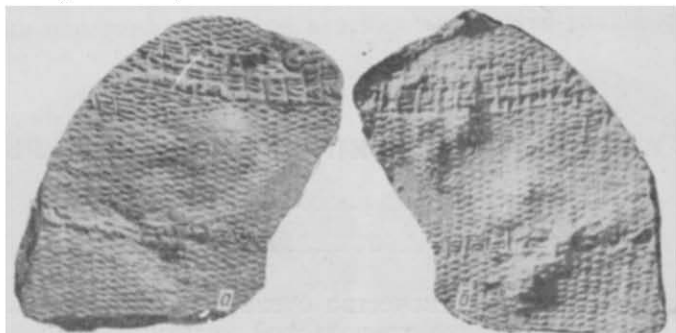

Рис. 1. *a* — фрагмент дна лепного сосуда № 139 с отпечатком ткани; *b* — оттиск с того же фрагмента.

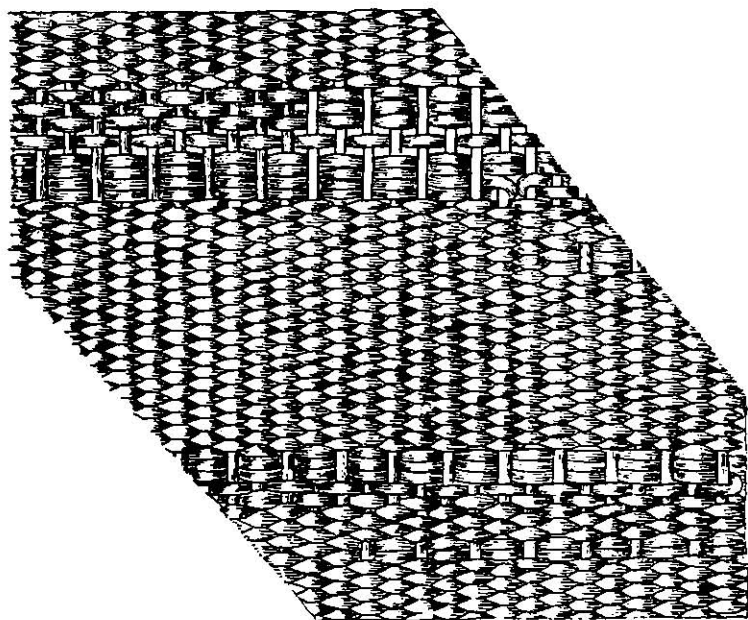

Рис. 2. Реконструкция ткани по фрагменту № 139.

мы видим, что под шестой основой одна нитка утка оборвалась и дальше идет переплетение только двумя нитями. За тройным утком проходит одиночная нить утка, а за ней опять двойной уток. Здесь нитки утка сбиты не так плотно и расстояние между ними доходит до 1 мм .

Следующая за парным перекрытием нить утка доходит только до третьей (справа) основы и, обвивая ее, возвращается назад, оставляя семь нитей основы, на ширину двух нитей утка без перекрытия.

Если мы проследим встречную ей нитку утка, то увидим, что ее оборванный конец (длиной 1 см), выходя из-под одиннадцатой основы (считая слева), лежит поверх ткани. Если бы не было этого обрыва, то она дошла бы до поворота встречного ей утка и, обогнув соседнюю основу, повернулась бы обратно. Таким образом была бы заполнена

пустота, и перекрытие четырьмя утками проходило бы через весь фрагмент (рис. 2).

Дальше вниз после пяти нитей гобеленового переплетения у самого края (справа) видим опять тройное перекрытие, которое, начинаясь за отбитым краем фрагмента, доходит только до третьей основы. Дальше налево и вниз до второй орнаментальной полосы идет гобеленовое переплетение.

Нижняя орнаментальная полоса дает тройное перекрытие основ через всю ширину фрагмента, причем нижняя третья нить утка, оплекая крайнюю правую основу, возвращается обратно. От нее вниз продолжается гобеленовое переплетение, но седьмая и восьмая нити утка от правого края до четырнадцатой основы делают парное перекрытие.

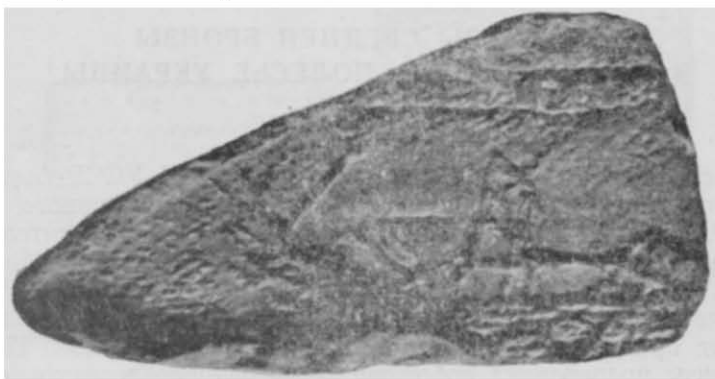

Рис. 3. Фрагмент дна № 132 с отпечатком ткани.

На прилагаемой реконструкции ткани мы видим, что так называемое гобеленовое переплетение сменяется перекрытием двумя, тремя и даже четырьмя нитями утка подряд, что полосы таких перекрытий не проходят через всю ширину ткани, а размещаются в разных ее частях согласно своему узору, который мы из-за малого размера фрагмента не можем полностью восстановить.

Рассмотренная нами ткань не является исключением. Есть еще один фрагмент (рис. 3), где мы видим край ткани (4×1,5 см), на которой между обычным полотняным переплетением проходит переплетение двумя подряд нитями утка.

Таким образом, у племени трипольской культуры в III—II тыс. до н. э., несмотря на применение примитивного станка с грузилами для натяжения основы, уже вполне установилась высокая техника ткачества. Это подтверждается не только хорошим качеством ткани полотняного¹ или гобеленового переплетения², но и узорным ткачеством рассмотренных здесь образцов. В них уже наблюдается сознательное чередование разных переплетений, придающих разнообразие фактуре ткани, и употребление нитей разного цвета, о чем свидетельствуют повороты утка³.

¹ Находки у с. Стена (см. М. О. Новицкая, ук. соч.), в Поливановом Яру (см. Т. С. Пассек, Трипольское поселение Поливанов Яр, КСИИМК, в. 37, М., 1951), у с. Волчинец на Днестре (см. Т. С. Пассек, Раскопки трипольских поселений на среднем Днестре, КСИИМК, в. 51, М., 1953, стр. 59, рис. 25).

² Находки в Петренах (см. Е. Штерн, Доисторическая греческая культура на юге России, Труды XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 33), у с. Стена (см. М. О. Новицкая, ук. соч.).

³ Интересно отметить, что в это же самое время в лесной зоне Восточной Европы А. Я. Брюсов наблюдал лишь начальную стадию выделки тканей (см. А. Я. Брюсов, Сетчатая керамика, СА, XIV, М., 1950). В Фергане (см. В. И. Спришевский, Чустское поселение эпохи бронзы. Раскопки 1955 г., КСИИМК, в. 71, М., 1958) и в западном Пакистане (см. Walter A. Fairervis, Jr., Excavations in the Quetta Valley, West Pakistan, N. Y., 1956) в середине и в конце II тыс. до н. э. известно только простое полотняное переплетение.

КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ В ЛЕВОБЕРЕЖНОМ ПОЛЕСЬЕ УКРАИНЫ¹

С. С. БЕРЕЗАНСКАЯ

За последние годы Институтом археологии АН УССР было проведено несколько экспедиций по обследованию левобережного Полесья Украины². В результате этих работ удалось открыть значительное количество новых памятников, в том числе разных периодов бронзового века.

Количество и характер обнаруженных здесь памятников свидетельствуют прежде всего о том, что район левобережного Полесья в эпоху бронзы представлял собой густо заселенную территорию с развитым земледелием, металлургией и широкими обменными связями.

Среди памятников эпохи бронзы, которые прежде в этом районе были известны единицами и совершенно не дифференцировались, теперь удастся различить, правда пока еще очень суммарно, разновременные группы, соответствующие ранней, средней и поздней поре этого периода.

Наиболее ощутимые результаты достигнуты в освещении периода средней бронзы. Сейчас уже имеется возможность выделить три различные группы памятников этого периода, одновременных, или во всяком случае на каком-то отрезке времени сосуществовавших, но резко различных как по культуре, так, очевидно, и по этническому составу населения, их оставившего.

Общей характеристике этих трех культурных групп и посвящена настоящая статья.

Первая группа памятников была выделена еще в 1928 г. М. Я. Рудинским, который назвал ее марьяновской по месту исследованной им стоянки у с. Марьяновки, Путивльского района, Сумской области³. Обнаруженная на этом месте керамика делилась на две резко отличающиеся группы, занимающие, к тому же, разные участки раскопа. Интересующая нас в данном случае первая группа состояла из обломков тонкостенных сосудов темно-серого и черного цвета, густо орнаментированных по всему тулову круглыми ямками и так называемой «гусеничкой» — отпечатком коротенькой палочки, обмотанной шнуром. Эта керамика из-за сходства с посудой культуры ямочно-гребенчатого неолита была названа М. Я. Рудинским марьянов-

¹ Основное содержание статьи было изложено в докладе на VII Археологической конференции в Киеве в 1955 г.

² В 1953 г. работали экспедиции: под руководством Д. Т. Березовца в районе Путивля, Д. Я. Телегина на Сейме, В. А. Ильинской на Сейме и в верховьях р. Псла, в 1954—1955 гг. — под руководством автора на Сейме и Десне.

³ М. Я. Рудинський, Мар'янівська стація, Антропологія, т. III, К., 1930, стр. 179—200.

ской неолитической в противовес другой найденной здесь керамике, относящейся к иной культурной группе¹.

Именно марьяновская неолитическая группа и послужила началом для выделения целой культуры бронзового века, которая, как выясняется в результате исследований последних лет, существовала на протяжении длительного времени и была широко распространена не только в полеской, но и в лесостепной частях Левобережной Украины.

Экспедициями 1952—1954 гг. поселения с керамикой, аналогичной марьяновской, правда несколько отличной от нее, но явно составляющей звенья в цепи развития одной и той же культуры, были обнаружены во многих местах Полесья и северной части Лесостепи: на Сейме²,

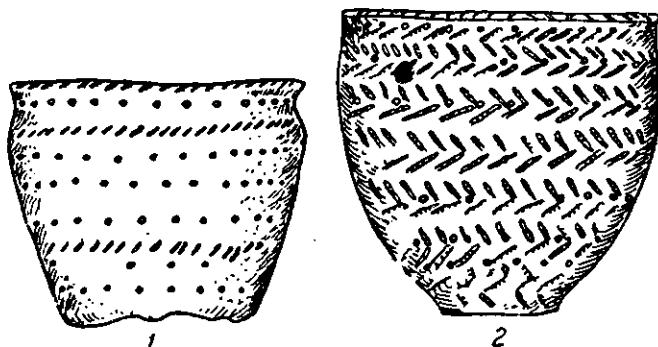

Рис. 1. Сосуды марьяновской культуры.

Десне³, Суле⁴, Ворскле⁵. Близкие по характеру памятники встречены даже значительно южнее, на Северном Донце и Осколе⁶.

В процессе раскопок выявлены более ранние и более поздние памятники, соответствующие разным периодам бронзового века и характеризующие различные этапы развития марьяновской культуры.

Наиболее ранние поселения известны пока на Сейме. Среди них следует назвать, кроме Марьяновского, поселения у сс. Волынцево, Глушец, Дорошевки и Пересыпки, в Путивльском районе, Сумской области. Все они расположены в поймах рек на небольших песчаных возвышенностях, или «грудках», как их называет местное население в Полесье.

Раскопки производились только на одном из поселений, в урочище Городок у с. Волынцево, где нижний горизонт был представлен марьяновской керамикой. С этим горизонтом, залегающим в основании гумусированного песка, были связаны 9 кострищ, вокруг которых лежали отдельные раздавленные сосуды. Реконструированные сосуды имеют макотровидную форму с круто расширяющимся кверху туловом, невысокими прямыми или слегка отогнутыми венчиками и маленькими донышками (рис. 1, 2). Очень характерна их орнаментация — мелкозорчатая, покрывающая все тулово от венчика до дна ямками и

¹ Ее описание будет дано ниже, в связи с выделением сосницкой культуры.

² В. А. Іллінська, Нові дані про пам'ятки доби бронзи в Лівобережному Лісостепу, Археологія, т. X, К., 1957, стр. 50—64.

³ С. С. Березанская, Новые памятники эпохи бронзы и раннего железа в бассейне Сейма, КСИИМК, в. 67, М., 1957, стр. 28—35.

⁴ Е. В. Махно, Нові пам'ятки періоду бронзи на Київщині і Сумщині, Археологія, т. X, стр. 141—145.

⁵ Г. Т. Ковпаненко, Поселення періоду пізньої бронзи і раннього заліза поблизу Охтирки, Археологія, т. XI, К., 1957, стр. 95—97.

⁶ Д. Я. Телегін, Дослідження пам'яток епохи бронзи на Сіверському Дінці, АП, т. VI, К., 1956, стр. 75—83.

гусеничками. Отличительным признаком является цвет сосудов — темно-желтый и серый. В глине имеется небольшая примесь песка. Стенки и дно сосудов очень тонкие, обжиг хороший, но иногда все же в изломе черепков видна черная полоса (рис. 2, 1—11).

В Марьяновском, Волынцевском поселениях и некоторых других памятниках вместе с такой керамикой было найдено довольно значительное количество кремневых и особенно кварцитовых орудий. Наиболее типичными являются кварцитовые орудия, один край которых оформлен в виде топорика с прямым или округлым лезвием, другой — либо грубо оббит, либо заострен в виде клина.

Кроме таких клиновидных орудий, частыми являются находки скребков, изготовленных иногда также из кварцита.

Определение времени описанной группы марьяновских поселений еще очень условно и основывается, главным образом, на сравнении с более ранними и более поздними комплексами.

По общему виду керамика из Марьяновского поселения и нижнего слоя Волынцевского, а также других поселений этого типа еще очень близка к неолитической ямочно-гребенчатой. Сходство проявляется и в формах сосудов, и в технологии производства, и в орнаментации, которая сохраняет свой основной принцип сплошного заполнения тулова узором. Однако марьяновские сосуды имеют уже не круглое, а плоское дно, хотя еще очень маленькое и неустойчивое, и гусеничную орнаментацию. Для датировки этих поселений существенен также тот факт, что на поселениях у Воынцева и Ивановки марьяновская керамика залегала под слоем позднекатакомбного времени, что дает основание относить ее к предшествующему времени — начальному периоду средней и даже к эпохе ранней бронзы.

Дальнейшее развитие марьяновской культуры прослеживается на ряде памятников, без сомнения относящихся уже к более позднему времени. К ним можно отнести средний слой Волынцевского, поселения у сс. Беседовки и Малые Будки, Смелевского района, Сумской области, у с. Алексеевки, Путивльского района, этой же области, и несколько других (рис. 2, 12—15).

Близость между керамикой более ранних поселений марьяновской культуры с более поздними отмечает В. А. Ильинская на примере поселения у с. Малые Будки, которое она совершенно справедливо рассматривает как одно из звеньев в развитии марьяновской культуры¹.

Характер изменения собственно марьяновской керамики хорошо прослеживается на том же Волынцевском поселении, средний горизонт которого, кроме так называемой многоваликовой керамики, содержал группу посуды, обнаруживающую заметную генетическую близость с керамикой нижнего горизонта². Это — высокие, широко открытые горшки с почти прямыми стенками, чуть расширяющимися к венчику и небольшими ровными днищами. В отличие от более ранних они имеют уже довольно развитую шейку и более широкое дно. Сосуды по-прежнему с тонкими стенками и хорошо обожжены. В глине имеется примесь, состоящая теперь не только из песка, но и из мелких зерен кварца. Значительные изменения претерпевает и орнаментация сосудов. Хотя сплошная орнаментация всего тулова все еще сохраняется, она носит уже несколько иной характер. Прежде всего, поверхность более ранних сосудов всегда хорошо заглажена, более поздних шероховата. Часто она покрыта крупными расчесами, носящими как бы нарочитый характер и явно играющими здесь роль своеобразного украшения. Исчезают тщательность и аккуратность, которые так свойственны орнаментации

¹ В. А. Іллінська, ук. соч., стр. 54.

² С. С. Березанская, Новые памятники эпохи бронзы и раннего железа в бассейне Сейма, КСИИМК, в. 67, стр. 30.

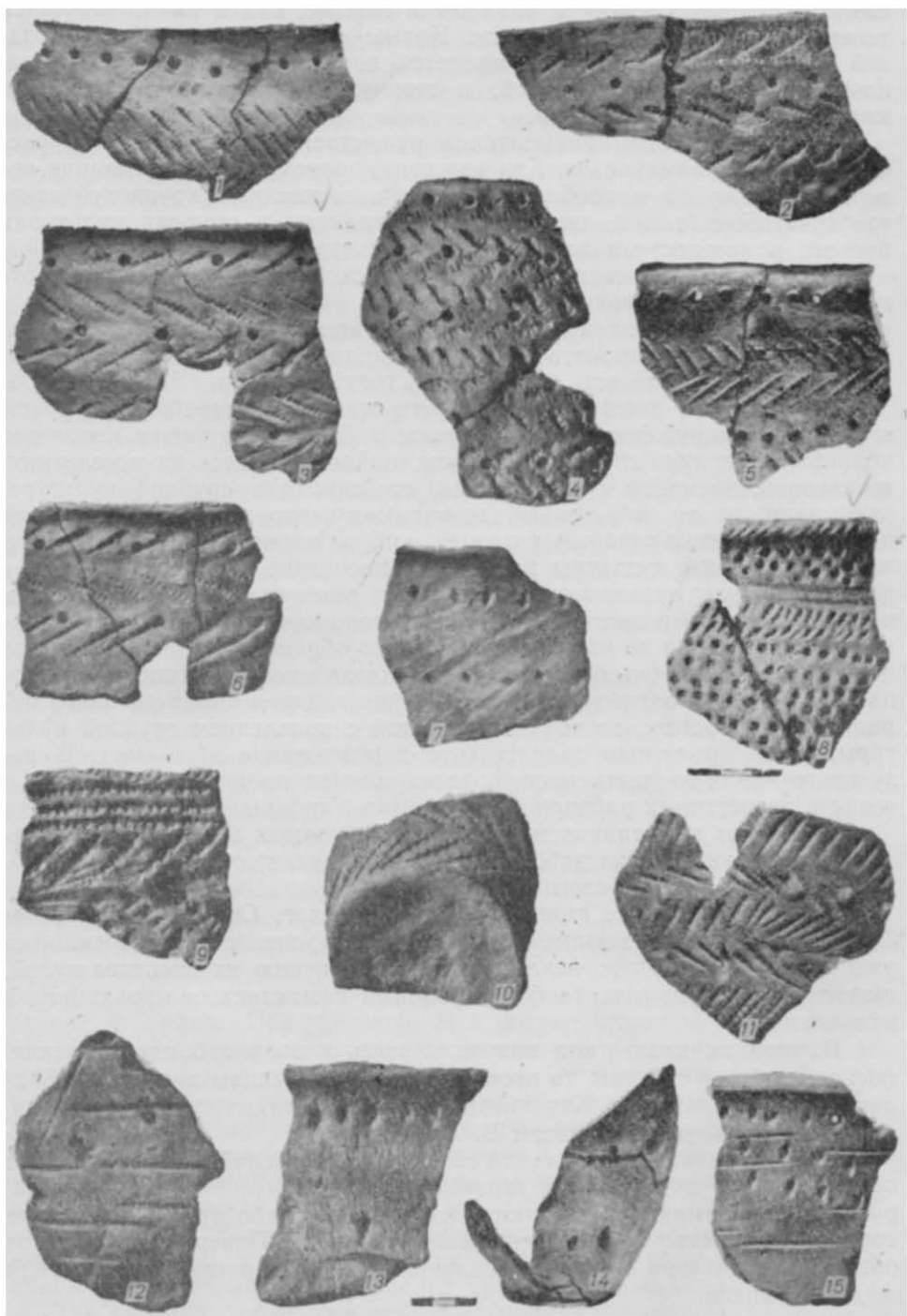

Рис. 2. Образцы керамики марьяновской культуры.
1—11 — более раннего времени; 12—15 — более позднего времени.

ранней марьяновской керамики. Наколы, нанесенные быстрым небрежным движением косо поставленной палочки, часто не образуют уже ровных поясов, а разбросаны в беспорядке. Отпечатки штампа имеют самую различную форму и размеры и так же, как и ямки, наносятся теперь без определенной системы. Новым в орнаментации более поздней марьяновской керамики является появление зубчатого штампа, почти вытеснившего шнуровой, и жемчужин, образуемых наколами, нанесенными изнутри сосуда.

Новые мотивы в орнаментации существенны для датировки рассматриваемых памятников. Как известно, полосчатое заглаживание поверхности сосудов и особенно орнамент, нанесенный крупнозубчатым гребенчатым штампом, широко распространены в степных культурах бронзы, в частности в раннесрубной культуре Поволжья¹.

Сходство в орнаментации малобудковской и срубной керамики отмечает также В. А. Ильинская².

Появление этих элементов в орнаментации марьяновской культуры следует, очевидно, относить ко времени продвижения на запад племен срубной культуры, то есть, примерно, к третьей четверти II тыс. до н. э.

В этой связи следует отметить, что отдельные погребения срубной культуры, обнаруженные в левобережном Полесье, а также некоторое количество типично срубной керамики, найденной здесь на поселениях, и, наконец, элементы орнаментации, свойственные срубной культуре, указывают на то, что нельзя, по-видимому, отрицать проникновения в районы Полесья отдельных племен или, во всяком случае, заметного влияния срубной культуры на местное население.

Памятники марьяновской культуры, относящиеся к более позднему периоду бронзового века, на территории украинского левобережного Полесья пока не известны. Этот факт обращает на себя внимание и едва ли может быть объяснен только плохой исследованностью района. Возможно, что где-то в начале позднего или в конце среднего периода эпохи бронзы, скорее всего в связи с появлением срубной культуры, здесь произошло значительное передвижение населения. В результате какая-то часть марьяновских племен продвинулась к югу и осела в лесостепных районах Левобережья Украины.

Примером памятников марьяновской культуры более раннего времени, найденных в этих районах, может служить поселение Студенок 5, исследованное Д. Я. Телегиным.

Во всяком случае, именно тут, на Ворскле, Осколе и Северном Донце, обнаружено значительное количество поселений, относящихся уже к концу бронзового века, которые, по мнению их исследователей, генетически связываются с более ранними памятниками марьяновской культуры³.

Памятники этого типа получили здесь название бондарихинских, поскольку были найдены на поселении, расположенном в урочище Бондариха, близ г. Изюма, Харьковской области, открытого и исследованного Д. Я. Телегиным, а затем В. А. Ильинской.

В установлении генетической связи этих поселений с более ранними основную роль по-прежнему играет керамика. Главную форму бондарихинской керамики составляют тонкостенные слабо профилированные горшки темно-серого или коричневатого цвета. Поверхность сосудов обычно шероховатая, и только небольшая ее часть хорошо заглажена или даже залощена.

¹ О. А. Кривцова-Гракова, МИА, № 46, М., 1955, стр. 31—37.

² В. А. Іллінська, ук. соч., стр. 56.

³ Д. Я. Телегін, Дослідження пам'яток епохи бронзи на Сіверському Дінці, АП. т. VI, стр. 84; В. А. Іллінська, ук. соч., стр. 61.

В отличие от более ранней керамики, где орнаментировались все сосуды, посуда бондарихинского типа украшена бедно, а значительная ее часть вовсе лишена орнамента.

Новыми мотивами орнаментации, указывающими на более позднее время и новые культурные связи, являются прочерченные линии, наlepной «белогрудовский» валик и сквозные проколы.

Однако наиболее распространенным типом орнамента, сохраняющим прежний марьяновский характер керамики, являются все те же наколы, сделанные косо или прямо поставленной палочкой, покрывающие в один, два или три пояса тулово сосуда. Памятники бондарихинского типа датируются самым концом бронзового века.

Таким образом, из сопоставления памятников марьяновской культуры, относящихся к различному времени, можно заключить, что эта культура, определенным образом видоизменяясь, существовала на всем протяжении бронзового века (для позднего бронзового века она получила название бондарихинской) и занимала не только полесскую часть Левобережной Украины, но и северную часть лесостепной.

Вторая группа памятников, выявленная в левобережном Полесье Украины, получила название сосницкой, так как наибольшее количество характерных для нее памятников было обнаружено в Сосницком районе, Черниговской области¹.

Во время разведки, проведенной автором в 1954 г. по среднему течению Десны и нижнему Сейму, было обнаружено около 20 поселений эпохи бронзы. Некоторые из этих поселений оказались типично марьяновскими, но большая часть по своей керамике резко отличалась от последних и имела определенные черты близости с комаровской культурой, распространенной в лесостепной и полесской частях Правобережной Украины.

На некоторых из этих поселений, у сс. Долинского и Боромка, близ Сосницы, Черниговского района, у сс. Ивановка и Волынцево в урочище Попова Левада, Путивльского района, Сумской области, были произведены небольшие раскопки.

Так же как и поселения марьяновской культуры, все они расположены в долинах рек на песчаных или останцовых возвышенностях, не заливаемых даже в самые большие паводки.

На поселении у с. Ивановка, расположенном на одной из таких возвышенностей — Максимов Бугор², была исследована большая землянка размерами 6,2×7 м, глубиной 1,15 м. Следы другой землянки такой же формы и близких размеров были найдены в урочище Боромка, в 10 км от Сосницы.

Здесь удалось отметить интересную деталь, характеризующую устройство жилищ. Пол землянки был покрыт углистым слоем толщиной до 5 см, в котором находились различной величины комочки пережженной глины с отпечатками прутьев. По-видимому, глиной была обмазана плетневая крыша землянки, которая сгорела и упала на пол. Обмазка глиной каркасов из прутьев, очевидно, применялась здесь и при сооружении очагов. Об этом говорят куски печины с отпечатком прутьев, обнаруженные вблизи очагов на ряде поселений (Ивановка, Долинское, Боромка).

Материалы, полученные при разведках и раскопках, были значительно дополнены большой коллекцией керамики, хранящейся в Сосницком музее, собранной в различных урочищах вблизи Сосницы³.

Для керамики, обнаруженной на сосницких поселениях, характерны

¹ С. С. Березанська, Пам'ятки періоду середньої бронзи на Десні та Сеймі, Археологія, т. XI, стр. 87.

² Поселение было открыто и частично исследовано Д. Я. Телегиным в 1953 г.

³ Большинство стоянок обнаружено Ю. М. Виноградским.

сосуды, изготовленные из хорошо промешанной глины с большой примесью толченого гранита. Цвет посуды светло-желтый или розоватый; поверхность всегда хорошо, до блеска заглажена, иногда подложена. Наиболее типичны высокие стройные горшки со слабо выпуклым туловом, по форме приближающиеся к так называемым тюльпановидным. Венчики обычно широко отогнуты, а края утолщены и косо срезаны (рис. 3).

Очень характерна орнаментация; она в большинстве случаев состоит из различных геометрических узоров, выполненных тонкими прорисованными линиями (рис. 4, 1—6). Очень часто таким узором покрыто либо все тулово сосуда, либо его верхняя половина. Значительно реже

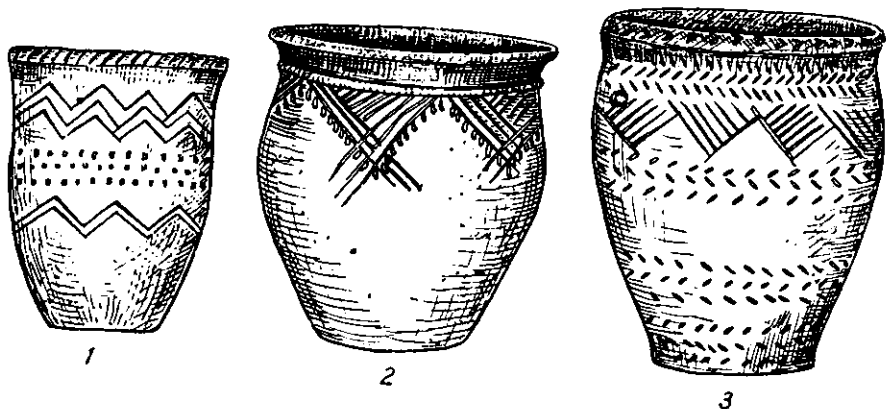

Рис. 3. Сосуды сосницкой культурной группы.
1, 2 — из Ивановки; 3 — из Долинского.

встречается орнамент, нанесенный зубчатым штампом или палочкой, образующей неглубокие аккуратные наколы под венчиком (рис. 4, 7—9).

Кроме керамики, на сосницких поселениях встретились в небольшом количестве обломки шлифованных сверленных молотков, кварцитовые топорики и кремневые стрелы со стерженьками. На всех поселениях обнаружено большое количество костей быка, овцы, коня и свиньи¹.

Без сомнения, среди обследованных памятников имеются более ранние и более поздние. На это указывает некоторое различие керамического материала отдельных поселений. Так, например, керамические изделия из поселения в урочище Круг у с. Долинское, хотя в целом и близки к посуде других поселений, обладают рядом черт, позволяющих отнести их к несколько более позднему времени, чем остальные. Среди этой керамики имеются уже более профилированные сосуды горшковидной формы, встречаются обломки какой-то чернолощенной посуды неясных форм. В орнаментации, которая в целом здесь значительно беднее, встречаются характерные для более позднего времени валики и наколы под венчиком. К более позднему времени принадлежат, очевидно, поселения, расположенные у с. Купчичи и в урочище Вершина под Сосницей, а также некоторые поселения, расположенные на Десне.

В целом же памятники сосницкого типа, по-видимому, относятся к среднему периоду эпохи бронзы. Об этом говорят случаи совместного залегания сосницкой керамики с многоваликовой, относящейся к

¹ Определение костного материала сделано В. И. Бибиковой.

позднекатакомбному времени, а также несомненная близость сосницкой и комаровской керамики.

Для понимания сосницкой группы памятников большое значение имеет отношение их к комаровской культуре. Как все более выясняется

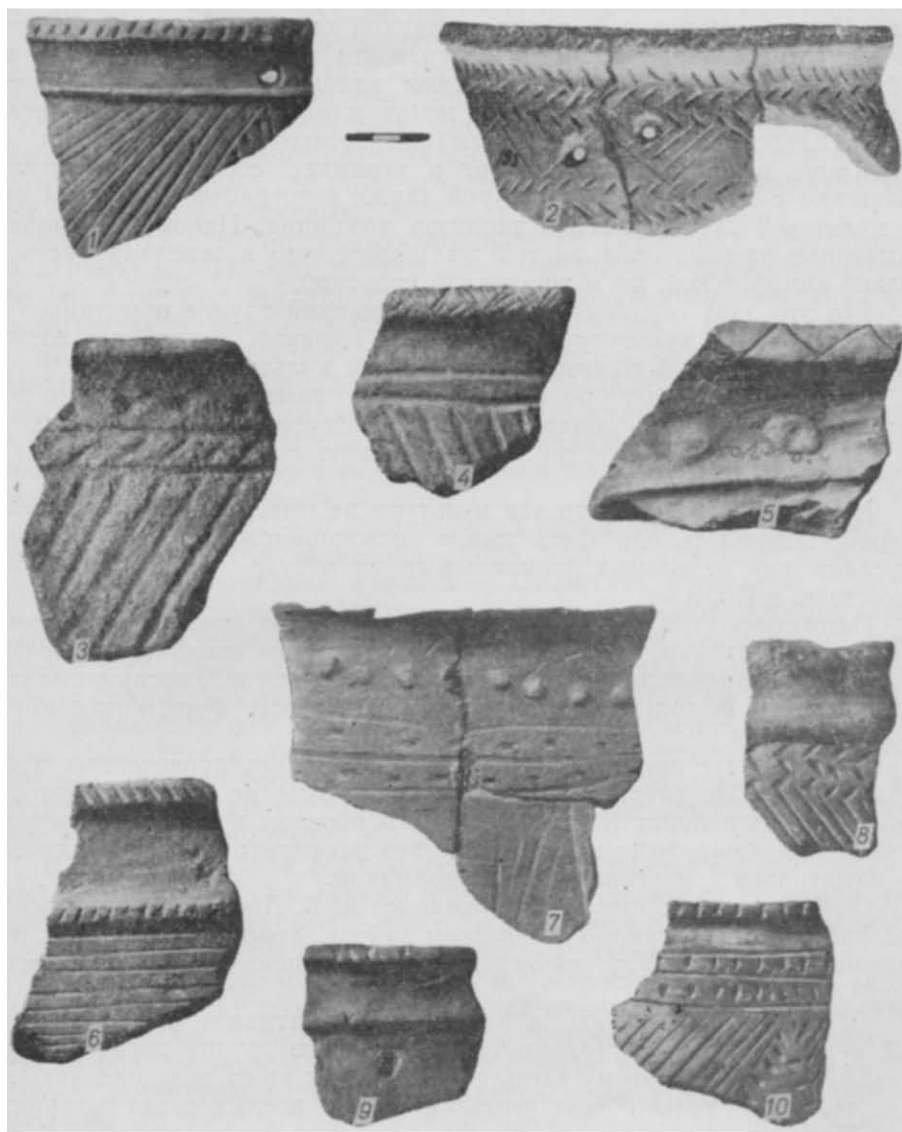

Рис. 4. Образцы керамики сосницкой культурной группы.

в последние годы, комаровская культура на Украине была широко распространена не только в западных, но и в восточных районах Причерноморья Украины¹.

Комаровские поселения в значительном количестве обнаружены на Днепре в районе Киева и к северу от него, вплоть до впадения Припяти. Отдельные памятники комаровской культуры встречены и на левом берегу Днепра, например, на Трубеже².

¹ С. С. Березанська, Деякі нові дані про пам'ятки епохи бронзи в північній частині середнього Подніпров'я, Археологія, т. XII (печатається).

² Разведка была произведена А. П. Савчуком на р. Трубеже в 1959 г. Материалы ее не опубликованы, хранятся в фондах Института археологии АН УССР.

Близость соснических памятников с комаровскими проявляется прежде всего в керамике. Как там, так и здесь основную форму составляют тюльпановидные сосуды с характерным утолщенным и наискось срезанным венчиком. В обоих случаях посуда изготовлена из глины с примесью крупных зерен кварца, иногда предварительно пережженного. И для комаровской, и для соснической керамики характерна чрезвычайно тщательная обработка поверхности сосудов, состоящая в ангобировании, заглаживании или даже залощенности. Много общего и в орнаментации, где основным мотивом являются геометрические узоры, нанесенные проглаженными или прочерченными линиями.

Кроме некоторых общих черт в керамике, соснические памятники сближают с комаровской культурой также топография поселений обеих культур и скотоводческий характер хозяйства. Наконец, соснические памятники расположены на той же широте, что и основная часть не только комаровской, но и тшинецкой культуры.

Все это дает основание видеть в соснической группе памятников не самостоятельную культуру Левобережной Украины, а наиболее восточный вариант единой тшинецко-комаровской культуры.

Третья культурная группа, памятники которой в значительном количестве обнаружены в левобережном Полесье, как по своему характеру, так и по происхождению совершенно отличны от двух вышеописанных.

Нетрудно показать, что эта культура не имеет в Полесье местной основы. Появилась она здесь уже в сложившемся виде, в результате передвижения отдельных племенных групп откуда-то с юга в районы Лесостепи и Полесья.

Памятники этой группы до недавнего времени почти не исследовались, а характерная для них так называемая многоваликовая керамика, давно привлекавшая к себе внимание археологов¹, воспринималась исследователями только как одна из керамических форм катакомбной культуры.

В результате широких археологических работ, проведенных в последние годы Институтом археологии АН УССР не только в Полесье, но и в других районах Украины, главным образом в связи с новостройками, было обнаружено и в ряде случаев раскопано большое количество памятников с многоваликовой керамикой.

Особое значение имело исследованное А. В. Добровольским поселение Бабино III, в Верхне-Рогачикском районе, Херсонской области, позволившее совершенно по-новому поставить вопрос о памятниках этого типа².

Общей характеристике и выделению памятников с многоваликовой керамикой в самостоятельную культурную группу посвящена отдельная работа³, поэтому здесь о памятниках этого типа следует сказать только в самых общих чертах и прежде всего в связи с территорией Полесья.

Памятники с многоваликовой керамикой найдены в настоящее время более чем в 100 пунктах. Они встречены как в степной, так и в лесостепной частях Левобережной и Правобережной Украины. Пока еще нет возможности достаточно определенно говорить об ареале этих памятников и о районах их особой концентрации. Все же создается

¹ М. Біляшевський, Коротке звітлення за археологічні дослідження 1925 року, К., 1926, стр. 94—95; Н. Е. Макаренко, Археологические исследования 1907—1908 года, СПб., 1911, стр. 101.

² А. В. Добровольский, Поселение бронзового века у с. Бабино III, Верхне-Рогачикского района, КСИА, в. 4, 1955.

³ С. С. Березанская, Об одной группе памятников средней бронзы на Украине (печатается).

впечатление, что наибольшее их средоточие связано с южной частью Украины и что Полесье является периферийным районом распространения этих памятников.

Во всяком случае, в настоящее время Шелаевское поселение под Курском¹ представляет собой последний пункт, севернее которого многовальной керамики не известна.

В полеской части Левобережной Украины памятники типа Бабино III встречены на Днепре (Вишеньки, Бортнич, Староселье), на Десне (Белоус), на Сейме (Волинцево).

Значительно увеличивается количество таких памятников к югу, уже собственно в лесостепных районах. В большом числе они встречены на Псле и Суле, где были обнаружены во время разведки 1946—1948 гг. И. И. Ляпушкиным.

Создается впечатление, что большинство поселений с многовальной керамикой в Полесье носит временный, как бы сезонный, характер. Все они здесь расположены в поймах рек на небольших песчаных возвышенностях и имеют слабо насыщенный, тонкий культурный слой.

В этом отношении характерно поселение у с. Белоус, Черниговской области². Проведенная здесь шурфовка выявила множество кострищ и несколько больших ям, возможно, жилого характера. Кроме керамики, здесь были найдены два целых и несколько обломанных каменных топоров клиновидной формы, шаровидная шлифованная булава, кремневые стрелы и пращевые камни.

Культурный слой с многовальной керамикой был встречен также на Волинцевском поселении. Здесь было обнаружено 4 жилища прямоугольных очертаний и большое количество инвентаря.

Наиболее ярким, определяющим признаком этой группы памятников пока является керамика, сохраняющая свои характерные черты на всей территории их распространения. Как правило, посуда изготовлена из глины с большой примесью песка. Внешняя поверхность чаще всего кирпичного или розовато-желтого цвета, обычно хорошо заглажена (последнее особенно характерно для лесостепных и полесских районов). Внутри сосуды черного цвета и шероховаты. Однако они почти никогда не имеют характерного для катакомбной керамики гребенчатого или полосчатого заглаживания.

Наиболее типичной формой являются реберчатые сосуды с прямым или отогнутым наружу венчиком. Часто встречаются сосуды в виде горшков с более или менее выпуклым туловом, плавно переходящим в шейку. В небольшом количестве известны глубокие миски.

Для северных районов Украины, в частности для Полесья, можно выделить еще одну группу керамики. Особенно хорошо она представлена на поселении Белоус и в Кондрашевском могильнике, расположенном под Воронежем³. Это горшки с очень высокими прямыми венчиками, вытянутым и слабо профилированным туловом и широкими днищами.

Орнаментацией обычно украшались венчик, верхняя и нижняя части сосудов. Основным элементом орнаментации является налепной валик и прочерченные линии, образующие систему елочки или треугольника (пустые или зачерченные). Валики бывают налепными (рис. 5, 4—6) и выдавленными (рис. 5, 1—3).

В более северных районах чаще встречаются сосуды с налепными

¹ М. Е. Фосс, Раскопки стоянок на р. Оскол, Труды ГИМ, в. 12, М., 1941, стр. 71—83.

² Поселение обнаружено сотрудниками Черниговского музея, исследовали его А. А. Попко и Д. И. Блитель.

³ М. П. Юргенсон, Отчет о раскопках близ с. Веруга, Землянского уезда, Воронежской губернии в 1911 г., Архив ИИМК, фонд ИАК за 1912 г., дело 25.

валиками, чем с выдавленными, а также сосуды, орнаментированные врезными линиями, а не валиком. Кроме того, на полесских памятниках совсем не обнаружена керамика, украшенная наклепными шишечками, маленькими ушками, продолговатыми выступами — орнаментом, встречающимся на керамических находках из степных поселений с многоваликовой керамикой. Кроме описанной посуды, составляющей с одних поселений единственный керамический тип (Вольнцево), на других — основной и количественно доминирующий, в ряде случаев найдена керамика со шнуровой орнаментацией. В целом, этот орнамент не свойственен памятникам типа Бабино III и является, по-видимому, результатом влияния катакомбной культуры. В Полесье керамика со

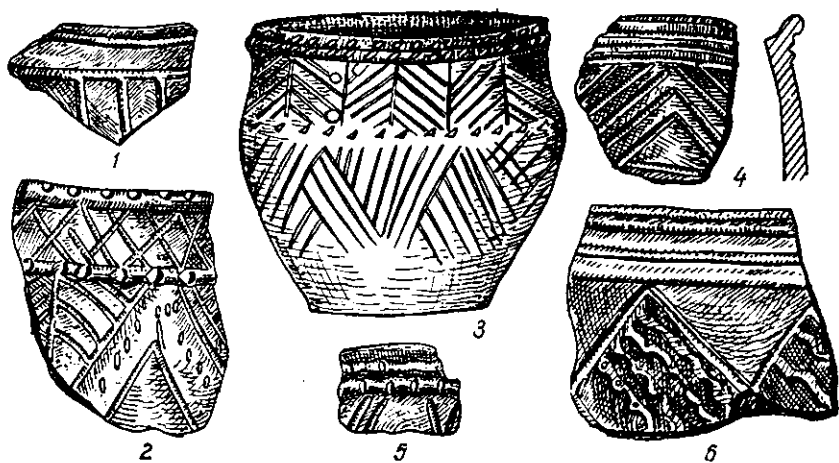

Рис. 5. Керамика с многоваликовой орнаментацией.

шнуровой орнаментацией встречена на поселении Белоус, где она составляет хотя и небольшую, но самостоятельную группу.

Едва ли можно сомневаться, что люди, оставившие поселения с многоваликовой керамикой, пользовались довольно широким ассортиментом металлических изделий. Так, на поселении Бабино III, в Херсонской области, найдено довольно большое количество металлических орудий: четырехгранные шилья, проколки, ножи. Однако на всех поселениях этого типа всегда встречаются и каменные орудия — молотки, ножи, наконечники копий, стрел и т. д., свидетельствующие о том, что каменный инвентарь еще далеко не был вытеснен металлическим.

Для датировки памятников с многоваликовой керамикой в настоящее время уже имеется достаточно оснований.

На ряде поселений встречены датирующие вещи: на поселении Бабино III найдено несколько бус из египетского фаянса, аналогичных обнаруженным на погребениях в Венгрии и Англии, которые датируются там XIV в. до н. э.¹

На поселении Андрусовка, в Кировоградской области, вместе с многоваликовой керамикой найдены обломок топора бородинского типа² и нож малоазийской формы. В свете последних работ эти находки датируются серединой II тыс. до н. э.

Весь остальной инвентарь, встреченный на поселениях бабинского типа (медные шилья катакомбного типа, каменные сверленные топоры,

¹ Г. Чайльд. У истоков европейской цивилизации, М., 1952, стр. 447.

² M. Gimbutas, Borodino, Seima and their contemporaries: key sites for the Bronze Age chronology of Eastern Europe, Proceedings of the Prehistoric society, for 1956 (New series, vol. XXII), Cambridge, 1957, стр. 143—172.

литейные формы вислообушных топоров и т. д.), также не противоречит тому, чтобы памятники с многоваликовой керамикой были отнесены к середине II тыс. до н. э.

Вопрос о появлении на Украине населения, оставившего памятники с многоваликовой керамикой, еще не решен. В данном случае важно, что при сравнении описанных памятников с поселениями, известными на территории Полесья в более раннее время (памятники марьяновской и днепро-деснинской культур), легко убедиться, что никакой генетической связи между ними нет.

Создается впечатление, что пребывание племен с многоваликовой керамикой в этих местах вообще не было долговременным. Во всяком случае, в культуре поздней бронзы и раннего железа влияния этой культуры не ощущается¹.

Учитывая это обстоятельство, а также ряд других, можно думать, что вообще широкое распространение памятников с многоваликовой керамикой на Украине было довольно кратковременным и относилось только к начальному периоду их существования.

Резюмируя сказанное, нужно отметить, что как культурный, так, очевидно, и этнический состав населения левобережного Полесья Украины в эпоху бронзы был очень сложным.

Уже первые и очень небольшие по объему работы, проведенные на этой территории, позволяют выделить по крайней мере три обособленные группы населения с различными чертами культуры.

Первая из описанных групп—марьяновская, охватывающая в своем развитии более или менее весь период бронзы, ввиду ее явственной близости с культурой ямочно-гребенчатого неолита справедливо ставится исследователями в прямую связь с древним населением лесных областей Восточной Европы—предками более поздних финно-угорских племен².

Вторая—сосницкая группа памятников, генезис которой еще далеко не ясен, но в сложении которой очевидно значительную роль сыграли племена шнуровой (днепро-деснинской) культуры, характеризует только средний период бронзы. Эту группу, как наиболее восточный левобережный вариант в единой тщинецко-комаровской культуре, многие археологи и лингвисты склонны связывать с древнейшими предками славян.

Третья группа, представленная памятниками с многоваликовой керамикой, не связана, по-видимому, со значительной частью населения Левобережного Полесья и не занимала этой территории в течение долгого времени.

Об особенностях хозяйственной жизни трех выделенных групп населения говорить пока рано. Одинаковые природные условия и наличие таких удобных путей передвижения, как Днепр, Сейм и Десна, безусловно благоприятствовали межплеменным связям, в процессе которых, естественно, создавалась некоторая культурная и хозяйственная близость.

¹ В. Н. Даниленко, Памятники ранней поры железного века в южной части Полесья, Доклады VI научной конференции Института археологии, К., 1953, стр. 197—207.

² А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху, М., 1952; М. Я. Рудинский, ук. соч.; Д. Я. Телегин, Деякі підсумки дослідження неоліту України, Вісник АН УССР, 1958, № 8, стр. 43.

ПОСЕЛЕНИЕ КОМАРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ У с. МОШНЫ

В. А. ИЛЬИНСКАЯ

Начало изучения комаровской культуры среднего бронзового века было положено раскопками большой курганной группы около с. Комарова, Галицкого района, Станиславской области, произведенными Т. Сулимирским в 1934—1936 гг.¹

Е. Ф. Лагодовская, опубликовав в 1948 г. материалы из раскопанных Гамченко курганов у с. Войцеховка, Житомирской области, установила, что эта культура в своем распространении достигает восточной Волыни². Далее на восток остатки поселений комаровской культуры были встречены в различных местах на дюнных всхолмлениях в окрестностях Киева³.

Таким образом, выяснилось, что территория, занятая памятниками этой культуры, протянулась от Верхнего Поднестровья по всей северной части Украины, на широте Житомира и Киева, вплоть до Днепра.

С северо-запада к комаровской культуре примыкает весьма близкая к ней по составу тшинцевская культура, территория распространения которой охватывает юго-запад Белоруссии и восточную часть Польши. В левобережном Полесье на рр. Сейме и Десне в недавнее время С. С. Березанской удалось выделить сосницкую культуру среднего бронзового века, отличающуюся некоторыми чертами родства с комаровской культурой⁴.

Крайней юго-восточной точкой распространения комаровской культуры, стоявшей до последнего времени совершенно особняком, являлся курган у с. Теклино, несколько севернее г. Смелы⁵. В погребении этого кургана были найдены: характерный глиняный сосуд, бронзовая гривна со спиральными концами и крупное глиняное пряслице с пятью лучевидными выступами.

Весной 1958 г. Д. Я. Телегин, производя археологические разведки в зоне строительства Кременчугской ГЭС, обнаружил небольшое поселение бронзового века, расположенное на правом берегу р. Ольшанки,

¹ T. Sulimirski, *Śmientarzysko kurhanowe w Komarowie kolo Halicza i kultura komarowska*, Bull. de L'Academie Polonaise des Sciences et de Lettres, Cracovie, 1939; е го ж е, *Kurhany komarowskie*, отгиск из журн. «Złoty Szlak», Stanisławów, 1939.

² О. Лагодовська, Войцехівський могильник бронзової доби на Волині, *Археологія*, т. II, К., 1948, стр. 62—78.

³ С. С. Березанська, Деякі нові дані про епоху бронзи в північній частині Середнього Подніпров'я, *Археологія*, т. XII (печатається).

⁴ С. С. Березанская, Новые памятники эпохи бронзы и раннего железа в бассейне Сейма, *КСИИМК*, в. 67, 1954, стр. 28—35.

⁵ А. А. Бобринский, Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. III, СПб., 1901, стр. 18.

приблизительно в 2,5 км выше с. Мошны, Черкасского района, Черкасской области. Раскопки, произведенные на поселении летом этого же года одним из отрядов Первобытно-скифской экспедиции Института археологии¹, позволили выяснить, что оно относится к комаровской культуре.

Большой интерес к этому памятнику определяется тем, что он расширил существовавшее ранее представление о распространении комаровской культуры в Поднепровье вплоть до Черкасс.

Культурный слой этого поселения, хотя и не отличался большой насыщенностью, имел хорошую сохранность и дал сравнительно полный и разнообразный комплекс вещевых находок, главным образом керамики. В этом отношении Мошнянское поселение выгодно отличается от других пунктов комаровской культуры, известных в окрестностях Киева только в развеянном состоянии, на дюнах. Из-за разрушенности этих поселений раскопки на них произвести не удавалось, а все имеющиеся материалы собраны на поверхности. Ввиду этого культурную принадлежность поселений можно было определить лишь по наиболее ярким и выразительным находкам, а это не давало возможности уяснить общий состав всего комплекса культурных остатков, характерных для комаровских памятников днепровского Правобережья.

До недавнего прошлого долина р. Ольшанки, в которой находится Мошнянское поселение, представляла собой сильно заболоченную низменность, вдоль правого берега которой протянулось высокое, покрытое смешанным лиственным лесом плато водораздела рек Роси и Тясмина. Левый берег низкий, перемежающийся с песчаными грядами боровой террасы, поросшими местами сосновым лесом. Современное русло р. Ольшанки прорыто с мелиоративной целью в прошлом столетии.

Поселение расположено на отлогой песчаной возвышенности с песчанисто-черноземным покровом. На правом берегу р. Ольшанки оно оказалось после того, как было прорыто современное русло реки. При этом канава прошла через возвышенность, на которой находилось поселение; продолжение этого всхолмления имеется на противоположном берегу. В песчаных осыпях левого берега также встречается керамика комаровской культуры.

Судя по современной топографии, поселение находилось в древности на небольшом песчаном холме среди болотистой низины, по-видимому, где-то вблизи от основного водного протока.

Траншеями и тремя раскопами на холме была вскрыта площадь, равная 1100 м², которой фактически почти полностью исследована сохранившаяся часть поселения.

Культурный слой на поселении залегал на глубине 0,2—0,6 м ниже верхнего дернового слоя в достаточно плотном песчаном черноземе. Ниже, с глубины 0,6—0,8 м, шел подстилающий горизонт рыхлого или местами глинистого песка. Культурные остатки в слое размещались неравномерно, в виде отдельных скоплений или пятен. Основная, наиболее насыщенная находками площадь протянулась с запада на восток в виде полосы 43 м длиной и 10—12 м шириной.

В восточной части исследованного участка в подстилающем грунте было обнаружено 30 ям, имевших, по-видимому, хозяйственное назначение. Ямы круглые и овальные в плане, диаметром от 0,9 до 1,3 м, глубиной от поверхности 0,8—1,4 м. Они были заполнены песчаным черноземом, содержащим, как правило, весьма незначительные культурные остатки. Ниже культурного слоя, на поверхности подстилающего песка открыты семь очагов. Они представляли собой округлые за-

¹ В отряде работали научные сотрудники А. И. Тереножкин, В. А. Ильинская, лаборанты Е. А. Петровская и Х. Хейнен (студентка Московского университета).

падины в грунте от 1,4 до 2,2—2,5 м в поперечнике, глубиной до 0,2 м, заполненные угольками, сажистой землей и прокалившимся в огне песком. Очажные пятна сильно выделялись своим густым черным цветом на беловато-желтом песке подстилающего горизонта. Никаких особых скоплений культурных остатков около очагов не замечалось.

Основная масса находок в культурном слое относилась к комаровской культуре. Кроме того, здесь оказалось несколько обломков керамики, характерной для ранней скифской культуры правобережной

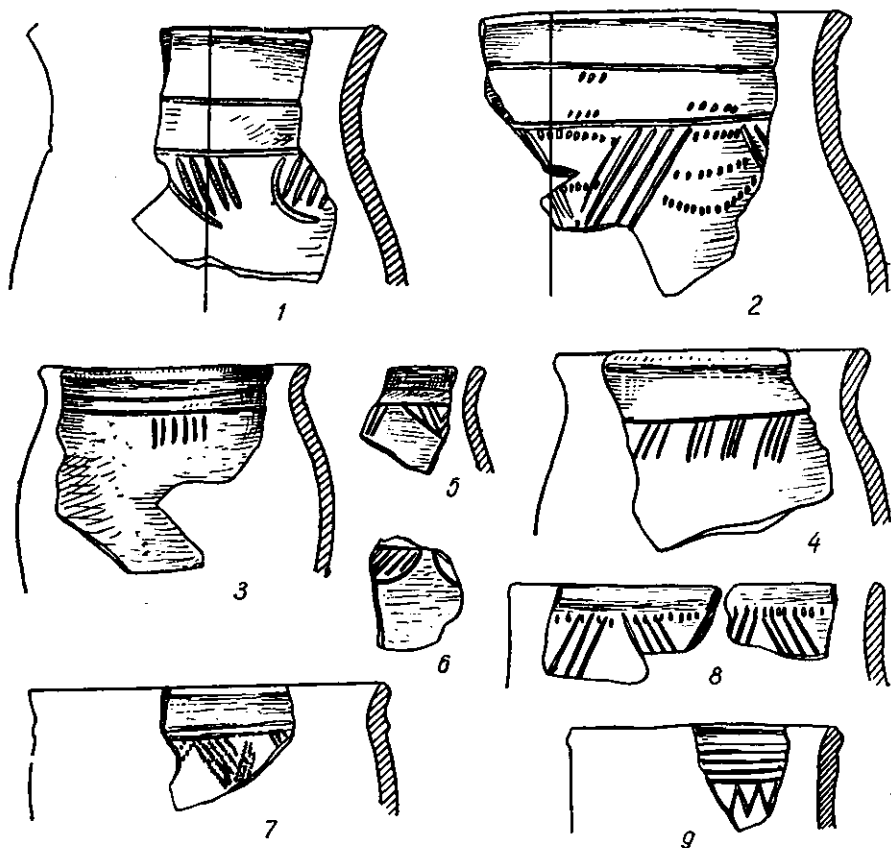

Рис. 1. Образцы керамики комаровского типа из поселения у с. Мошны.

лесостепи: единичные обломки чернолощеных мисок и венчиков лепных горшков с валиками, украшенными пальцевым рельефом и проколами по краю.

Несколько большую серию находок составили фрагменты лепных толстостенных сосудов, украшенных многоваликовыми налепами, относящиеся к катакомбной культуре того типа, который известен лучше всего по материалам поселения Бабино III на Нижнем Днепре, исследованном А. В. Добровольским¹. Среди них имеются обломки сосудов с цилиндрическими или слабо расширяющимися венчиками с валиковыми налепами в виде параллельных горизонтальных линий. На плечиках и стенках сосуда ряды параллельных валиков образуют композицию «в елочку».

Находки керамики катакомбной культуры сосредотачивались в се-

¹ А. В. Добровольский, Поселение бронзового века Бабино III, КСИА, в. 7, К., 1957, стр. 40 и сл.

веро-восточной стороне исследованного участка и не смешивались на основной площади с материалами комаровской культуры. Взаимную стратиграфию наслоений той и другой культуры проследить не удалось.

Среди находок комаровской культуры самую многочисленную группу составили обломки глиняных сосудов, некоторые из которых удалось восстановить полностью или частично. Наиболее распростра-

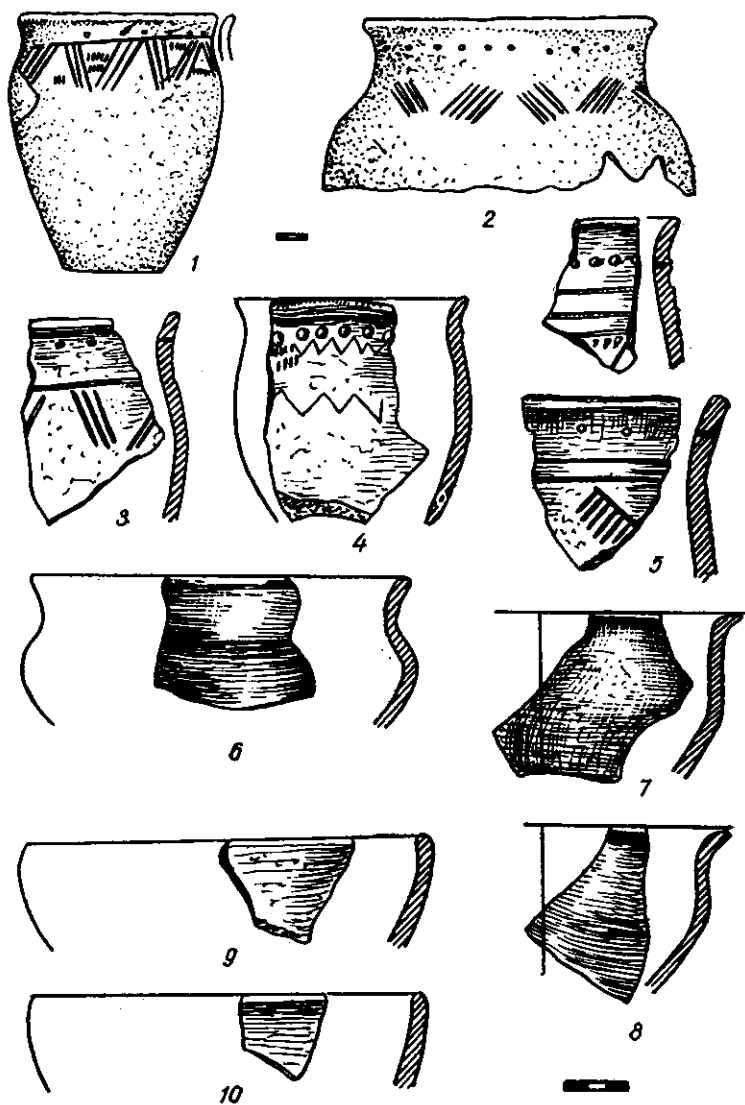

Рис. 2. Образцы керамики из поселения у с. Мошны.

ненной формой являются высокие горшки (рис. 2, 1), реже встречаются низкие горшочки (рис. 4, 1), цилиндрические сосуды (рис. 1, 8, 9), миски (рис. 2, 6—10), небольшие кружковидные сосуды с ручкой (рис. 4, 2) и сосудики в виде чаш (рис. 4, 3).

Высокие горшки имеют слабо суженную шейку, слегка отогнутый наружу венчик с плоским или слегка закругленным краем. Корпус таких сосудов расширяется у плечика, диаметр которого не на много превышает диаметр венчика. Стенки постепенно суживаются к плоскому, довольно широкому днищу (рис. 2, 1). Имеются горшки со сравни-

тельно высоким четко выделенным горлом (рис. 2, 2) и горшки с низким отогнутым краем и плавно выпуклым корпусом (рис. 1, 3).

Сосуды эти изготовлялись из глины с примесью крупнотолченого гранита; в ряде случаев смешанного с шамотом и мелким песком, содержащим блестки слюды. Черепок плотный, довольно толстый. Наружные поверхности сосудов обычно хорошо заглажены, иногда до лощения. Встречаются также сосуды со слабо шероховатой матовой

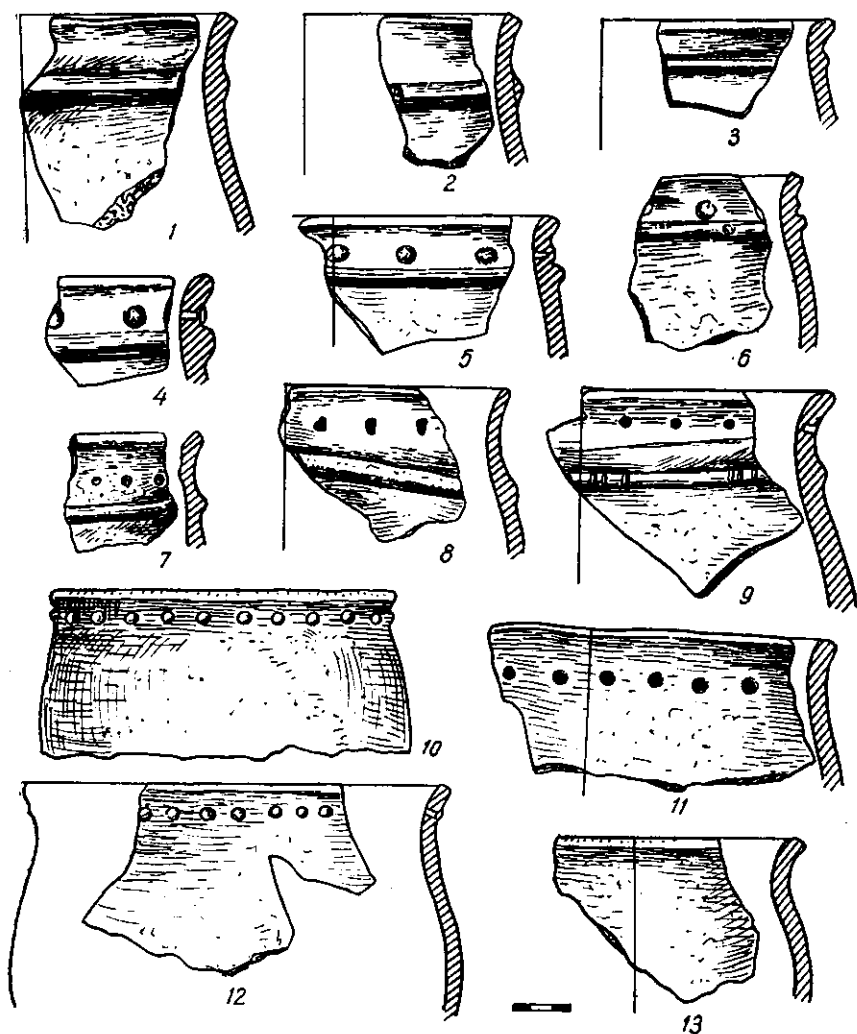

Рис. 3. Типы керамики из поселения у с. Мошны.

поверхностью, не отделанные заглаживанием. Цвет чаще всего рыжеватый и желтовато-серый.

Более всего высокие горшки различаются между собой по орнаменту. Во многих случаях шейка и плечико сосуда были украшены прочерченными линиями или более широкими желобками, сделанными концом палочки. Обычная композиция состоит из одной или нескольких горизонтальных полос на шейке, ниже которых на плечики спускаются пучки параллельных линий, расположенных под углом друг к другу (рис. 1, 2; 2, 1, 3); промежутки между ними часто бывают заполнены рядами ямок, овальных или треугольных, сделанных концом косо поставленной палочки. В других случаях под горизонтальными

линиями прочерчены подвесы, состоящие из косо заштрихованных полукружий (рис. 1, 1, 6). Характерен орнамент в виде фестонов вертикальных или косых черточек ниже горизонтальных полос, идущих по шейке сосуда (рис. 1, 3, 4). На одном обломке (рис. 2, 5) прочерчен фестон в форме косо поставленной лесенки. На другом крупном обломке сосуда имеется орнамент, состоящий из горизонтально идущих прочерченных линий зигзага, в который включен продолговатый фестон из двух рядов ямочных вдавлений (рис. 2, 4).

Сравнительно часто описанные орнаменты дополняются наколами, идущими вдоль края, изнутри или снаружи, которые образуют выпуклины в виде горошин (рис. 2, 1—4). Реже встречаются сквозные проколы (рис. 2, 5).

Наряду с тем имеются сосуды, украшенные только сквозными проколами (рис. 3, 11) или наколами с выпуклинами, расположенными по шейке с наружной (рис. 3, 10, 12) или с внутренней стороны.

Значительную в количественном отношении группу находок составляют высокие тюльпановидные горшки, украшенные по шейке или на переходе шейки в плечико наlepным валиком (рис. 3, 1—9). Этот орнамент часто встречается в сочетании со сквозными проколами или наколами с выпуклинами на шейке под венчиком (рис. 3, 4—8) и ни разу не был найден на сосуде с резным орнаментом.

Валик чаще всего бывает гладкий (рис. 3, 4—8), довольно широкий, треугольный или округлый в сечении. Очень редко встречаются валики, расчлененные насечками или ногтевыми отпечатками. В качестве примера приведем обломок большого толстостенного сосуда из глины с крупными зернами гранита и с темной хорошо заглаженной поверхностью. На шейке имеется ряд круглых ямок с невысокими выпуклинами с внутренней стороны. В основании шейки — невысокий треугольный в сечении валик, расчлененный тройными вертикальными вдавлениями палочки (рис. 3, 9). Иногда валик расчленяется косыми линиями крупнозубчатого штампа (рис. 4, 8). На двух обломках сосуда такой орнамент сочетался с проходящим по шейке сосуда рядом косых вдавлений, сделанных концом палочки (рис. 4, 9). Один обломок сосуда со слабо профилированными стенками ниже невысокого валика был украшен заштрихованными треугольниками, нанесенными веревочкой (рис. 1, 7). На одном обломке сосуда без наколов и валика орнамент состоял из горизонтального ряда пальцевых вдавлений по шейке (рис. 4, 5).

Кроме высоких горшков, как отмечалось ранее, имеются обломки больших, пропорционально широких горшочков со слабо отогнутым краем, слегка обозначенным горлом и выпуклыми боками (рис. 4, 1). Судя по обломкам, такие сосуды ничем не орнаментировались.

Небольшую, но отчетливо выделяющуюся группу составляют обломки сосудов с прямыми вертикальными стенками, по-видимому от сосудов цилиндрической формы с заглаженной или слабо шероховатой поверхностью, орнаментированные линейным прочерченным узором (рис. 1, 8, 9). Встречаются небольшие чаши с прямыми хорошо заглаженными стенками, сужающимися от пояса на середине высоты к днищу (рис. 4, 3), и обломки небольших глубоких сосудов типа кружек с боковыми петельчатыми ручками (рис. 4, 2).

В небольшом количестве были найдены сосуды в виде глубоких мисок двух основных форм: с высоким прямым слабо загнутым внутрь краем (рис. 2, 9, 10) и с отогнутым наружу краем (рис. 2, 6—8). Поверхность тех и других темная, заглаженная.

Другие керамические изделия представлены следующими находками: миниатюрным глиняным сосудиком в виде невысокой баночки (рис. 5, 1), обломками глиняных цедилок (рис. 5, 3), обломком глиня-

ного грузика цилиндрической формы с отверстием, несколькими крупными пряслицами (рис. 5, 12). Особенно интересно крупное пряслице с семью лучевидными выступами (рис. 5, 11). Был найден также обломок глиняной льячки, имеющей вид черпачка с муфтообразным высту-

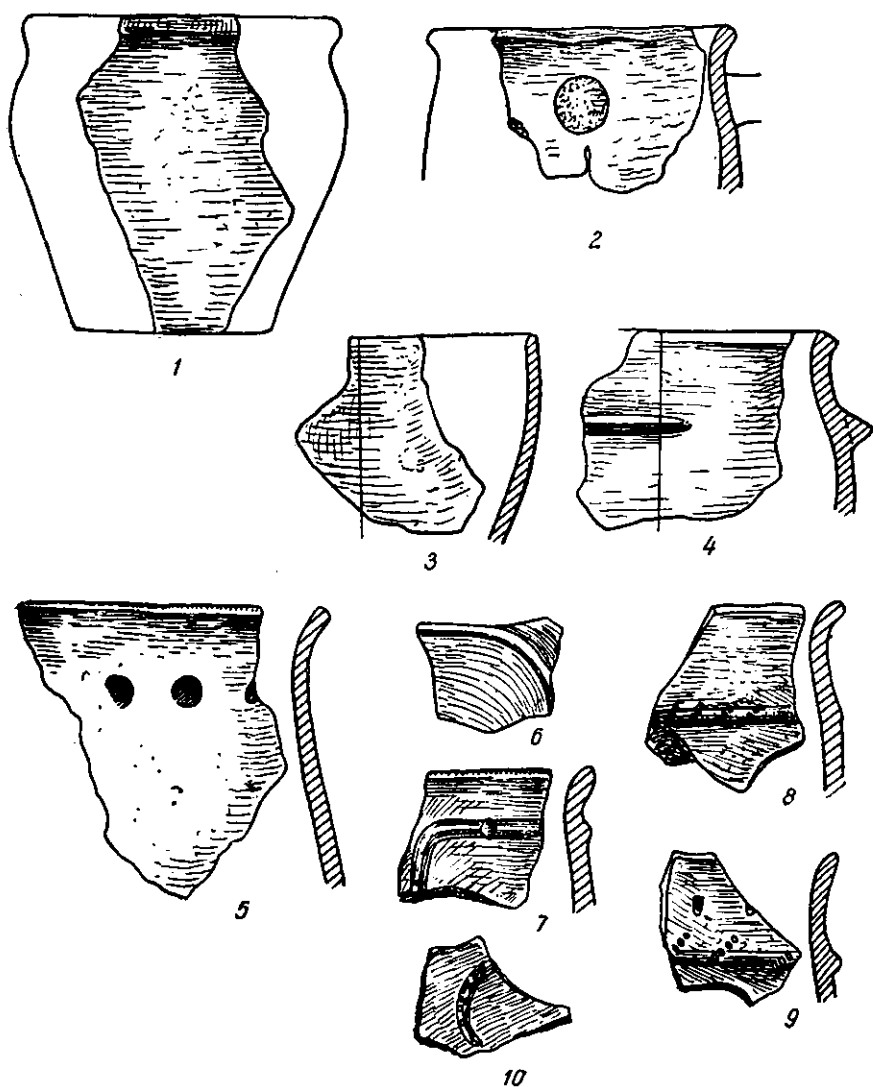

Рис. 4. Типы керамики из поселения у с. Мошны.

пом для деревянной ручки (рис. 5, 2). Эта находка свидетельствует о существовании бронзолитейного производства на поселении.

Среди каменных орудий следует упомянуть обломок шлифованного проушного топора (рис. 5, 8) и грубо оббитую заготовку вкладыша для серпа из кремневого одностороннего отщепы (рис. 5, 7). Часто встречались обломки ручных зернотерок и шаровидные терочники из гранитных камней.

Изделия из рога и кости также немногочисленны. При раскопках в разных местах были найдены два целых рога благородного оленя, по-видимому, заготовленные в качестве материала для изделий, плоская роговая ручка (рис. 5, 10), обломки какого-то орудия из распиленного продольно куска рога и шильца, сделанные из птичьих костей

и из расколотых трубчатых костей животных. Кроме того, найдена небольшая костяная булавка с плоской головкой (рис. 5, 9), коровья фаланга и астрагал с пробитыми круглыми отверстиями (рис. 5, 13, 14).

На Мошнянском поселении найдено несколько бронзовых предметов: маленькое, утолщенное посередине четырехгранное шильце

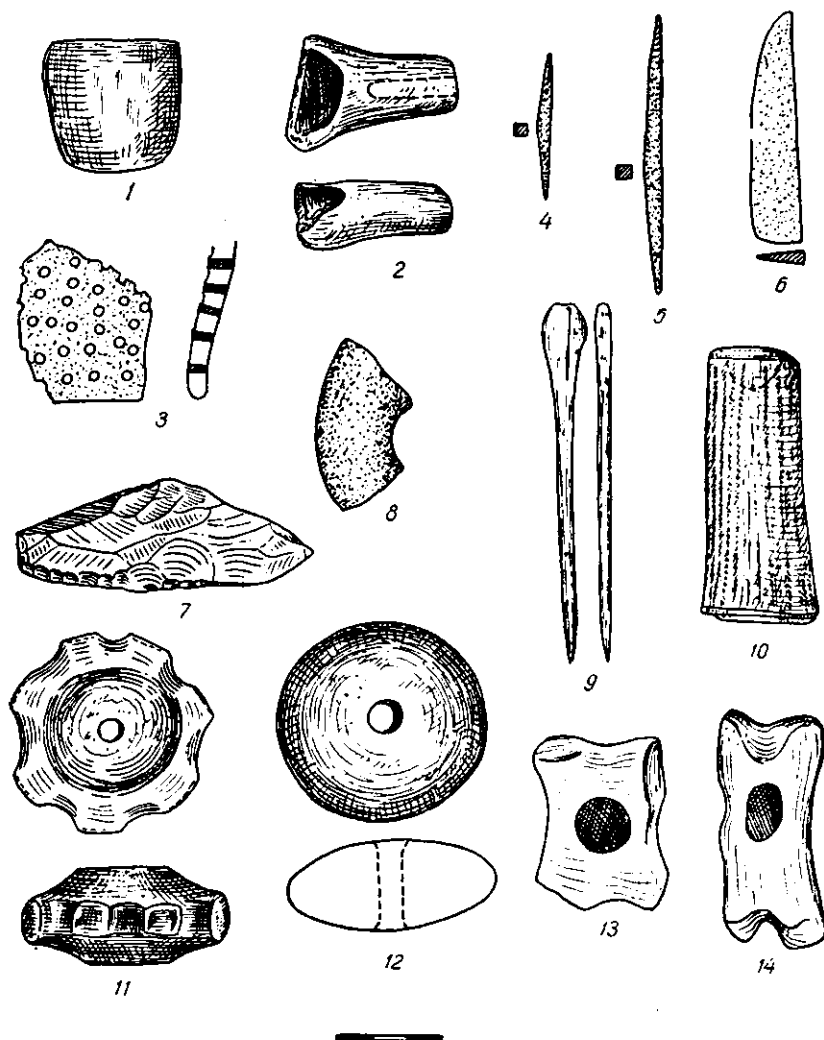

Рис. 5. Бронзовые, костяные, каменные и глиняные изделия из поселения у с. Мошны.

(рис. 5, 4), подобное же шило больших размеров (рис. 5, 5), часть однолезвийного ножа с широкой, слегка вогнутой спинкой и притупленным концом, обломок лезвия плоского бронзового предмета, возможно серпа или бритвы.

Как видно из приведенного выше, вещественный материал, найденный на поселении около с. Мошны, является вполне характерным для памятников комаровско-тщинецкой культуры, хотя и имеет местное своеобразие.

Высокие горшки с линейным врезным узором по форме, орнаменту, приемам наружной отделки вполне аналогичны одной из ведущих форм посуды, характерной для комаровской культуры. Подобные горшки были найдены среди материалов, встреченных при раскопках

у с. Народичи¹, в Войцеховском могильнике², на поселении у с. Ворошиловка на Житомирщине³ и среди памятников тшинецкой культуры на территории Польши⁴.

Не менее характерен для комаровско-тшинецких памятников орнамент в виде гладкого валика на высоких тюльпановидных горшках. Такие сосуды, украшенные валиками, были найдены на поселении у с. Ворошиловка, в Войцеховском могильнике, на поселении у с. Соловье на Волыни⁵, около сс. Лубна и Российова на территории Польши⁶.

Сосуды с прямыми стенками (рис. 2, 8, 9), очевидно, более всего соответствуют цилиндрическим кубкам комаровской культуры⁷.

Небольшие широкие неорнаментированные горшочки (рис. 4, 1), чаши с коническими стенками (рис. 4, 3), глубокие кружки с петельчатыми ручками (рис. 3, 2) неоднократно встречались среди памятников тшинецкой культуры⁸. То же можно сказать о конических (рис. 2, 9, 10) мисках и мисках с сильно профилированными стенками и отогнутым краем (рис. 2, 6—8).

По сравнению с памятниками комаровской культуры Поднестровья и Волыни в составе керамики Мошнянского поселения заметно отсутствие двуручных ваз и сосудов с канелированным орнаментом.

Для комаровской культуры Волыни—Поднестровья и для тшинецкой культуры не характерен орнамент в виде сквозных проколов и наколов с выпуклинами в сочетании с линейно-желобчатым рисунком или же наlepными валиками. Такое сочетание элементов орнамента свойственно керамике, встреченной на Мошнянском поселении и на поселениях комаровской культуры в окрестностях Киева. Подобные же орнаментальные композиции широко распространены на керамических изделиях, обнаруженных на памятниках соснической культуры в бассейнах Сейма, Десны и Сулы.

Керамика, украшенная только проколами или наколами с выпуклинами, часто встречающаяся на Мошнянском поселении (рис. 3, 10, 11), не обычна для комаровских и тшинецких памятников на основной территории их распространения и составляет специфическую особенность поселений среднеднепровской группы. Эта керамика твердо входит в основной состав керамики Мошнянского поселения. Сосуды с таким орнаментом не отличаются по форме и техническим особенностям от горшков с типично комаровским орнаментом. Можно отметить лишь то, что среди этой керамики несколько чаще встречаются сосуды с шероховатой, незаглаженной поверхностью. Связующим звеном между характерно комаровской посудой и горшками, украшенными по шейке проколами или наколами с выпуклинами, являются сосуды, сочетающие оба эти вида орнамента (рис. 2, 1—5).

¹ І. Ф. Левицький, Стая в ур. Пішаному біля Народич, Антропология, т. II, К., 1931, стр. 230, рис. 38.

² О. Ф. Лагодовська, ук. соч., стр. 64, рис. 1, 4.

³ Є. В. Махно, Дві пам'ятки бронзової доби в басейні р. Тетерева, АП, т. II, К., 1949, стр. 207, табл. 1, 11—13.

⁴ T. Reymann, Dokumentaryczne wartości odkryte w Kopcu wschodnim w Rosiejowie, w pow. Pińczowskim, Słavia Antiqua, t. I, Poznań, 1948, стр. 42 и сл.; A. Gardawski, Niektóre zagadnienia Kultury trzcinieckiej w świetle wykopalisk w miejscowości Lubna, pow. Sieradz, Wiadomości archeologiczne, t. XVIII, Warszawa, 1951, стр. 27, рис. 16; A. Chotynski, Zabytki przedhistoryczne z Dratów, Trzcianca, Zmijuwisk i innych wsi w powiecie Poutawskim, t. IX, Światowit, 1911, стр. 53, рис. 103.

⁵ Разведка проведена В. И. Каневцем и А. П. Савчуком; вещественный материал хранится в Институте археологии АН УССР.

⁶ A. Gardawski, ук. соч., стр. 31, табл. II, стр. 34, рис. 22; T. Reymann, ук. соч., стр. 57—69.

⁷ T. Sulimirski, Kurhany Komarowskie, отгук из журн. «Złoty Szlak», Stanisławów, 1939, рис. 4, 10.

⁸ A. Gardawski, ук. соч., стр. 36, рис. 24, стр. 40, рис. 25; T. Reymann, ук. соч., стр. 59, рис. 16.

Что же касается находок отдельных обломков сосудов, украшенных валиками с отпечатками зубчатого штампа (рис. 4, 8, 9), и обломков с валиками, концы которых опущены вниз (рис. 4, 6—10), то в настоящее время трудно сказать, входят ли они в комплекс комаровской керамики Мошнянского поселения или решительно чужды ему. Подобный орнамент не известен на памятниках комаровско-тщинецкой культуры, а свойственен ряду культур конца бронзового века, например, белогрудовской или срубной. Однако никаких явственных следов упомянутых культур, с которыми можно было бы связать эти находки, на поселении не наблюдалось. С другой стороны, по составу глиняного теста и профилировке венчиков эти фрагменты не выделяются из основной массы керамики поселения. Вопрос о принадлежности этого материала к комаровскому слою не ясен и требует проверки на материале других однотипных поселений.

Пряслище с семью выступающими концами аналогично найденному в Теклинском кургане. Подобные пряслища с лучевидными выступами известны на ряде других поселений комаровской культуры: на Воляни у сс. Народичи¹ и Святе², а также близ Киева в районе Виты Литовской³.

Глиняная льячка, подобная мошнянской (рис. 5, 2), была найдена на поселении у с. Святе и в кургане тщинецкой культуры около с. Росийова в Польше⁴.

Костяные и бронзовые предметы также вполне соответствуют характеру комаровской культуры. К сожалению, все эти находки не позволяют уточнить время поселения, а лишь указывают на принадлежность его к развитой поре бронзового века. По предварительному определению поселение у с. Мошны может быть отнесено ко второй половине II тыс. до н. э. На нем отсутствуют формы керамики и вещи, которые указывали бы на более раннюю дату, на связь с культурой шнуровой керамики. С другой стороны, имеется ряд ощутимых признаков, указывающих на культурную и хронологическую близость с памятниками белогрудовского типа, относящимися к XI—IX вв. до н. э.

Особенно близки к белогрудовским высокие приближающиеся к тюльпановидным горшки, украшенные по шейке наклепным валиком. Высокие горшки с валиками и сквозными проколами более всего напоминают такого же рода сосуды из нижнего слоя поселения у с. Магала⁵ и из поселения у сс. Кельменцы и Оселивка, Черновицкой области⁶, относящихся, по мнению их исследователей, к XI—IX вв. до н. э. На этих поселениях встречаются также сосуды с валиком, расчлененным насечками и пальцевыми вдавлениями. По мнению А. И. Мелюковой, приднестровские памятники типа нижнего слоя Магалы по своему происхождению связаны с комаровской культурой⁷.

Прототипами белогрудовских форм являются также глубокие миски обоих имеющихся здесь типов. Из них миски с прямым краем оказались более характерными для белогрудовских памятников северной полосы УССР, а также для памятников типа Магалы; миски же с отогнутым наружу краем получили развитие в более южном, уман-

¹ Г. Ф. Левницький, ук. соч.

² Раскопки проведены Волянской экспедицией в 1959 г.; материалы хранятся в Институте археологии АН УССР.

³ Раскопки проведены Д. Я. Телегиным; материалы хранятся в Институте археологии АН УССР.

⁴ Реутап, ук. соч. стр. 53, рис. 7.

⁵ Г. И. Смирнова, Поселения позднебронзового века и раннего железа возле с. Магала, Черновицкой области, КСИИМК, в. 70, 1957, стр. 105.

⁶ А. И. Мелюкова, Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья, МИА, № 64, 1958, стр. 10, рис. 1.

⁷ Там же, стр. 11.

ском варианте белогрудовской культуры. Переходной формой являются также сосуды в виде глубоких кружек с петельчатыми ручками.

В результате раскопок поселения у с. Мошны удалось составить более полное представление о характере комаровской культуры в правобережной части Среднего Поднепровья и о местных особенностях этой культуры. Было также установлено, что область ее распространения на востоке не ограничивалась только окрестностями Киева, а протянулась по течению Днепра почти до южной границы Лесостепи. Мошнянское поселение и Теклинский курган, находящиеся в одной и той же местности, на расстоянии не более 25 км друг от друга, органически связаны между собой. Они подтверждают предположение о передвижении части племен комаровской культуры из северных пределов современной Украины в более южные районы правобережной Лесостепи. Становится очевидным, что это передвижение началось еще в период развитой комаровской культуры, а не в белогрудовское время, как это предполагалось раньше.

ЛИТЕЙНЫЕ МАТРИЦЫ НА ПОСЕЛЕНИЯХ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В НИЖНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ

И. Н. ШАРАФУТДИНОВА

На территории Северного Причерноморья, в частности Нижнего Поднепровья, известно довольно большое количество кладов и отдельных находок металлических изделий, а также литейных форм, относящихся к эпохе поздней бронзы. Только в районе Каховского водохранилища, например, было найдено несколько кладов бронзовых изделий и литейных форм, а именно: Ново-Александровский¹, Бериславский², Князь-Григорьевский³, Ново-Григорьевский⁴, Вознесенский (Новос Запорожье)⁵. За последние 30 лет в Нижнем Поднепровье открыто также много поселений этого времени. Однако клады и отдельные металлические предметы непосредственно с керамическими комплексами встречались относительно редко. На основании этих немногих совместных с керамикой находок бронзовых изделий и литейных форм О. А. Кривцова-Гракова отнесла основные клады и мастерские Северного Причерноморья к позднему, по ее хронологии так называемому сабастиновскому, этапу позднеархаической культуры, который датировала IX—VIII вв. до н. э.⁶ Исследование стратиграфированного памятника у с. Ушкалки⁷, находка костяного псалия на поселении у с. Сабастиновки, который исследователи датируют концом II тыс. до н. э.⁸, доказывают, что поселения типа нижнего слоя Ушкалки, Сабастиновки относятся к раннему этапу поздней бронзы.

Их, очевидно, сменили памятники типа верхнего слоя Ушкалки, Бабино IV и Белозерского поселения.

Для расширения представления о составе и комплексе металлических изделий каждого из названных этапов важное значение имеют новые находки бронзовых изделий и литейных форм, обнаруженные на поселениях вместе с керамикой и другими обычными для них материалами.

¹ А. В. Добровольский, Талькові ливарні матриці бронзової доби з Херсонщини, Археологія, т. IV, К., 1950, стр. 163—170.

² А. В. Добровольский, Бериславский скарб бронзової доби, Археологія, т. II, К., 1948, стр. 152—163.

³ П. О. Бурачков, Объяснение к археологической карте Новороссийской губернии и Крыма, Древности, Труды МАО, т. XII, М., 1888, стр. 14.

⁴ Там же, стр. 15.

⁵ А. М. Tallgren, La Pontide préscythique après l'introduction des métaux, ESA, II, Helsinki, 1926, стр. 150.

⁶ О. А. Кривцова-Гракова, Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, МИА, № 46, 1955, стр. 139—150.

⁷ Д. Я. Телегин, Питання відносної хронології пам'яток пізньої бронзи Нижнього Подніпров'я, т. XII (печатається).

⁸ А. И. Тереножкин, Бронзовый псалий с городища Кюзелли-гыра в Хорезме, КСИЭ, XXX, М., 1958, стр. 38—39.

Настоящее сообщение ставит своей целью публикацию нескольких литейных форм, найденных в 1957 г. в зоне Каховского водохранилища на поселениях периода поздней бронзы у сс. Верхняя Тарасовка, Томаковского района, и Капуловка, Никопольского района, Днепропетровской области¹.

Одна из форм происходит из поселения у с. Верхняя Тарасовка (пункт 2), которое расположено на надпойменной террасе Днепра, у его правого притока Натора. Эта матрица представляет собой разбитую в древности трехстороннюю формочку с негативами копья, долота и булавки (рис. 1, 1—3). Ее размеры: ширина 4,5—5 см, толщина 2,5 см, сохранившаяся длина 6 см. На всех трех сторонах матрицы, где

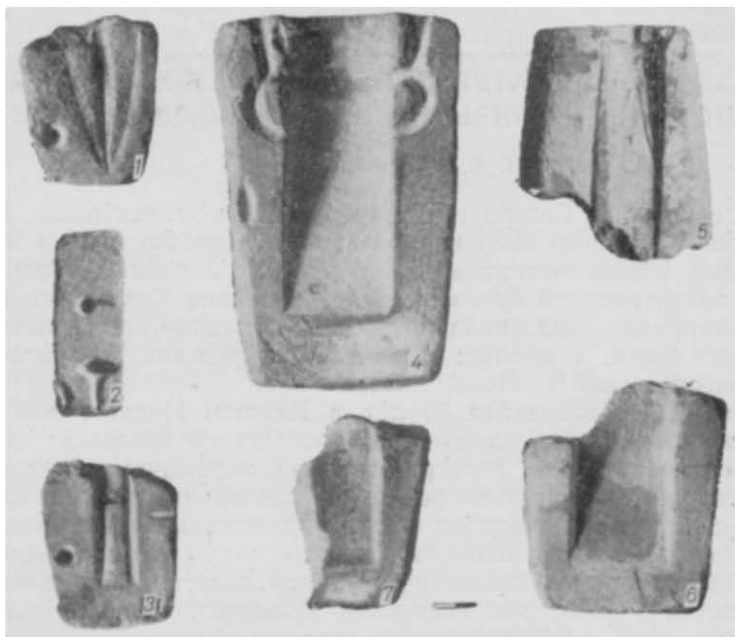

Рис. 1. Матрицы из поселений поздней бронзы у сс. Верхняя Тарасовка (1—3) и Капуловка (4—7).

есть негативы, вырезаны выемки для штифтов, с помощью которых скреплялись половинки форм. На широкой стороне матрицы вырезан негатив острия наконечника узколистного копья с относительно широкой и глубокой нервюрой, которая, являясь продолжением втулки, постепенно суживается к острию. Целый наконечник подобного втульчатого копья найден при раскопках у с. Волошского, Днепропетровской области².

На обратной стороне матрицы имеется негатив узкого желобчатого долота с выпуклым лезвием (рис. 1, 3). Ширина его 1,4 см, наибольшая глубина по ребру на месте излома 0,6—0,7 см, сохранившаяся длина 4,5 см. Долото подобного рода с вогнутой поверхностью, узким лезвием и выступающими ребрами хранится в Киевском историческом музее³. Верхний стержневой конец его расклепан; длина долота 13 см. Место находки его неизвестно. А. И. Тереножкин относит это долото ко времени белогрудовско-чернолесских памятников⁴. Можно

¹ Обнаружены А. В. Боянским.

² Хранится в фондах Киевского исторического музея.

³ См. А. М. Tallgел, ук. соч., стр. 176, рис. 102.

⁴ А. И. Тереножкин, Предскифский период в Днепропетровском лесостепном Правобережье. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук, К., 1958, Научный архив Института археологии АН УССР.

предположить, что и наш негатив был примерно такого же размера и формы.

На узкой стороне матрицы находится негатив булавки с массивной шляпкой (рис. 1, 2). Формы для литья подобных булавок известны вкладах Красномаяцком¹ и Кардишинском I².

На поселении Верхняя Тарасовка в размыве берега на протяжении 100 м были встречены обломки керамики, кости домашних животных, пережженные камни известняка и гранита.

Керамика Верхнетарасовского поселения представлена черепками темно-серых или буроватых по цвету лепных сосудов. Поверхность их шероховата, в глине содержится значительная примесь песка, изредка — толченого гранита. Толщина стенок колеблется от 0,6 до 0,9 см. По типам сосуды различаются на банки, слабо профилированные горшки, сковородки и сосуды типа кубков. Относительно большую группу составляют горшки со слегка выпуклыми боками (рис. 2, 2—4, 7). Диаметр их венчиков равен 22—28 см. Венчики слегка отогнуты и утончены к краю, изредка встречается край с прямым срезом. Плечики сосудов орнаментированы валиком, в том числе — со спускающимися под прямым углом концами (рис. 2, 2). В одном случае отмечен орнамент в виде треугольных наков (рис. 2, 3). Интересно отметить сочетание валика, расчлененного тонкой гребенчатой насечкой, с расчесами на поверхности сосуда, выполненными этой же гребенкой (рис. 2, 7). К описываемому типу относится и группа более профилированных горшков. Венчики их отогнуты сильнее, бока более закруглены. По плечикам, так же как и сосуды предыдущей группы, они украшены расчлененным валиком, прочерченным орнаментом в виде зигзага и елочки (рис. 2, 5, 6). Близкими к ним, по-видимому, являются и два обломка небольших сосудов с таким же профилем. Они тоньше в изломе (0,5—0,6 см), поверхность их лучше заглажена. По плечикам один орнаментирован мелкозубчатым штампом, другой — отпечатками тоненькой веревочки.

Баночный сосуд представлен обломком стенки с прямым ровно срезанным краем. Высоко у среза венчика расположен гладкий валик (рис. 2, 1).

В коллекции имеется фрагмент сковородки с прямыми стенками и чуть сведенными вверх краями. По закругленному краю нанесены тонкие косые насечки орнамента (рис. 2, 9).

Керамический комплекс дополняется обломком небольшой петельчатой ручки с уплощенным верхом и желобком по широкой плоскости (рис. 2, 8). На ручке есть следы лощения. По-видимому, это обломок от кувшинчика или кубка.

Таким образом, по характеру керамики это поселение можно отнести к группе памятников типа Белозерского поселения, верхнего слоя Ушкалки, Бабино IV.

На поселении поздней бронзы у с. Капуловки (пункт 4) были найдены три литейные формы. Одна из них представляет собою половину массивной гальковой односторонней матрицы двухого кельта с овальным отверстием (рис. 1, 4). Размер матрицы 13,5×9,5×4,5 см. На расстоянии 2,4 см от верхнего края негатива кельта находится круглый валик, переходящий в небольшие (2,5 см) полукруглые петли ушек, каждое из которых имеет свой литок. Бока кельта мягко закруглены, только у лезвия слегка намечены грани. Лезвие прямое. Размер кельта от валика 8,5 см, ширина сверху и внизу 3,6 см.

¹ И. В. Фабрициус, Археологическая карта Северного Причерноморья, К., 1951, стр. 38, табл. XIX, 8.

² О. А. Кривцова-Гракова, ук. соч., стр. 136, рис. 33, 8.

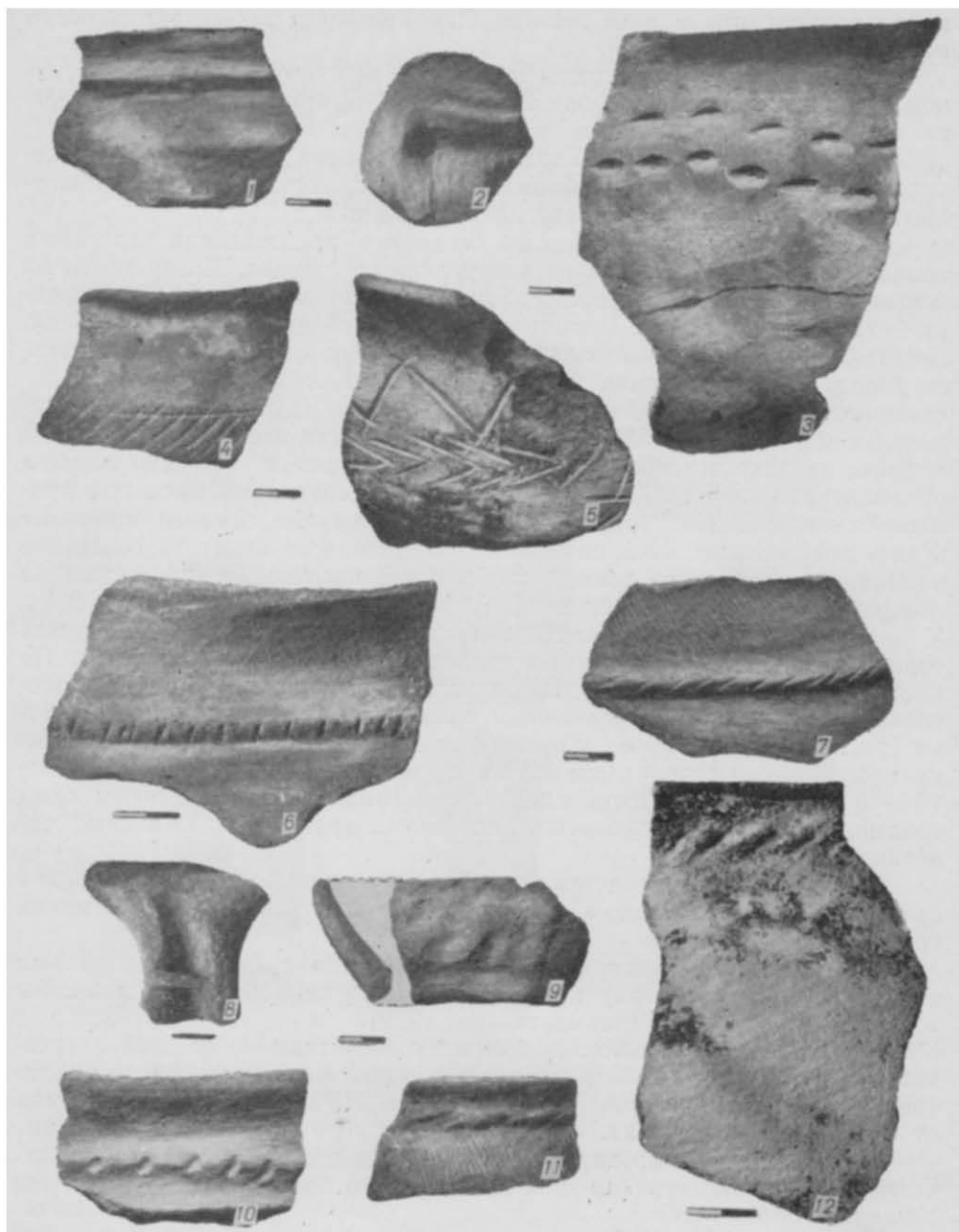

Рис. 2. Керамика эпохи поздней бронзы из поселений у сс. Верхняя Тарасовка (1—9) и Капуловка (10—12).

По характеру ушек, прямому корпусу и гладким закругленным бокам этот негатив очень близок к матрице из с. Деревянное (вблизи Триполья), но негатив последней более широких пропорций и имеет раздвоенный валик¹. Клад из с. Деревянное датируется концом II — началом I тыс. до н. э.²

¹ В. В. Хвойко, Начало земледелия и бронзовый век в Среднем Поднепровье, Труды XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 7; А. М. Tallgren, ук. соч., стр. 148, рис. 83, I.

² А. И. Тереножкин, Среднее Поднепровье в начале железного века, журн. «Советская археология», 1957, № 2, стр. 49.

Вторая матрица из Капуловки — это половинка прямоугольной двухсторонней формочки для литья кельтов и долот (рис. 1, 5, 6). Размер матрицы: ширина 6 см, толщина 3 см, сохранившаяся длина 6,5 см. На широкой стороне ее имеется негатив узкого втульчатого овального в сечении долота с гладким небольшим валиком по краю (рис. 1, 5). Негатив вырезан таким образом, что на плоской стороне образуется рельефный орнамент в виде двух вытянутых с опущенными вниз вершинами треугольников. Ширина долота 2 см, сохранившаяся длина 8,3 см. Очевидно, длина долота не превышала 8,5—9 см. Формы для литья подобных долот, но без орнамента известны в Красноямацком кладе. Они изданы по записям музея «как втулки для литья кельта»¹. Среди матриц из поселения у с. Волошское также имеется негатив с подобным втульчатым долотом². Близкой аналогией нашему долоту является и бронзовое долото из клада у с. Лука Райковецкая³.

На другой стороне матрицы находится негатив прямого шестигранного в разрезе кельта (рис. 1, 6). В отличие от кельта первой матрицы из Капуловки грани этого негатива прорезаны очень четко. Лезвие слегка выпукло, верхняя часть его отбита и только с одной стороны на расстоянии 6,4 см от лезвия сохранился след от ушка. Ширина лезвия 3,8 см.

Третья матрица, от которой сохранилась незначительная часть, является второй половиной предыдущей матрицы с негативом шестигранного кельта (рис. 1, 7). Совпадают не только негативы, но и нарезки на месте связывания матриц.

Шестигранные кельты разнообразных видов были широко распространены в Северном Причерноморье. Наши негативы относятся к сравнительно редкому виду этих кельтов с параллельными гранями.

В отличие от формочки из Верхней Тарасовки, которая имеет углубление для штифтов, на всех половинках матриц из Капуловки есть только тонкие нарезки, как бы следы ниток, оставленные на месте скрепления матриц.

Возможно, что на Капуловском поселении так же, как и на Волошском, находилась одна из древних литейных мастерских, следы которой и удалось обнаружить.

Керамики, собранной вместе с матрицами в размыве на поселении Капуловка, очень немного. Черепки темно-серого цвета, поверхность их шероховатая, масса плотная с примесью песка и толченого гранита. В изломе сосуды черные.

По форме преобладают баночные горшки со слегка выпуклыми боками (рис. 2, 11, 12). Высоко под венчиком они все орнаментированы валиком, который расчленен насечками палочки. В одном случае так же, как и на поселении Верхняя Тарасовка, поверхность стенки от валика покрыта узкими неглубокими расчесами (рис. 2, 11).

Горшки с отогнутым венчиком представлены только одним фрагментом толстостенного сосуда светло-желтого цвета. На месте перехода шейки к плечикам имеется треугольный валик, расчлененный вдавливанием закругленной палочки (рис. 2, 10).

В целом керамика из поселения у с. Капуловки близка к керамике из с. Верхняя Тарасовка. Но преобладание баночных сосудов с высоко расположенным валиком позволяет отнести поселение у с. Капуловки к более раннему времени, может быть, ко времени нижнего слоя Ушкалки.

¹ И. В. Фабрициус, ук. соч., стр. 38, № 9—10, 17—18.

² О. В. Бодянский, Археологічні дослідження в межах порожистої частини Дніпра у 1947—48 рр., АП, т. IV, К., 1952, стр. 169, табл. III, 1.

³ А. И. Тереножкин, Среднее Поднепровье в начале железного века, журн. «Советская археология», 1957, № 2, стр. 58, рис. 6, 8.

Все рассмотренные выше литейные формы из поселений Верхняя Тарасовка и Капуловка принадлежат к кругу изделий, характерных для Причерноморского металлургического центра. Они изготовлены, по определению геолога М. И. Ожеговой, из мягких пород камня: одна из талькового (матрица с негативом двуухого кельта из с. Капуловки), а три остальных — из тремолитового сланца. Древние обнажения этих пород известны на юге Украины, по Ингульцу в районе Кривого Рога. Весьма вероятно, что из этих месторождений получали сырье древние металлурги для изготовления не только описанных выше, но и других матриц, находимых в северопричерноморских кладах и мастерских.

Новые матрицы для литья шестигранных кельтов, очевидно, с одним ухом, двуухих кельтов с закругленными ребрами, а также втульчатых долот, найденные на поселении у с. Капуловки, одновременны с поселениями раннего этапа поздней бронзы. Они могут быть датированы концом II—началом I тыс. до н. э.

Литейная форма из с. Верхняя Тарасовка для изготовления узких желобчатых долот со стержневидным концом, наконечников копий с узким пером и украшений в виде булавок с массивными шляпками может быть отнесена к заключительному этапу поздней бронзы, представленному в степном Поднепровье такими поселениями, как верхний слой Ушкалки, Бабино IV, Белозерским и другими.

ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ДЕСНЕ

Ф. М. ЗАВЕРНЯЕВ

(Брянск)

В последние годы в результате археологических исследований на территории Брянской области были открыты поселения бронзового века.

Большинство из них расположено на краю первой надпойменной террасы, в значительном удалении от современного русла реки или стариц. Культурные остатки на поселениях встречаются в виде больших отдельных скоплений.

Наиболее интересными являются поселения у с. Почеп в урочище Валы и на р. Судости у с. Сапычи, Погарского района, на левом берегу Десны у с. Лопушь, Выгоничского района, у с. Добрунь, Брянского района, в пункте Черепеньки 3 в г. Брянске и у с. Ниготино, Жуковского района.

На стоянках у сс. Лопушь и Сапычи найдено много обломков посуды старой неолитической формы, иногда с ямочным орнаментом, но заметно начинает преобладать новый зубчатый узор, встречаются также отпечатки веревочки, углубления, нарезки. По-видимому, они могут быть отнесены ко второй половине II тыс. до н. э. (рис. 1).

На стоянках более позднего времени широкое распространение получила керамика, характерная для памятников бондарихинского типа (рис. 2), хотя отдельные сосуды имеют сходство с керамикой позднесрубной культуры.

К настоящему времени наиболее полно исследовано Почепское поселение. На нем имеются также культурные остатки зарубинецкого времени.

Там, где культурный слой предскифского времени не был разрушен при сооружении жилых или хозяйственных построек в зарубинецкое время, хорошо прослеживалась стратиграфия наслоений: верхний слой (10—15 см) состоит из темного гумусированного песка, ниже (40 см) расположен слой темно-коричневого песка, постепенно переходящего в светло-коричневатый, а затем в белый материковый. Керамика зарубинецкой культуры залегала в первом слое и в верхней половине среднего слоя. Керамика предскифского времени встречается только во втором слое, преимущественно в его нижней половине. Подавляющая масса находок предскифского времени наблюдалась во вторичном залегании, в заполнении жилищных ям зарубинецкой культуры. Были случаи, когда части одних и тех же сосудов встречались в культурном слое и в заполнении более поздних ям.

На одном из участков (восточный угол раскопа № 2) открыта бесформенная западина, в которой на глубине 1,2 м находилась керамика баночных форм. Рядом, с южной стороны, на глубине 45 см от поверхности открыта яма удлинненно-округлой формы, размером

1,3×0,8 м, глубиной 0,6 м. Яма заполнена плотным темно-коричневым песком. В нем встретилась мелкая керамика, несколько кусочков пережженных костей, кусочек ярко-коричневой охры и несколько кремневых и кварцитовых отщепов. К востоку от ямы на глубине 25—60 см нахо-

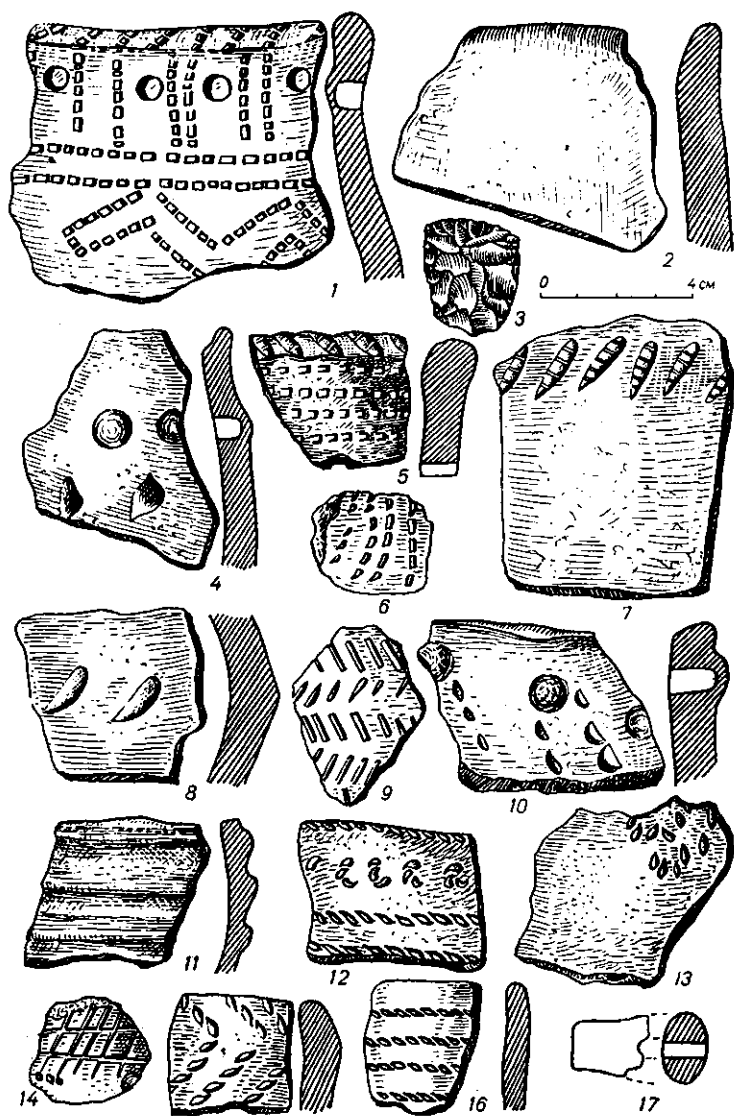

Рис. 1. Материалы ранней группы из стоянок эпохи бронзы на Десне.

дилось скопление керамики. Здесь же на глубине 45 см был обнаружен медный нож. По-видимому, на этом месте располагалось жилище.

На другом участке (раскоп № 3) основное количество предскифской керамики было найдено в нижней части большой ямы, относящейся к зарубинецкому времени. Из обломков удалось восстановить несколько сосудов. Один из них представлял собой широкогорлый невысокий горшок желто-серого цвета с ребром посредине и невысоким поддоном (рис. 3, 3). Он изготовлен из глины с примесью песка. Венчик невысокий, отогнутый наружу. По шейке расположен ряд ногтевых вдавлений. Верхняя половина орнаментирована двумя рядами заштрихованных треугольников, составленных из врезных линий. Подобный

орнамент широко известен на сосудах бронзовых культур Восточно-Европейской части СССР. Высота 13 см, диаметр края 18 см, диаметр дна 8 см.

Второй сосуд из этой ямы имел форму горшка со слабо суженной шейкой и слегка отогнутым венчиком (рис. 3, 2) темно-серого цвета.

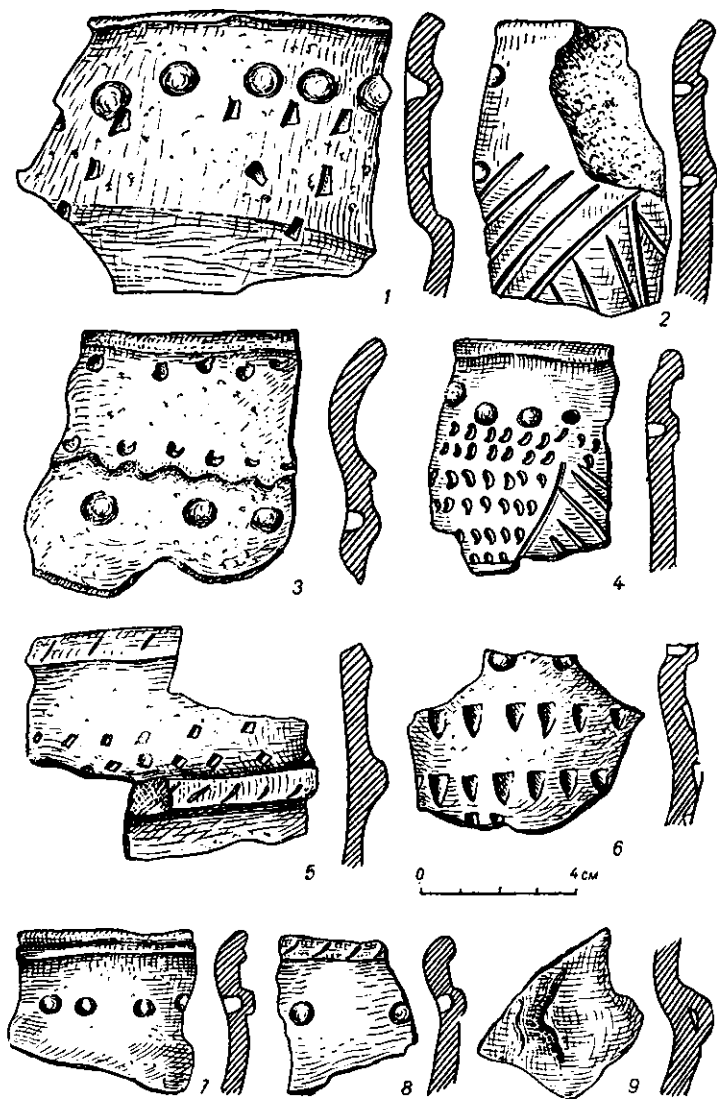

Рис. 2. Материалы поздней группы из стоянок эпохи бронзы на Десне.

По шейке с внутренней стороны расположены глубокие круглые ямки, образующие ряд бугорков с наружной стороны.

Рядом с ямой на глубине 0,45 м найден горшок желто-коричневого цвета с выпуклыми боками, суженной шейкой и небольшой рельефной гранью посередине (рис. 3, 1). Он изготовлен из глины с примесью песка, по шейке с внутренней стороны выдавлен ряд круглых ямок, образующих снаружи декоративные бугорки. В нижней половине сосуда имеется три ряда редко расположенных отверстий. Подобные сосуды могли употребляться для отцеживания сыра. Высота сосуда 32 см, диаметр края 25 см, диаметр дна 13 см.

Среди керамики, собранной на этом участке, особо интересны два фрагмента небольших сосудов в форме глубоких чаш с рельефной гранью посередине (рис. 2, 3). Здесь же найден сосудик типичной баночной формы с несколько наклоненным внутрь венчиком и небольшим валиком у края с наружной стороны. По шейке этого сосуда с внутренней стороны нанесены круглые проколы, которые снаружи образуют пояс декоративных бугорков.

Собранный на Почепском поселении вещественный материал можно разделить на несколько групп: глиняная посуда, изделия из глины, изделия из камня и металла.

Наибольший интерес представляет керамика, значительный процент которой составляют горшки баночных форм. Посуда этой группы

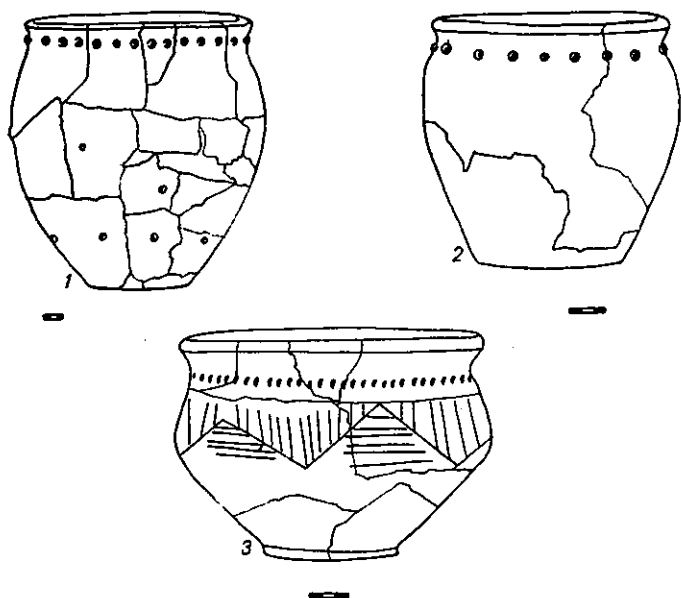

Рис. 3. Сосуды из стоянки у с. Почеп в урочище Вали.

часто не орнаментирована или орнаментирована очень бедно. Орнамент нанесен круглой или прямоугольной палочкой в один или несколько рядов по шейке. Встречается узор в виде треугольников, составленных из подобных ямок (рис. 2, 1—6). Тожественный орнамент широко распространен на керамике из южновских городищ. В нескольких случаях встретились обломки сосудов, покрытые штриховкой в виде параллельных бороздок, нанесенных зубчатым штампом.

Другую группу составляют острореберные горшки, процент которых совершенно незначительный. Они украшены более сложным орнаментом или вовсе лишены его.

К третьей группе относятся сосуды с выпуклыми боками и суженой шейкой. Они разнообразно орнаментированы. Некоторые украшены налепным валиком (рис. 2, 5).

На сосудах второй и третьей группы также встречается орнамент в виде рядов круглых проколов с внутренней или с наружной стороны (рис. 2, 7, 8). Это дает основание считать весь комплекс керамики единым и относящимся к одному времени. Следует отметить, что особенного различия в орнаменте всех групп керамики не наблюдается.

По аналогии с керамикой других культур конца бронзового века керамика Почепского поселения может быть датирована концом II — началом I тыс. до н. э.

Глиняные изделия представлены обломками кубиков разной величины, фрагментами картофелеобразных изделий (один экземпляр целый), получивших широкое распространение в юхновское время, и обломками крупных пряслиц разнообразной формы. Один фрагмент пряслица орнаментирован параллельными линиями.

Среди изделий из камня имеются квадратные, округлые и удлиненные плитки со сработанными гранями, несколько небольших кремневых скребков и небольшой кремневый нож на пластинке.

На Почепском поселении, как и на других поселениях в бассейне Десны, материальные остатки залегают гнездами, что указывает на определенное размещение жилищ.

Проведенные археологические разведки показали, что стоянки предскифского времени были расположены близко друг от друга. Это свидетельствует об относительной густоте населения в тот период.

Близкие и аналогичные стоянки широко известны к востоку, северо-востоку и юго-востоку от Брянской области¹, а также в других частях левобережной Лесостепи².

Исследование памятников предскифского времени на Десне открывает новые перспективы не только в вопросах изучения расселения племен в эпоху поздней бронзы, но и в выяснении источников возникновения более поздней юхновской культуры. Хотя сейчас нет оснований утверждать, что одним из компонентов в формировании юхновской культуры являлась культура предскифского времени, однако следует заметить, что только среди поселений этого времени мы находим материалы, близкие и даже тождественные юхновской культуре. Во-первых, баночные горшки имеют много общего с юхновскими по своей форме и орнаментации. Этот факт не может быть чисто случайным. Во-вторых, на поселениях предскифской культуры появляются неизвестные ранее картофелеобразные глиняные изделия, подобные встречающимся на юхновских городищах. На Гарцевском городище, в Стародубском районе, среди материалов юхновской культуры найдена овальная плитка со сработанными гранями, тождественная овальным плиткам Почепской стоянки.

Имеются и другие городища, весьма интересные в этом отношении. К ним относятся городища в сс. Залужье на р. Неруссе (известно по работам В. А. Падина), Сапычи и Гущино на средней Судости. Помимо керамики, близкой к найденной на стоянках предскифского времени, здесь встречены кварцитовые и кремневые отщепы.

Все это заслуживает внимания и ставит вопрос о необходимости широких исследований поселений предскифского времени на Десне.

¹ О. А. Кривцова-Гракова, Памятники бронзовой эпохи у селений Мокшан и Пустынь, Труды ГИМ, в. XII, М., 1941.

² Б. А. Шрамко, Новые памятники предскифского времени на Северном Донце, КСИИМК, в. 67, М., 1957; В. А. Ильинская, О происхождении культур раннего железного века в Левобережье среднего Днепра, КСИИМК, в. 70, М., 1957, стр. 44 и сл.

РАСКОПКИ КАМЕННЫХ ЯЩИКОВ В БАЙДАРСКОЙ ДОЛИНЕ В КРЫМУ

А. М. ЛЕСКОВ

Могильные сооружения в виде так называемых каменных ящиков очень распространены в горных районах Крыма. Обычно их считают погребальными памятниками тавров.

Таврская культура изучена еще недостаточно. Поэтому Крымская первобытная экспедиция Института археологии АН УССР в 1956 г. (начальник экспедиции С. Н. Бибииков) приступила к изучению таврских могильников, избрав основным объектом исследования каменные ящики, расположенные в Байдарской долине¹, в юго-западной части Крыма.

Здесь известно много могильников. Наиболее ранние сообщения о них восходят еще к 60-м годам прошлого столетия. С 70-х годов начинаются раскопки каменных ящиков в Байдарской долине. Трудami В. П. Кеппена, Ю. Д. Филимонова, Ю. А. Кулаковского и главным образом Н. И. Репникова было исследовано 52 каменных ящика в различных пунктах Байдарской долины. Однако общим недостатком всех этих раскопок было то, что исследователи не уделили должного внимания конструктивному устройству отдельных каменных ящиков и могильников в целом. Поэтому одну из главных задач наших раскопок мы видели в выяснении конструктивных принципов устройства таврских могильников.

Объектом раскопок был избран могильник (Уркуста I), расположенный на невысоком всхолмлении примерно в 500 м к северу от Чернореченского водохранилища и в 2 км от с. Передового. Этот могильник был известен еще Н. И. Репникову. Описывая его местоположение, он указывал: «Рекомендуем будущим исследователям именно эту группу памятников. Нет сомнения, что тут имеются и неграбленные ящики»².

Судя по внешним признакам, могильник состоит из нескольких групп каменных ящиков, перекрытых невысокими длинными насыпями — грядами, шириной 6—7 м и длиной 25—40 м. Все гряды вытянуты с северо-запада на юго-восток.

На возвышенности насчитывается до десяти таких гряд. В 1956—1957 гг. была вскрыта одна гряда (А), состоящая из девяти каменных ящиков, заключенных в ограды четырехугольной формы (рис. 1, 2). Длина гряды 38 м, ширина от 6,5 до 8 м, высота насыпи незначительна — 20—25 см.

¹ В состав группы по исследованию каменных ящиков Байдарской долины, кроме автора, входили лаборанты М. К. Панфилова (1956 г.) и П. А. Шохин (1957 г.).

² Н. И. Репников, Каменные ящики Байдарской долины, ИАК, в. 30, 1909, стр. 145.

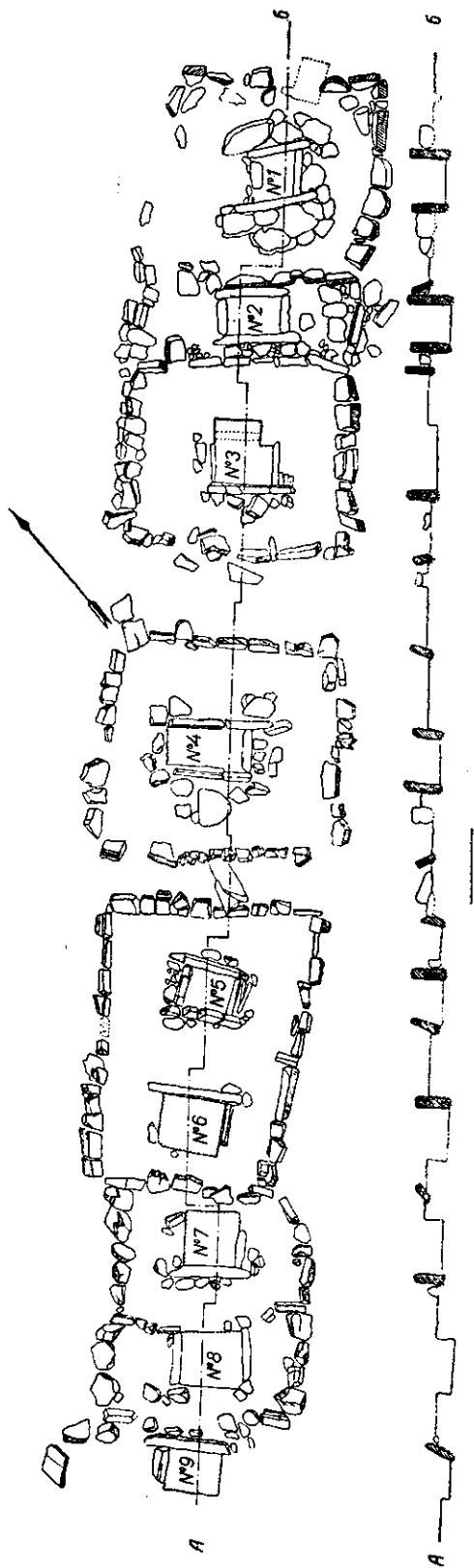

Рис. 1. Общий план и разрез гряды каменных ящиков могильника Уркуста (гряда А).

После снятия дернового слоя выяснилось, что ограды каменных ящиков состоят из поставленных на ребро различных по размерам плит слоистого песчаника. Лишь в ограде ящика № 8 плиты частично заменены крупными дикарными камнями. Плиты оград впушены в материк в специально вырытые ровики на глубину 10—12 см. Ограды, устроенные в смежном порядке (например, плиты, образующие юго-восточную стенку ограды ящика № 1, служили одновременно северо-западной стеной ограды ящика № 2), состоят из трех групп, не связанных друг с другом. В первую входят три ограды ящиков № 1—3; ограды ящиков № 1 и 2, 2 и 3 имеют по одной смежной стенке. Вторая группа представлена одной наиболее крупной оградой ящика № 4, не связанной

Рис. 2. Общий вид гряды А после раскопок

с соседними. У юго-восточной стенки ограды ящика № 4 найден упавший менгир, основание которого находилось *in situ*. Высота менгира 1,4 м. В третью группу входят три ограды: в первой заключены ящики № 5 и 6, во второй — № 7 и 8 и в третьей, почти полностью разрушенной, — ящик № 9. Вся площадь между плитами, образующими ящики, и оградой забутована различными по размеру камнями. Наиболее крупные камни лежат обычно у стен ящиков, очевидно, они служили в качестве подпорок. Плит, перекрывающих ящики, обнаружено не было.

Все ящики были ограблены в древности. Целиком сохранились лишь ящики № 2 и 5, у остальных не хватает по одной-две стенки. При ограблении ящиков кое-где нарушалась и обкладка стен из крупных камней забутовки. Все ящики ориентированы по длине с северо-запада на юго-восток; их стенки расположены почти параллельно друг другу. Каждый ящик состоял из четырех песчаниковых плит. Продольные плиты часто выступают за поперечные.

При зачистке на фоне светло-желтой материковой глины у плит ящиков ясно видны каемки чернозема древней дневной поверхности. Там же, где плит не было, на материке четко выделялась темная полоса толщиной в 20—25 см — след от вынутой плиты. Очевидно, при сооружении ящика на древней дневной поверхности рылись траншеи, куда устанавливались плиты. Затем дно ящика углублялось.

Каждый каменный ящик был коллективной гробницей. Так, в ящи-

ках № 1 и 3 найдено большое количество костей и свыше 100 зубов. Подобная картина наблюдается и в остальных ящиках. Кости разбросаны по всей площади ящиков, поэтому определить положение костяков не представляется возможным. Судя по размерам ящиков, погребения совершались в скорченном положении.

Несмотря на то что ящики были ограблены, каждый из них дал ряд находок.

В ящике № 1 (размером 110×78×90 см) собраны изделия из бронзы: детский браслетик с шаровидным утолщением на одном конце

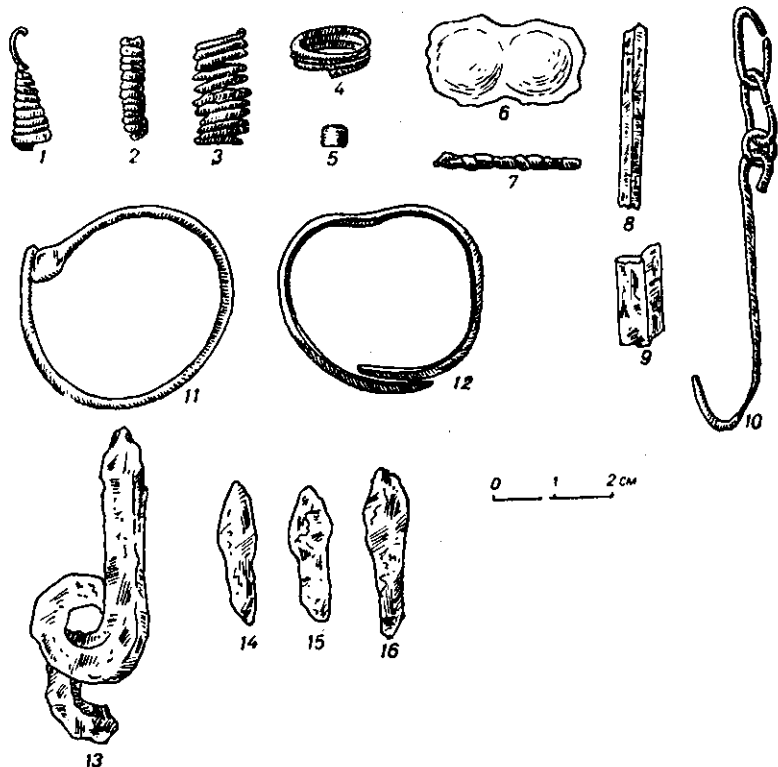

Рис. 3. Металлические изделия из каменных ящиков гряды А.

(рис. 3, 11), около 40 восьмеркообразных бляшек, несколько пронизок, бусинок, обломки других поделок (рис. 3, 2—9), раковина каури и несколько пастовых и стеклянных бус. В ограде ящика № 1 при зачистке древней дневной поверхности были найдены конусовидная витая подвеска из бронзовой проволоки (рис. 3, 1), несколько восьмеркообразных бляшек, пронизок, пастовых бус, а также обломки лепной и античной керамики, кусочки обгорелых костей и угольки.

Ящик № 2 (130×90×100 см) оказался почти пустым. Здесь обнаружено лишь несколько лепных и античных черепков. Ограда ящика № 2 — самая маленькая по площади, но и здесь при зачистке по древней дневной поверхности собраны фрагменты лепной керамики, обгорелые кости, угольки.

В ящике № 3 (140×105×70 см) найдены бронзовые изделия: конусовидная подвеска из проволоки, обломки восьмеркообразных бляшек, несколько пронизок, часть проволочной цепочки, а также лепные черепки, пастовые бусы и обломки какого-то железного предмета. В ограде ящика № 3 собрано много обломков лощеной и простой лепной керамики и несколько античных черепков, в том числе ручка амфоры.

В ящике № 4 (180×90×85 см) обнаружены бронзовые изделия: височное кольцо из проволоки с заходящими друг за друга концами (рис. 3, 12), один край которого заострен, и свыше 10 целых восьмеркообразных бляшек; часть железных удил (рис. 3, 13), доньшко лепного сосуда и часть ручки крупной эллинистической амфоры. В ограде ящика № 4 найдены обломки восьмеркообразных бляшек, витая пронизка, раковина каури, фрагменты лепной и античной керамики. Среди последней интересен венчик гераклейской амфоры IV в. до н. э. с английским клеймом (рис. 4, 2).

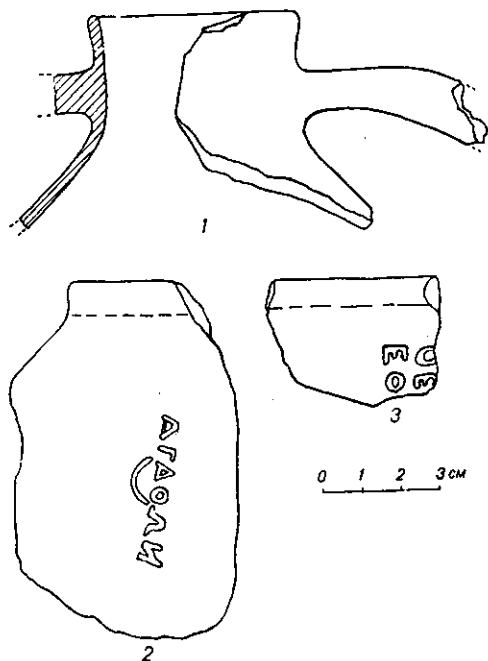

Рис. 4. Фрагменты керамики из каменных ящиков могильников Урукста I и II.

Ящик № 5 (105×90×80 см) почти не дал находок, кроме нескольких восьмеркообразных бляшек и части амфорной ручки эллинистического времени.

В ящике № 6 (150×130×80 см)¹ найдено лишь несколько черепков простой и античной керамики. В общей ограде ящиков № 5 и 6 на древней дневной поверхности собраны бронзовые поделки: обломки восьмеркообразных бляшек, кольцо, согнутое из проволоки, три пронизки, звенья цепочки, трехгранный наконечник стрелы со срезанной втулкой, а также много обломков лепной и античной керамики эллинистического времени, кусочки угля, обломки железных изделий.

В ящике № 7 (120×90×70 см) обнаружены бронзовые изделия: конусовидная подвеска, три восьмеркообразных бляшки, до 10 витых и пластинчатых пронизок, нашивная бляшка, четыре бронзовые бусины, трехгранный наконечник стрелы с короткой втулкой и шипом; несколько стеклянных бусин, три миниатюрных железных двулопастных втульчатых наконечника стрел (рис. 3, 14—16), обломки какого-то железного предмета, фрагменты лепной и античной керамики.

В ящике № 8 (150×135×65 см) найдены изделия из бронзы,

¹ Размеры ящиков № 6—9 приблизительны, так как сохранилось не больше двух стенок от каждого.

звенья цепочки с S-образной застежкой (рис. 3, 10), нашивная бляшка с двумя отверстиями по краям; железная поделка сердцевидной формы, плоская в сечении, один край ее обломан, вероятнее всего это перекрестие от меча; фрагменты лепной и античной керамики. К последней нужно отнести и куски черепицы.

В ограде ящиков № 7 и 8, кроме большого количества фрагментов лепной и античной керамики, найдена бронзовая уплощенно-конусовидная поделка, свернутая из пластины, с отверстием на внутренней стороне у шва; возможно, это поясная бляшка.

В ящике № 9 (130×100×60 см) обнаружена раковина каури, обломки лепной и античной посуды. В каждом каменном ящике найдены кости и зубы собаки, обычно клыки. В нескольких ящиках встречены кости мелкого рогатого скота¹.

В итоге раскопок гряды ее устройство и обряд погребения представляются в следующем виде.

Избранная для погребальных сооружений площадка окружалась оградой из поставленных на ребро в специально вырытые ровики каменных плит. В центре ограды устанавливался каменный ящик. После совершения захоронения на этой площадке устраивалась тризна, следами которой, по нашему мнению, являются остатки кострищ, обломки обожженных костей и керамики. Посуду, очевидно, били специально, так как обломков керамики найдено много. После тризны вся площадка внутри ограды забутовывалась и перекрывалась невысокой насыпью. Рост гряды шел в обе стороны от центрального ящика № 4, выделяющегося своими размерами, особой изолированной оградой и наличием менгира (рис. 5), служившего памятником. Вероятнее всего, эта усыпальница принадлежала представителю родовой знати и его семье.

Один каменный ящик в ограде исследован в 1956 г. на обнаруженном нами другом могильнике — Уркуста II.

Могильник находится в 100 м слева от дороги Передовое — Новобобровка (бывшая Бага), примерно в 300 м от южной окраины с. Передового, среди молодого леса на южном склоне примыкающей к дороге возвышенности. Конструктивное устройство этого могильного комплекса аналогично гряде А на могильнике Уркуста I.

В ящике № 1, оказавшемся также ограбленным, обнаружено три височных кольца с заходящими друг за друга концами, свернутых из бронзовой круглой в сечении проволоки, витая пронизка в обломках и лепной черепок. Внутри ограды этого ящика при зачистке по древней дневной поверхности найдено большое количество обломков лепной керамики, несколько фрагментов античных амфор, три пастовых бусины, угольки, челюсть овцы, а также мелкие кальцинированные кости.

В 1957 г. для выяснения сохранности ящика № 2 на могильнике Уркуста II была проведена зачистка забутовки вокруг него и при этом собрано ряд обломков лепной и античной керамики. Среди последней есть обломок венчика гераклеийской амфоры с энглифическим клеймом IV в. до н. э. (рис. 4, 3). В связи с тем, что каменный ящик № 2 был ограблен через пролом в южной поперечной стенке, а раскопки его представляли большую сложность, ибо он перекрывается огромной диоритовой плитой (320×260×70 см), его решено было не зачищать.

В результате раскопок 1956—1957 гг. пополнилась коллекция керамики из каменных ящиков, которая была почти неизвестна. Вся керамика делится на две неравные части: простую кухонную (ее большинство) и лощеную столовую. Простая керамика сделана очень небрежно. В тесте большая примесь толченой раковины или известняка.

¹ Определения В. И. Бибиковой.

При обжиге крупные кусочки примеси выпадали, и поверхность сосуда становилась очень пористой. Обжиг слабый, в изломе черепок черный. На некоторых фрагментах видны следы сглаживания, вероятно, пучком травы. Ввиду того что все вскрытые ящики оказались ограбленными, а древняя дневная поверхность была покрыта плотной забу-

Рис. 5. Менгир у ограды ящика № 4. Вид с юга.

товкой из камня, нам не удалось найти или реставрировать ни одного целого сосуда. Укажем лишь некоторые данные о формах сосудов. Все найденные доньшки сосудов плоские, четко выражен переход от дна к расширяющемуся тулову. Венчики сосудов прямые, несколько утолщаются у самой закраины. Орнамента на простой керамике нет. В ограде ящика № 1 на могильнике Уркуста II найдено много фрагментов крупного двуручного кувшина (рис. 4, 1) с узким высоким горлом и широким туловом. Верхний конец ручки прикреплен на середине высоты горла кувшина. Это, возможно, местное подражание античным амфорам, обломки которых часто находят вместе с местной керамикой. Следует отметить, что до сих пор кувшины не были известны в материалах из таврских поселений или могильников.

Лощеная керамика сделана тщательнее, чем простая. Примесь в тесте, состоящая из толченой раковины или известняка, реже шамота и песка, больше измельчена, однако качество лощения сравнительно невысокое. Обжиг слабый, в изломе черепок черный. Обломки лощеной керамики, судя по их профилю, чаще всего принадлежат небольшим сосудикам, вероятнее всего кубкам с округлым туловом. Часть лощеных черепков орнаментирована группами резных линий, вертикально иду-

ших по тулову сосуда. На некоторых фрагментах эти линии образуют заштрихованные треугольники с вершинами, направленными вниз.

Металлические изделия представлены в основном мелкими бронзовыми украшениями: конусовидными проволочными подвесками, витыми и пластинчатыми пронизками, звеньями цепочек, височными кольцами, восьмеркообразными бляшками. Встречаются также пастовые бусы и раковины каури.

Интересны три миниатюрные железные втульчатые наконечника стрел, близкие аналогии которым нам не известны. Лишь железные стрелы из Частых курганов IV—III вв. до н. э. напоминают по форме наши, однако они более крупные¹. Найденные два бронзовые наконечника стрел обычны для V в. до н. э., хотя наличие шипа на одном из них позволяет относить его к несколько более раннему времени².

В отличие от ограбленных в древности ящиков забутовка, покрывающая внутреннюю площадь ограды, не потревожена. Поэтому для датировки исследованных каменных ящиков особое значение имеют находки, обнаруженные на древней дневной поверхности внутри ограды после удаления забутовки. Здесь в основном и был собран датирующий материал — значительное количество фрагментов античной керамики IV—III вв. до н. э.

Среди находок имеются ручки амфор и кувшинов, обломки венчиков, стенок и донышек амфор, куски черепицы, фрагменты небольших сосудиков. Происходит античная керамика, главным образом, из Гераклеи (в том числе два амфорных венчика с английскими клеймами IV в. до н. э.), Синопы, Херсонеса³.

Таким образом, античная керамика, сохранившаяся *in situ* под забутовкой, позволяет датировать могильники Уркуста I и II IV—III вв. до н. э. Это наиболее поздние каменные ящики из всех известных до сих пор в Крыму.

Сравнивая исследованные нами каменные ящики с могильниками VI—V вв. до н. э., следует отметить, что в IV—III вв. погребальный инвентарь беднеет. Вместе с тем в это время исчезает определенная конструктивная закономерность, присущая более раннему времени; не всегда продольные плиты выступают за поперечные, стены ящиков недостаточно плотно подогнаны, углы, образованные стенками ящиков, различны — прямые, острые, тупые.

Раскопки последних лет выявляют все большее количество таврских памятников эллинистического времени⁴. Отличительным признаком всех этих памятников является наличие большого количества античной керамики, что говорит о растущих в эпоху эллинизма связях между греческими колониями и таврскими племенами.

¹ В. А. Городцов, Раскопки «Частых курганов» близ Воронежа в 1927 г., СА, IX, 1947, стр. 27.

² А. М. Лесков, О хронологии таврских каменных ящиков горного Крыма, КСИА, в. 8, 1959, стр. 164, 165.

³ Античную керамику из раскопок определяли Т. Н. Книпович, И. Б. Зеест и Б. Н. Граков.

⁴ И. Т. Кругликова, Разведки в Старо-Крымском районе в 1956 г., КСИИМК, в. 74, 1959, стр. 64—73.

ПАМЯТНИКИ СКУЛЬПТУРЫ ИЗ ТИРЫ

(по раскопкам 1958 г.)

А. И. ФУРМАНСКАЯ

Раскопки Тир, проведенные Институтом археологии АН УССР в 1958 г., дали разнообразные и значительные археологические материалы, позволяющие осветить ряд вопросов, связанных с историей города.

Большой интерес представляет одно из исследованных зданий II—III вв. н. э., расположенное на третьей террасе к западу от основной улицы, где прослеживаются обильные следы пожара. Раскопанное помещение № 24 этого здания полностью сгорело. Отчетливо представилась картина бедствия. Завал камней от разрушенных стен перекрывал обрушившуюся черепичную кровлю и дубовые стропила. На полу помещения под этим обвалом черепицы и обуглившихся балок обнаружены остатки человеческого скелета и железный наконечник копья. Здесь же оказалось большое количество фрагментов широкогорлых желобчатых амфор и кувшинов с перегоревшими зернами ячменя и пшеницы, обломки и целые лепные кухонные и кружальные столовые сосуды. Встретились фрагменты и целые маленькие красноглиняные расписные сосуды, среди которых следует отметить одноручный сосудик с надписью белой краской: *πέτρε εὐφραίνου* («попивай радуясь»), полностью повторяющую надпись на аналогичном сосудике из Херсонеса, найденном в составе могильного комплекса с позднеримскими монетами¹.

По-видимому, в этом помещении, где хранились наиболее ценные и почитаемые предметы домашнего инвентаря, погиб хозяин дома. Почти полностью сохранившийся инвентарь дома представляет несомненно большой интерес и имеет важное значение для характеристики быта и культуры населения города последнего этапа его существования. Большое историко-культурное значение имеют найденные в завале камней и черепицы в северо-восточной части помещения три скульптуры². В данной статье мы ограничиваемся их первичной публикацией.

I. Герма с головой Диониса (№ 1188, Б-Д-58 г., рис. 1, 2). Материал — серый мраморовидный известняк³. Обнаружена лицевой сторо-

¹ Отчет К. К. Косцюшко-Валюжинича о его раскопках в Херсонесе, ОАК за 1896 г., СПб., 1898, стр. 187, рис. 567.

² Скульптуры переданы на временное экспонирование в античный отдел Киевского государственного музея западного и восточного искусства.

³ Доктор геологических наук проф. М. Н. Ивантишин и кандидат геолого-минералогических наук П. О. Сушицкий определили, что все три скульптуры сделаны из мраморовидного известняка. В своем заключении П. О. Сушицкий отмечает, что представленные три изделия высечены из серого мраморовидного известняка, по-видимому, одного месторождения. По структуре порода равномерно-зернистая, но размеры составляющих ее зерен немного крупнее, чем обычно у настоящего «мрамора». Такие породы не наблюдались в пределах Украинского Причерноморья.

ной вниз. В результате пребывания в огне скульптура пережжена, а поверхность ее стала темно-серой.

Размеры гермы: высота 18 см, наибольшая ширина основания 9,5 см, толщина 5,5 см. Повреждены кончик носа и борода.

Голова воспроизводит хорошо известный и распространенный тип бородатого Диониса: правильные и мягкие черты лица, тонко очерченные веки и зрачки, прямой нос и небольшой с полными губами рот.

Рис. 1. Герма с головой Диониса в фас.

Рис. 2. Герма с головой Диониса в профиль.

Волосы на голове обозначены волнистыми, довольно глубокими линиями (рис. 2). В такой же манере выполнены пряди бороды и волос, ниспадающие позади ушей на плечи и грудь. Лоб сверху пересекает двойная широкая повязка, скрывающаяся далее в волосах. На голову надет венок из плюща и двух выступающих над повязкой круглых шишечек — рожков.

В отличие от других, широко известных, относящихся к одному и тому же времени, герм с головой бородатого Диониса, хранящихся в Берлинском¹, Ватиканском² музеях и в Эрмитаже (герма Диониса из Керчи)³, на нашей герме имеются наиболее характерные атрибуты Диониса — венки из плюща и рожки.

Общая композиция, трактовка черт лица, волос сближают герму с головой Диониса из Тире с аналогичными памятниками, получившими наибольшее распространение во II в. н. э. Общим для них является тенденция к архаизации, проявляющаяся в основном только в декоративной стилизации волос и бороды.

Материал гермы — серый мраморовидный известняк, месторожде-

¹ Königliche Museen zu Berlin, Beschreibung der Antiken Sculpturen mit Ausschluß der Pergamenischen Fundstücke, Berlin, 1891, стр. 52—60, № 101, 104, 105, 127.

² Die Sculpturen des Vaticanischen Museums, Bd III₂, Text, Berlin, 1956, стр. 12—13, табл. 7; стр. 61, табл. 30, 31.

³ ОАК за 1899 г., СПб., 1902, стр. 23, рис. 33.

ние которого не обнаружено в Северном Причерноморье,— позволяет высказать предположение об изготовлении ее или в самой Тире из привозного материала, или, вероятнее всего, во Фракии, где имелись ближайшие месторождения мрамора. Умелый и искусный ваятель был прекрасно знаком с архаизирующим направлением в искусстве, в частности в скульптуре своего времени.

Неслучайным является нахождение гермы Диониса в доме зажиточного тирита. Дионис являлся исконным божеством городского куль-

Рис. 3. Культовая скульптура.

та, что подтверждается наличием в монетной типологии Тире головы Диониса на лицевой стороне и виноградной грозди на оборотной¹. Культ Диониса получил наибольшее распространение при Северах. Геракл и Дионис — покровители Северовского дома — становятся одним из основных культов империи. На распространение культа Диониса в Тире указывает и другая находка. В 1919 г. во время раскопок П. Никореску на глазисе Белгород-Днестровской крепости в шурфе А была найдена герма из белого мрамора, определяемая им как герма Приапа², культ которого тесно связан с культом Диониса.

Культовой скульптуры из Тире известно немного. Кроме гермы Приапа, следует еще упомянуть мраморную плиту с изображением Артемиды Агротеры, найденную в том же году на том же месте³, и не полностью сохранившуюся мраморную статуэтку Гигиэи, найденную в 1946 г.⁴, являющуюся, вероятнее всего, частью скульптурной группы Асклепии и Гигиэи. В связи с этим находка гермы с головой Диониса представляет несомненный интерес.

II. Не меньшее значение имеет другая культовая скульптура (№ 1190, Б-Д-58 г., рис. 3), найденная рядом с первой в том же поме-

¹ А. Н. Зограф, *Монеты Тире*, М., 1957, стр. 46, табл. III, 4—6.

² P. Nicogescu, *Scavi e Scoperte a Tiras, Ephemeris Dacoromana*, II, Рим, 1924, стр. 392, рис. 7.

³ Там же, стр. 393, рис. 8.

⁴ Л. Д. Дмитриев, *Білгород-Дністровська археологічна експедиція*, АП, т. II, К., 1949, стр. 48, рис. 11.

шении. Материал скульптуры — тот же серый мраморовидный известняк. Скульптура имела прямоугольное оформление. Тыльная сторона ее не обработана. Обнаружена лицевой стороной вверх. Сохранилась она неполностью. Размеры сохранившейся части скульптуры: высота 20 см, ширина 18 см, толщина 6 см, ширина прямоугольного оформления 2,5 см.

В углублении в виде ниши (глубина 2,5 см) помещены две сидящие женские фигуры, выполненные в невысоком рельефе. У первой фигуры стерто лицо, отбиты частично руки, у другой — также стерто лицо, отбита часть головы, часть правой руки и вся левая рука. Верхняя часть ниши сделана более углубленной, нижняя — представляет собой скамью шириной 0,8 см с вмонтированными в нее сиденьями в виде кресел с подставками — скамейками для ног. Поза и одежда у обеих фигур одинаковы, вторая фигура несколько больше. Поза фронтальная, торжественная. Правая рука у обеих фигур несколько выдвинута вперед и лежит, по-видимому, на подлокотнике сиденья, левая — на коленях (судя по сохранившейся частично левой руке первой фигуры). Ноги покоятся на скамейках.

Высоко подпоясанный хитон, поверх которого накинут плащ, легко облегает всю фигуру. Шея открыта. Одежда трактована суммарно: передние складки хитона в виде раздвоенного вертикальной линией столбика, складки плаща — неглубокими диагональными линиями. На голову каждой фигуры накинуто покрывало, один конец которого по спине и частично правой руке спускается на колени, а второй — проходит под левой рукой и спускается вниз.

Поскольку памятник сохранился частично, трудно сказать, состояла ли эта групповая скульптура из двух или трех фигур. Асимметричность фигур предполагает наличие еще и третьей фигуры.

Как сюжет скульптурной группы (сидящие женщины), так и нишеобразное оформление ее близко напоминают надгробный рельеф Северного и Северо-западного Причерноморья и рельефы, посвященные Кибеле, получившие наибольшее распространение в первые века н. э. на Боспоре¹, в Ольвии и в городах Западного Причерноморья².

Полную аналогию нашей скульптуре нам не удалось найти, хотя отдельные детали композиции часто совпадают. Поза сидящей женщины, трактовка одежды сходны с изображением женской фигуры на мраморном рельефе, найденном в окрестностях Неврокопска в Болгарии³. По трактовке одежды она напоминает женскую фигуру на вотивной плите, найденной на территории античного поселения у с. Черна Гора в Болгарии⁴. Но наиболее близка трактовка одежды скульптуры из Тиры скульптуре Кибелы, найденной на поселении Стратонис-Туррис (возле нынешнего Тузловского маяка в Румынии)⁵, датированного II—III вв. н. э.

Следует также отметить и такую деталь композиции, как скамейки, на которых покоятся ноги сидящих женщин, встречаемую на многочисленных надгробных рельефах, найденных в Болгарии (Южной

¹ А. П. Иванова, Искусство античных городов Северного Причерноморья, Л., 1953, стр. 159.

² Th. Saucic-Saveanu, Callatis, 1927, IV-e rapport, Dacia III—IV, Bucarest, 1933, стр. 447, рис. 28.

³ Известия на Българския археологически Институтъ, т. XII, св. 2, 1938, София, 1939, Новооткрити старини, Ив. Велковъ и Хр. М. Дановъ, стр. 448—449, рис. 244.

⁴ Известия на Българския археологически Институтъ, т. XI, св. 2, 1937, София, 1938, Новооткрити старини Хр. М. Дановъ, стр. 312—314, рис. 246.

⁵ Nogăa Slobozianu, Considerații asupra așezărilor antice din jurul Lacurilor Techirghiol și Agiea. Materiale și cercetări arheologice, V, Bucarest, 1959, стр. 745—746, рис. 8, 2.

Фракии)¹, Румынии², а также на стелах из Северного Причерноморья, в частности Боспора³.

Таким образом, общие элементы композиции и одинаковая трактовка отдельных деталей указывают на близость скульптуры из Тиры культовым памятникам Северо-западного, преимущественно Западного, Причерноморья. Небольшие размеры самого памятника также подчеркивают его культовый характер.

III. Если первые две описанные скульптуры укладываются в рамки греческого и местного искусства городов Северного и Северо-запад-

Рис. 4. Скульптура пешего
воина в фас.

Рис. 5. Скульптура пешего
воина в $\frac{3}{4}$.

Рис. 6. Скульптура пешего
воина сзади.

ного Причерноморья, то третья скульптура из Тиры (№ 1189, Б-Д-58 г.) в этом плане представляет особый интерес. Она изображает пешего воина, представителя одного из обитавших в Причерноморье племен (рис. 4—6). Скульптура найдена лицевой стороной вниз. Материал — серый мраморовидный известняк. Размеры: высота 19 см, ширина 10 см, наибольшая толщина около 6 см. Тыльная сторона не обработана. В древности была отбита голова, которая найдена отдельно. Отбита правая рука. У основания и с правой стороны скульптура ограничена двумя плоскостями.

Вся фигура выполнена непропорционально, схематично, примитивно.

Продолговатое, сужающееся к подбородку лицо. Черты лица геометризованы: приплюснутый длинный нос, одной ломаной линией обозначен рот, неглубокими врезами глаза, разные по величине и расположенные асимметрично. Правый глаз большего размера, более округлый, левый — меньшего размера, продолговатой формы, расширенный к переносице. Трактовка лица отличается плоскостностью, упрощенностью форм.

¹ Известия на Българския археологически Институт, т. XII, св. 2, 1938, стр. 405, рис. 185.

² Vasile Parvan, Fouilles d'Histria, Dacia, II, Bucarest, 1925, стр. 222, рис. 36; стр. 235, рис. 53.

³ А. П. Иванова, Искусство античных городов Северного Причерноморья, стр. 164, рис. 64.

Плоскостная трактовка лица сочетается с рельефной объемной трактовкой туловища, верхних и нижних конечностей. Вся фигура очень приземистая, несоразмерно велики голова и руки.

Несмотря на общую упрощенность изображения, мастер стремился реалистически передать отдельные детали одежды, приобретающие этнографическое значение.

На голову надет кашшон (или башлык, рис. 6), ниспадающий на плечи отдельными собранными складками. На шее две врезные линии, возможно обозначающие надетую на шею гривну (?). Одет он в широкие штаны — шаровары, лежащие косыми параллельными складками, свободно облегающими ноги.

Выше шаровар имеется широкий пояс, обозначенный почти прямыми параллельными врезными линиями. Ширина пояса около 2 см, внизу он украшен пятью круглыми бляшками. Левая рука опирается на овальный, суженный сверху щит (рис. 5) диаметром 4×3 см, толщиной 0,5 см.

Близкие аналогии этой скульптуре нам не известны, но по стилю, приемам исполнения, общей композиции она принадлежит к кругу памятников херсонесских надгробий II—III вв. н. э. местной работы¹ и позднеантичных рельефов, встречающихся на территории Югославии, восточной Македонии, Болгарии².

Если плоскостность, геометризация черт лица сближают скульптуру из Тиры с местными херсонесскими надгробиями, то отсутствие пропорций в изображении человеческой фигуры, преувеличенные размеры головы и рук роднят ее с позднеантичными, в основном надгробными рельефами, найденными на указанных выше территориях, а также в Галлии³.

Однако отсутствие пропорций в изображении человеческой фигуры наблюдается и на единичных памятниках, найденных и в Северном Причерноморье⁴.

Итак, в этой скульптуре из Тиры сочетаются все наиболее яркие признаки местного провинциального искусства позднеантичного времени.

Все три скульптуры найдены рядом в северо-восточном углу помещения, где был обнаружен и скелет человека. Две из них несомненно культового характера. Тыльная сторона их не обработана, что указывает на то, что скульптуры смотрелись в фас и должны были стоять у стены и на определенном возвышении, о чем свидетельствуют их малые размеры. Все это позволяет высказать соображение о том, что в данном помещении, возможно, находилось домашнее святилище.

Таким образом, публикуемые памятники скульптуры из Тиры, найденные в здании, погибшем во время большого пожара примерно в середине III в. н. э., имеют существенное значение не только для характеристики быта, культуры, экономических и политических связей города, но и для освещения различных направлений в искусстве периферии античного мира последнего этапа его существования — от архаизирующего греческого до своеобразного местного искусства.

¹ А. П. Иванова, Херсонесские скульптурные надгробия, СА, VII, М.—Л., 1941, стр. 119, рис. 13.

² Известия на Българския археологически Институтъ, т. XIII, 1939, София, 1941, стр. 44, рис. 61, 62; Известия на Варненското археологическо дружество в гр. Сталин, книга VIII, Сталин, 1951, стр. 10, рис. 21, стр. 45 и др.

³ L o t h a r N a h l, Zur Stilentwicklung der provinzialrömischen Plastik in Germanien und Gallien, Darmstadt, 1937; M. W a l d e m a r D e o n n a, L'art Romain en Suisse, Женева, 1943, рис. 38, 39, 60, 61, 62.

⁴ Например, на надгробии из известняка с греческой надписью III в. н. э. с изображением сцены заgrabной трапезы, найденном в 1901 г. (А. П. Иванова, Херсонесские скульптурные надгробия, СА, VII, стр. 117, рис. 11).

НАДГРОБИЯ РУБЕЖА н. э. ИЗ КЕРЧИ

Л. И. ЧУИСТОВА

(Керчь)

В мае 1957 г. школьниками была найдена близ Соленого озера, влево от шоссе, ведущего в поселок им. Аршинцева, стела с двумя рельефами. Плита из плотного известняка. Верхняя и нижняя части ее отбиты. Высота слева 0,61 м, справа 0,96 м; ширина 0,51 м, толщина 0,16 м. Рельефы заключены в плоские рамки.

На верхнем рельефе изображена загробная трапеца со всеми обычными для нее деталями: покойник лежит на покрытом пологом ложе, слева в резном кресле сидит жена. У кресла маленькая фигурка прислужницы с урной в руках, у ложа — трапезный столик с яствами и сосудами. Справа от столика — слуга с сосудом в правой руке.

На нижнем рельефе, ниша которого чуть уже, чем у верхнего рельефа, в центре, почти касаясь головой рамки, стоит воин (лицо сбито), опирающийся правой рукой на длинное копье. В левой руке у него узкий овальный щит с плоским умбоном. Рельеф сильно попорчен. Надпись не сохранилась (рис. 1).

Сюжет и исполнение рельефа позволяют предположить, что стела относится к концу I в. до н. э.— I в. н. э. Щит такой же формы встречается на боспорских стелах того времени: Деметрия сына Аполлона (инв. № 2998), Коллиона брата Каллисфении, фиаситской стеле Маста, Басилада сына Басилада и др.¹

В начале 1957 г. на территории гаража Керченского порта найдена верхняя половина известнякового надгробия с изображением всадника (рис. 2). Навершие стелы украшено невысоким фронтоном с тремя акротериями, из которых хорошо сохранился только левый с довольно рельефной пальметкой. В центре фронтона и под его основанием по бокам размещены три четырехлепестковые вогнутые розетки. Под фронтоном — полукруглая арка, опирающаяся своими концами на узкие пилястры (ширина 5 см) с четко профилированными капителями. Высота стелы 0,74 м, ширина 0,65 м, толщина 0,11 м.

Под аркой, в нише, изображен всадник на лошади, обращенной вправо. У всадника слегка удлиненное лицо пожилого человека с длинными волосами, бородой и усами. Одежда — обычная для Боспора: короткая куртка, туго обтягивающие ноги штаны и плащ, брошенный на плечи. В правой руке нагайка², а в левой — поводья. Из-под седла

¹ G. Kieseritzky und C. Watzinger, Griechische Grabreliefs aus Südrussland, Berlin, 1909, № 249, 455 494.

² С такими же нагайками изображены всадники на рельефах стел Керченского музея (инв. № 3131, 3089, 3122, 3105).

свешиваются четыре ремня. За спиной всадника виден горит с луком, на правом бедре небольшой меч с кольцевым навершием и перекладиной на клинке¹.

Позади лошади прямостоящая фигура слуги с длинными волосами и тонким красивым лицом. Правая рука его полуопущена, левой не видно за корпусом лошади.

Рис. 1. Стела, найденная в Керчи близ Соленого озера.

Судя по особенностям рельефа (полуциркульный свод, очертания акротериев и фронтона, форма меча) и по самому сюжету изображения, стелу можно отнести к I в. н. э.

В 1956 г. по ул. Степной, за консервным заводом, найдено фрагментированное известняковое надгробие с двумя рельефами (рис. 3). Верх и низ стелы отбиты. Высота справа 0,7 м, слева 0,83 м; ширина 0,63 м, толщина 0,14 м.

Верхний рельеф заключен в простую гладкую рамку (ширина 0,05 м). На нем изображены два всадника на лошадях, стоящих одна против другой. Обе лошади низкорослые. Головы их повернуты на три четверти и находятся в центре рельефа. Уши насторожены.

Всадник слева—с курчавыми волосами и бородой; на нем обычная для Боспора воинская одежда. В правой руке—нагайка, за спиной слева—лук, на правом бедре—небольшой меч. Из-под седла свешиваются три ремня.

¹ Такие же мечи изображены на рельефах стел Керченского музея (инв. № 2935, 3131, 3120).

Всадник справа, как это видно по сохранившимся остаткам его фигуры, изображен в той же позе, так же одет и вооружен.

По одежде, снаряжению и вооружению эти всадники аналогичны изображению всадника на предыдущей стеле. Такой же по сюжету рельеф изображен на стеле Исиона сына Папия¹, только там лошади еще более низкорослы, а фигуры всадников приземистее и коренастее.

Кроме упомянутой стелы Исиона, этот же сюжет известен и на некоторых других боспорских стелах: Элиса и Гераклеида, Эсхина и Архиаса сыновей Саббиона, Деметрия и Фемистокла сыновей Гокона²,

Рис. 2. Стела, найденная на территории Керченского порта.

Макара и Дионисидора³, Аполлодора и Котиона⁴, а также на фрагменте, найденном на Таманском полуострове⁵, и на обломке стелы, хранящейся в Британском музее⁶. Все эти стелы, включая и стелу Исиона, относятся к I в. н. э. Таким образом, данный рельеф мы можем считать характерным именно для I в. н. э.

Эта датировка подтверждается особенностями изображенного на стеле меча. Меч короткий, имеет кольцевое навершие и перекладинку. Такие мечи, идентичные по форме некоторым сарматским⁷, в I—II вв. н. э. были широко распространены на Боспоре в двух вариантах⁸. Изображение их можно проследить на целом ряде боспорских стел I в.

¹ G. Kieseritzky u. C. Watzinger, ук. соч., № 639; ИАК, в. 2, 1902, стр. 41. Ныне эта стела находится в Крымском областном краеведческом музее.

² G. Kieseritzky u. C. Watzinger, ук. соч., № 683, 680, 682.

³ Там же, № 684.

⁴ Там же, № 686, слева изображен маленький всадник на пьедестале.

⁵ Там же, № 685.

⁶ Antiquities of Kertch and researches in the Cimmerian Bosphorus by D. Macpherson M. D.

⁷ Н. И. Сокольский, Боспорские мечи, МИА, № 33, 1954, стр. 149 и сл.

⁸ Обуюдоострый клинок вложен в ножны, суживающиеся к концу, или в прямые ножны с перекрестиями вверх и вниз. См. также Т. Н. Книпович, Танаис, 1949, стр. 66.

н. э. Это стелы Клеона сына Клеона, Харитона сына Мокка, Дафноса сына Психи, Артемидора сына Диогена, Аполлония сына Даласия. Хреснона из рода Стратоника и два фрагмента стел без надписи¹.

Интересен и редок для Боспора по своему сюжету второй нижний рельеф на нашей стеле. Это небольшая и неглубокая ниша размерами 0,35×0,24 м. На рельефе изображено трое юношей. Стоящий слева

Рис. 3. Известняковое надгробие, обнаруженное близ Керченского консервного завода.

и находящийся в центре даны в «скорбящих» позах, слегка склоненными друг к другу. Оба они одной рукой касаются щеки, а другой поддерживают поднятую к лицу руку. Эти облаченные в воинскую одежду юноши, вероятно, являются родственниками умерших всадников.

Справа от этой пары — прямостоящая фигура юноши, одетого иначе. В правой руке он держит предмет, очень похожий на большой стригиль. Возможно, это прислужник.

Под рельефом сохранилось только четыре буквы надписи: ...НУΙΕ (сын), по которым невозможно восстановить имена умерших.

Исходя из сюжета рельефа и его деталей, можно предположить, что эта стела относится к середине или к концу I в. н. э.

В октябре 1957 г. на углу улиц Курсантов и Крупской, во дворе детской поликлиники при рытье водопроводной траншеи на глубине

¹ G. Kieseritzky u. C. Watzinger, ук. соч., № 599, 600, 627, 606, 657, 226, 675 и 619.

1,2 м обнаружено прекрасно сохранившееся массивное известняковое надгробие (рис. 4).

Плита высотой 1,25 м, шириной 0,71 м, толщиной 0,21 м. Внизу стела имеет выступ размером 0,11×0,4 м, вверху ее украшает фрон-

Рис. 4. Известняковое надгробие, обнаруженное во дворе Керченской детской поликлиники.

тон с тремя акротериями по углам. Волюты акротериев прихотливо изогнуты. Над скатами фронтона и под его вершиной размещены три четырехлепестковые розетки. Основание фронтона составляет тройной карниз, ниже которого начинаются капители пилястр наподобие дорических, размещенные по бокам стелы. Базы и капители их одинакового профиля.

В нише, образованной пилястрами, помещена слева высокая фигура прямостоящей немолодой на вид женщины. Голова ее, покрытая покрывалом и увенчанная калафом, достигает верхней рамки ниши и находится на уровне капителей колонн. Черты лица женщины крупные.

Глаза глубоко посажены. Она одета в высоко подпоясанный хитон, драпирующийся вертикальными складками. Сверху наброшен гиматий. На ногах — массивные, на толстой подошве башмаки. Правая рука женщины согнута в локте и лежит на талии, левая подпирает щеку.

Справа от женщины стоит колонка, достигающая ее талии. Рядом с колонной вторая женская фигура. Она одета так же, как и первая, но без калафа. Правая рука ее лежит на колонке и с прощальным жестом дотрагивается до руки старшей женщины. Левая рука поддерживает пояс сильно приспущенного гиматия, позволяющего видеть складки хитона вверху почти до талии. Черты лица этой женщины также крупны, большие глаза несколько выпуклы. Судя по лицу и очертаниям фигуры (талиа подчеркнута крутым изгибом правого бедра), вторая женщина моложе первой. Видимо, эта женщина и есть умершая, поскольку она опирается на траурную колонку и возле нее стоит фигурка прислужницы с погребальной урной. А старшая женщина, стоящая в обычной для лапидарных рельефов «печальной» позе, — родственница, прощающаяся с умершей.

Слева от старшей женщины изображена маленькая фигурка умершего отрока на коне. Изображение сильно сбито, однако можно заметить обычную воинскую одежду всадника.

Техника исполнения рельефа довольно высокая. Контуры фигур четкие, ясные и, несмотря на массивность изображений, оставляют хорошее впечатление чистотой своих линий.

Изображение умершего, стоящего у колонки, довольно часто встречается на боспорских надгробных рельефах I в. до н. э. Это стелы Психариона дочери Садала, Береники жены Гермократа, Атанаис жены Илсигона¹. Но еще чаще этот сюжет имеет место на стелах начала I в. н. э.: на надгробиях Хрисии дочери Гераклеида, Филитеры дочери Филота, Христии дочери Деметрия, Психариона сына Эрота и Гелиодоры и, наконец, на стеле Психариона².

На всех упомянутых рельефах умершие касаются правой рукой колонки, стоящей рядом с ними, как и на нашей стеле. Таким образом, судя по сюжету рельефа и позе изображенной на нем умершей женщины, можно предположить, что стела относится к I в. до н. э. или к I в. н. э.

Внизу, под рельефом, размещена трехстрочная надпись большими, но аккуратно вырезанными буквами. Расстояние между строк 1,5 см, высота букв 2 см. Надпись гласит: ΣΤΡΑΤΟΝΙΚΗΝ ΘΥΓΑΤΗΡ ΔΑΜΑ ΓΥΝΗ ΔΕ ΑΦΡΑΝΙΟΥ ΚΑΙ ΥΙΕ ΦΑΡΝΑΚΗ ΧΑΙΡΕΤΕ («Стратоника, дочь Дама, жена Афрания, и сын Фарнак, прощайте»). Все четыре имени из этой надписи уже встречались на боспорских стелах. Имя *Στρατονική* довольно обычное в античной ономастике, и в частности в боспорской³. Имя *Δαμά* (gen. от *Δαμάς*) также можно увидеть довольно часто на боспорских стелах⁴. Это имя считается греческим, хотя некоторые исследователи относят его к сарматским⁵. Имя *Ἀφράνιος* довольно редкое для Боспора⁶. Зато очень употребительно в боспорских, лапидарных надписях имя *Φαρνάκης*⁷.

¹ G. Kieseritzky u. C. Watzinger, ук. соч., № 312, 313, 389; см. также № 317, стр. 55, рис. 7 и № 333, стр. 57, рис. 8 (стелы без датировки).

² Там же, № 287, 315, 316, 318, 384.

³ IOSPE, IV, 218; G. Kieseritzky u. C. Watzinger, ук. соч., № 306, 385; Pape-Benseler, Griechische Eigennamen, II, 1446.

⁴ IOSPE, II, 129, 2; IV, 298, 1, 297, 1; ИАК, в. 10, 1904, стр. 55, № 51.

⁵ Vasmer, Iranier, 37.

⁶ G. Kieseritzky u. C. Watzinger, ук. соч., № 692; Pape-Benseler, ук. соч., т. I, 181; L. Zgusta, Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste, Praha, 1955, стр. 343, № 790.

⁷ IOSPE, II, 62, 73, 74, 170, 175, 204, 205, 287, 299, 351, 402, 403, 407, 408, 440, 442, 446, 448, 450, 454, 462; IV, 70, 197, 213, 217, 349, 350, 436 a; L. Zgusta, ук. соч., стр. 157, № 236; Pape-Benseler, ук. соч., II, 1602.

Буквы надписи апексированы. Некоторые из них имеют шрифтовые особенности. Начертание буквы А характерно для I в. н. э. и последующего времени. Особенности написания букв Е, Θ, Μ, Φ появляются с I в. до н. э. и существуют в I в. н. э. Буква Ρ с затейливыми завитушками у петельки встречается только в I в. до н. э.

Таким образом, по шрифту надписи стелу можно датировать I в. до н. э.— началом I в. н. э. Последнее предположение, пожалуй, основательнее, если учесть композицию фигур на рельефе, характерную для многих боспорских стел, относящихся к началу I в. н. э., о чем мы писали выше.

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ КОЛОДЦЫ В ПРИБРЕЖНОЙ ЧАСТИ ОЛЬВИИ

В. В. ЛАПИН

Летом 1958 г. в прибрежной части Ольвии, в районе, находящемся к востоку от так называемого Зевсова кургана, были произведены небольшие охранные раскопки с целью изучения и фиксации памятников, подвергающихся уничтожению водами лимана. Раскопки дали очень интересный археологический материал, в основном характеризующий догетский период Ольвии. Одним из результатов работ было открытие ряда колодцев.

Всего на участке береговой полосы протяженностью в 110 м выявлено 5 каменных колодцев (колодец № 5 был открыт в апреле 1959 г.). Вследствие продолжающегося и по настоящее время процесса опускания суши на юге Причерноморской низменности колодцы в большей своей части находятся уже на уровне лиманных вод, поэтому раскрытие их очень сложно. Обильное наполнение водой не позволило доследовать до дна колодцы № 3, 4 и 5. Сильное размывание береговой полосы и нивелирующее действие льдов привели к тому, что верхние части колодцев уже уничтожены, и о высоте их можно судить лишь приблизительно. Западные стенки колодцев, менее доступные для лиманных вод, как правило, лучше сохранились и имеют, по крайней мере в забутовочной части, большую, чем у восточных стенок, высоту (колодцы № 1, 2, 4 и 5). Хронологически колодцы относятся к эллинистическому времени. Исключение составляет колодец № 4, который должен быть датирован более ранним временем. По своим конструктивным признакам колодцы делятся на два типа: круглые (№ 1, 4) и прямоугольные (№ 2, 3, 5) в плане. Они располагаются по прямой линии с севера на юг. Исключение составляет колодец № 4, как уже отмечалось, более раннего времени, который расположен к востоку от этой прямой линии. Правильные интервалы выдержаны лишь между прямоугольными колодцами: $K-3-K-2=50$ м; $K-2-K-5=56$ м (рис. 1).

Колодец № 1 (рис. 2) круглый. Венец колодца и верхняя часть его полностью разрушены. Колодец примыкает к сохранившейся в два ряда стене подвального помещения III—II вв. до н. э. Диаметр шахты колодца 0,75—0,8 м, внешний диаметр 1,25—1,45 м. Колодец сложен из плит ракушечного известняка крупных (0,5 м) и средних (0,25 м) размеров. Сохранилось пять рядов цилиндрической шахты колодца, уложенных поясами. Общая высота этих пяти рядов 1,24 м, высота одного ряда в среднем около 0,25 м. Обработка и подгонка камней не вполне аккуратная, щели местами заполнены мелкими вкладышами.

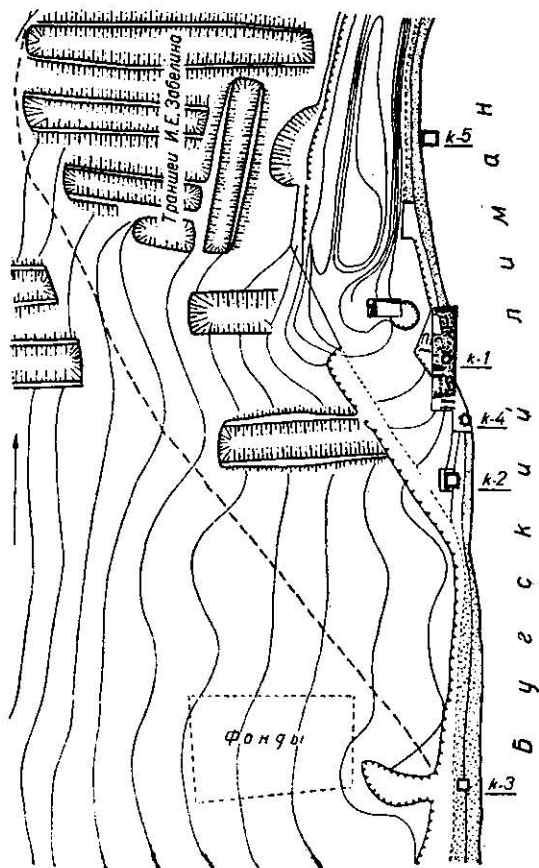

Рис. 1. План берегового участка с открытыми колодцами.

Рис. 2. Колодец № 1.

Каменный цилиндр колодца лежит на прекрасно сохранившейся до наших дней прямоугольной раме из смонтированных впритык деревянных брусьев. Размеры брусьев в среднем: длина 1,2 м, ширина 0,18—0,2 м, толщина 0,9—0,11 м. Дно колодца не замощено. Ольвийский колодец отличается от колодца с деревянным венцом, открытого в Фанагории¹, тем, что у последнего деревянный венец покоится на каменных квадратах, а у первого он лежит на слое не содержащего никаких находок песка. Устройство деревянной рамы может быть объяснено тем, что каменный цилиндр колодца, уложенный в слой песка, мог легко дать осадку.

Материал заполнения колодца очень многочисленный и носит ярко выраженный характер замкнутого хозяйственного комплекса. Среди

Рис. 3. Кувшин из колодца № 1.

Рис. 4. Расписной кувшинчик из колодца № 1.

находок преобладают обломки одноручных кувшинов, из которых собираются почти целые сосуды (рис. 3). Кувшины разнообразны по форме, по размерам, по составу и качеству глины. Высота кувшинов колеблется в пределах 0,26—0,3 м, диаметр горла 0,09—0,11 м, диаметр тулова — 0,18—0,2 м. Глина красная, оранжевая, светло-зеленая, светло-серая всевозможных оттенков, чаще всего прекрасно отмученная, но иногда и весьма грубая с массой песчинок и черных включений. Некоторые кувшины имеют заглаженную поверхность, другие покрыты белой, зеленовато-белой и светлой кремовой облицовкой. Стенки тонкие, тщательно моделированные на гончарном круге. Горло невысокое, без резких переходов от венчиков, чаще с хорошо моделированным венчиком различного профиля, реже со слабо выраженным венчиком; иногда край горла плавно отогнут и венчик едва намечен. Ручки большей частью плоские, тонкие с чуть намечающейся ребристостью, идущие вертикально вверх от наиболее широкой части тулова и соединяющиеся под прямым углом с горлом ниже венчика. Большинство кувшинов имеют кольцевой поддон, иногда слабо выраженный, но встречаются и плоские днища. По-видимому, все эти кувшины или большая их часть местного ольвийского производства.

Из общей массы кувшинов заслуживает особого внимания один (рис. 4), дошедший до нас в фрагментированном виде (отсутствует горло и часть присоединявшейся к нему ручки). Высота кувшинчика более 0,2 м, диаметр тулова 0,14 м, диаметр дна 0,07 м. Глина розовато-коричневая с белыми и черными включениями, от которых на по-

¹ М. М. Кобылина, Фанагория, МИА, № 57, 1956, стр. 26.

верхности кувшинчика имеются процарапанные полосы. Ручка тонкая с едва намечающейся ребристостью. Дно плоское с небольшим выступом. Облицовка отсутствует. В верхней части тулова по глине имеется роспись полосами коричневато-красной краской. Роспись небрежная, полосы (их всего 4) неодинаковой ширины, иногда раздваиваются. Кувшинчик относится к тому типу расписной «под архаику» керамики, которая внедряется в причерноморских античных центрах с III в. до н. э.¹

Из колодца было извлечено также большое количество кусков обожженного дерева, главным образом сучьев, костей животных и рыб.

Керамический комплекс колодца хорошо датируется амфорным материалом, синопским астиномым клеймом на черепице, родосской

Рис. 5. Колодец № 2.

ручкой с клеймом, обломками буролаковой керамики и значительным количеством обломков «мегарских» чаш. Единичные обломки чернолаковой керамики, попавшие сюда при сооружении колодца, дают *terminus post quem* сооружения. Время функционирования колодца — III—II вв. до н. э.

Колодец № 2 (рис. 5) прямоугольный. Размер шахты 0,8—0,88 м, но внешней стороне 1,75—1,8 м. Сохранилось девять рядов кладки общей высотой 1,77 м; от облицовки верхних разрушенных рядов осталось лишь два камня, сдвинутых при разрушении с места и попавших в завал. Судя по уровню завала и сохранившимся наружным бутовым камням, колодец был выше еще, по крайней мере, на 0,4 м. Таким образом, общая глубина его была не менее 2,2 м. Судя по верхним облицовочным камням западной стороны колодца, венец колодца был выложен из плит высотой в 0,3 м и более. Нижние ряды состояли из плит толщиной в 0,12—0,15 м, уложенных плашмя поясами. Кладка

¹ См. Т. Н. Книпович, Из истории художественной керамики Северного Причерноморья, СА, VII, 1941, стр. 140—151; В. Блаватский, Поліхромна ойнохоя з Ольвії, Археологія, т. I, К., 1947, стор. 153—160.

колодца весьма тщательная, сохранность удовлетворительная. В западной стенке колодца — нишеобразной конструкции ступеньки для спуска в колодец в случае его ремонта или чистки. Дно колодца, вероятно, не вымощено (трудности работы — быстрое скопление воды и отсутствие насосной установки — не позволили выяснить это окончательно). Ряды кладки внезапно обрываются, ниже следует слой песка с незначительным количеством обломков керамики.

Из колодца извлечено множество материала: черепица, обломки амфор и сероглиняных сосудов с прекрасным лощением, обломок красивой отполированной облицовочной плиты, крупные куски дерева, по-видимому, от перекрытия колодца и др. Особого внимания заслуживает находка двух плоскодонных амфор, одна из которых дошла в фрагментированном виде, другую удалось склеить почти полностью.

Амфора (рис. 6) сделана из коричневой грязного оттенка глины с крупными черными включениями, от которых на заглаженной поверхности остались процарапанные полосы. Вы-

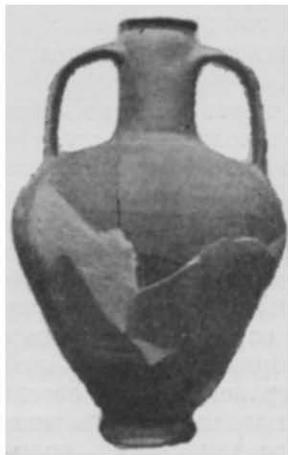

Рис. 6. Плоскодонная амфора из колодца № 2.

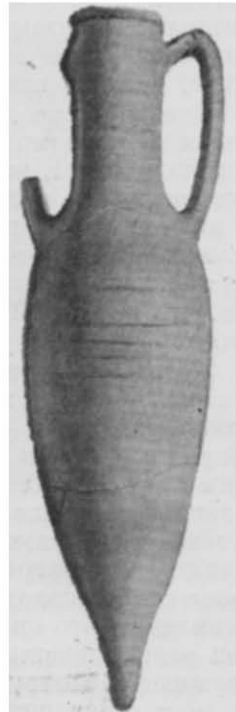

Рис. 7. Амфора I в. н. э. из колодца № 2.

сота амфоры 0,47 м, диаметр горла 0,09 м, диаметр у плечиков 0,29 м, диаметр дна 0,11 м. Горло высотой 0,13 м, прямое с небольшой перетяжкой у венчика и с резким переходом к тулову. Ручки овальные со слабой ребристостью с внутренней стороны. Тулово широкое, приземистое, резко расширяющееся от горла к плечикам и от них конусообразно опускающееся к днищу. Дно в центре прогнуто вниз, имеет кольцевую подставку.

Вторая, фрагментированная, амфора по своим формам и размерам почти совпадает с первой, но сделана из глины лучшего качества бледно-коричневого тона, хорошо отмученной с блестками. Своеобразные и тяжеловесные формы амфор, низкое качество глины и посредственность исполнения, особенно заметная в первой амфоре, заставляет предположить о местном их производстве.

Ко второму, сравнительно редкому типу относится амфора (рис. 7) с узким вытянутым туловом из бледно-серой с розоватым оттенком грубо промешанной глины с многочисленными черными включениями. Высота амфоры 0,76 м, высота горла 0,22 м, диаметр тулова 0,2 м. Горло прямое с небольшой перетяжкой у венчика. Ручка слабо профилирована двумя ребрами и желобками с наружной стороны, одним ребром и желобком с внутренней. Плечики плавные, покатые. Ножка

узкая, вытянутая с желобками, выполненными пальцем в слегка вингообразном направлении. Здесь же найдены многочисленные обломки двух таких же амфор, одна из которых сделана из глины светло-коричневого тона.

Аналогичная нашей фрагментированная амфора была найдена на Гавриловском городище и датирована Н. Н. Погребовой рубежом н. э.¹ Отнюдь не возражая против этой датировки, мы склонны все же, учитывая весь комплекс керамического материала из колодца, отнести ее к I в. н. э.

Интересен также сероглиняный с почти черным лощением кувшин из глины с многочисленными примесями блесок и песчинок. Тулово яйцевидное, приземистое, венчик слабо выраженный, ручка маленькая с намечающимся желобком изнутри, дно плоское. Высота кувшина 0,19 м, диаметр венчика 0,11 м.

Сравнительно малочисленной в колодце была красноглиняная кухонная лепная керамика. Общая совокупность материала, в отличие от колодца № 1, не носит характера единого бытового комплекса. Немногочисленные обломки плохой черной керамики на дне колодца дают *terminus post quem* его сооружения — III в. до н. э. Время засыпки — I в. н. э. Использование его в начальный период возрождения города после гетского разгрома вполне очевидно. Нельзя не отметить, что колодец в это время находился уже за пределами городской территории.

Колодец № 3 четырехугольный, шахта в нижней части прямоугольная, почти квадратная в плане. От колодца № 2 отличается меньшими размерами: шахта — 0,6—0,62 м, по внешней стороне около 1,5 м. Верхний ряд состоит из больших (до 0,52×0,3 м) плит, нижние ряды выложены также из больших, но более тонких плит, уложенных плашмя. В западной стенке плита второго ряда выдвинута вперед и образует ступеньку, предназначавшуюся, как и ниши в колодце № 2, для спуска в шахту. Стратиграфия берега, сильно размытого водой, и близость к воде самого колодца не позволяют определить уровень его горловины. Несомненно, что он был выше современного, по крайней мере еще на один ряд: отдельные плиты этого верхнего ряда, снесенные водой, обнаружены к северу и западу от колодца. Углубление доведено до 0,75 м и прекращено ввиду быстрого заполнения колодца лиманной водой.

Находки в колодце немногочисленны, но разнообразны; интересны они тем, что хронологически относятся к одному из наименее изученных периодов в истории Ольвии — к I в. до н. э. Особый интерес среди них представляют обломки буролаковой миски с процарапанным по вертикальному краю орнаментом, мраморное копыто от конной статуи в натуральную величину, значительный обломок кедровой (?) шишки и др. Наряду с находками I в. до н. э. имеется и более ранний материал. В целом комплекс находок из колодца дает возможность датировать время его функционирования III—I вв. до н. э.

Колодец № 4 (рис. 8) круглый, шахта цилиндрическая. Диаметр шахты 0,85—0,95 м, внешний диаметр 1,25—1,6 м. Сложен из плит ракушечного известняка, поставленных на ребро или положенных плашмя не поясами, а вразбивку. Обработка плит очень суммарная, кое-где применен рваный камень, подгонка небрежная, много вставок из мелкого камня. Горловина, по-видимому, полностью уничтожена. Открыто семь рядов кладки колодца. Углубление доведено приблизительно до 1 м и приостановлено из-за быстрого заполнения колодца водой.

¹ Н. Н. Погребова, Позднескифские городища на Нижнем Днепре, МИА, № 64, 1958, стр. 213, рис. 46, 2—3.

Керамический материал из колодца дает преобладание амфорных обломков при полном отсутствии обломков черепичных¹. Амфорный материал несомненно ранний. Так, из общего количества обломков венчиков половина принадлежит пухлогорлым хиосским амфорам VI—V вв. до н. э. Найденные здесь же две фрагментированные амфоры и горло третьей также вполне могут быть отнесены к V—первой половине IV в. до н. э. Этим же временем может быть датирован и колодец.

Колодец № 5 прямоугольный. Горловина как в облицовочной, так и забутовочной части несомненно уничтожена водой. Размеры шахты 1,11—0,9 м, по внешней стороне 2—2,3 м, ширина стенок с забутовкой

Рис. 8. Колодец № 4.

достигает 0,6 м и более. Размеры отдельных плит: 0,3×0,5 м, 0,26×0,42 м и т. д. Кладка состоит из прекрасно обработанных и тщательно подогнанных квадратов серого и желтоватого известняка. Толщина рядов 0,16 м, 0,37 м и т. д. Наличие ступенек в стенках колодца установить не удалось. Как по размерам, так и по тщательности кладки это наилучший из всех открытых в данном районе колодцев. Углубление доведено приблизительно до 0,75 м и приостановлено из-за быстрого подъема воды в лимане и затопления колодца.

Керамический материал, извлеченный из колодца, представлен главным образом амфорными и черепичными обломками. Он одновременно материалу из колодца № 3. Зарегистрировать и классифицировать материал не удалось, так как внезапный подъем воды унес его в лиман. Уточнение датировки возможно при продолжении исследования колодца.

Открытие колодцев в прибрежной полосе Ольвии позволяет сделать несколько интересных выводов о системе гидросооружений и топографии Нижнего города Ольвии. Выводы эти, разумеется, пока еще не могут носить категорический характер и нуждаются в пополнении новым фактическим материалом.

I. Прежде всего обращает внимание расположение колодцев № 1, 2, 3, 5, функционировавших, несомненно, в одно время (в III—II вв. до н. э.), строго по прямой линии с юга на север. При продолжении далее на юг эта прямая упирается в скалистый мысок, где сконцентрированы выходы источников воды. Такое расположение колодцев неслучайно и может быть объяснено тем, что все они, по-видимому, вхо-

¹ Это характерно для ранних слоев не только Ольвии, но и Боспора (см. В. Д. Блаватский, Строительное дело Пантикапея, МИА, № 56, 1957, стр. 35—36).

дили в одну водопроводную систему, снабжавшуюся водой из южных источников. Эти источники теперь весьма маломощны и при настоящем состоянии не могли бы обеспечить снабжение водой всей линии, включавшей, по самым скромным подсчетам, втрое-вчетверо больше, чем ныне открыто, колодцев. Это обстоятельство, однако, не может быть препятствием при реконструкции водопроводной линии, прежде всего хотя бы уже потому, что в древности количество источников могло быть бóльшим, чем сейчас, а сами источники — более обильными. Большое значение имело также и своевременное, сразу же по выходе на поверхность, включение вод источников в гидросистему путем их каптирования. Наличие каптажей в Ольвии зафиксировано раскопками¹.

II. Представляется возможным считать четырехугольные колодцы общественными колодцами, расположенными на улицах. Предположение о наличии в Ольвии общественных источников — фонтанов высказывалось неоднократно². Наличие такой системы общественных колодцев в прибрежной части Ольвии тем более вероятно, что подведение вод источников на вышележащие городские террасы и в Верхний город было практически исключено, и жителям этой возвышенной части города, даже при условии существования водоема пресной (дождевой и снеговой) воды в северо-западном углу города, так или иначе эпизодически приходилось получать хорошую питьевую воду из прибрежной части. В пользу нашего предположения говорят также и следующие обстоятельства.

1. Четырехугольные колодцы находятся на приблизительно равных (50—55 м) расстояниях один от другого. Разумеется, колебание интервалов в пределах нескольких метров даже при наличии в Ольвии строго распланированной сетки кварталов вполне допустимо и может объясняться как индивидуальными вкусами и возможностями застройщиков, так и особенностями рельефа местности³.

2. Однотипность конструкции. Все три колодца в плане четырехугольные с небольшими отклонениями от прямоугольной, почти квадратной формы. Облицовка их выложена из прямоугольных плит ракушечного известняка, в верхней части высоких, уложенных плашмя или поставленных на ребро, в нижней части — из плит, уложенных поясами плашмя.

3. Весьма внушительные размеры колодцев № 2 и 5 не оправдываются индивидуальными потребностями и возможностями. Колодец № 3 в этом отношении представляет исключение, но отнюдь не дает оснований и для обратной аргументации.

4. Большое значение имеет качественное и хронологическое сравнение материала заполнений круглого колодца № 1, несомненно находившегося в индивидуальном пользовании, и четырехугольных колод-

¹ См. А. Н. Карасев, К вопросу о водоснабжении Ольвии, СА, VII, 1941, стр. 129—130.

² Там же, стр. 130—132.

³ В связи с правильностью интервалов между четырехугольными колодцами высказывалась мысль, что каждый из этих колодцев мог находиться в частном доме и обслуживать нужды одного или двух городских кварталов. Нам эта мысль представляется маловероятной. Греческий дом в несравненно большей степени, чем современный, был изолирован от окружения, и допуск в него посторонних по различным соображениям, в частности культового порядка, ограничен до минимума. Древние писатели оставили немало ярких описаний, характеризующих эту черту греческого быта. Совместное пользование колодцем неизбежно влекло бы за собой массу споров и недоразумений. Даже в классически разработанном римском частном праве среди наиболее распространенных сервитутов нам не известен такой, который мог бы развязать все возникающие из этого совместного пользования недоразумения (так, и *ius aqueductus*, и *servitutes fluminis*, и *servitutes stillicidii* говорят лишь о праве прохода (или отвода) воды через землю соседа). Наличие *aquae haustus* среди *servitutes praediorum rusticorum* (D. 8. 3. 1) допустимо лишь в условиях сельской местности.

цев. Материал колодца № 1 при всей его многочисленности явно принадлежит одному хозяйственному комплексу; в нем преобладает керамика бытового, повседневного назначения, главным образом плоскодонные одноручные кувшины. Совсем иная картина в заполнении четырехугольных колодцев. Керамический материал в них, при безусловном преобладании амфорных обломков, значительно разнообразнее в качественном, хронологическом и функциональном отношении.

5. Материал четырехугольных колодцев датируется более поздним временем, чем колодца № 1, что, по-видимому, также не является случайным. Если предположить, что четырехугольные колодцы имели общественное назначение, они должны были располагаться на городских улицах. Понятно, что при прекращении жизни в том или ином районе, при разрушении строительных сооружений улицы имеющиеся общественные водоразборные колодцы могли функционировать еще в течение длительного времени, в то время как индивидуальные колодцы прекращали существование одновременно с разрушением домов, которым они принадлежали.

6. Решающее значение для установления частного характера рассматриваемых колодцев могло бы иметь обнаружение непосредственно примыкающих к ним остатков жилых строений. Ранее открытые в Нижнем городе Ольвии колодцы, как правило, расположены во внутренних дворах домов и органически связаны с каменными замостами и стилобатами. Между тем, окружение четырехугольных колодцев и стратиграфия берегового обреза не дают в этом отношении положительных результатов. Правда, точно так же не удалось выявить в окружении колодцев и уличных замостов.

III. Весьма важным в топографическом отношении является то обстоятельство, что интервалы между колодцами приближаются к кратным размерам ольвийских городских кварталов, чаще всего определяемым исследователями в 22—25 м. Допустим, что данное определение размера кварталов правильно. В таком случае отсутствие промежуточных колодцев следует объяснить либо их полным разрушением, либо сооружением их через квартал, либо, наконец, недостаточной изученностью района. Нам представляется более вероятным другое. Исследователями Ольвии допускается наличие в городе сдвоенных кварталов. К таковым, несомненно, должен быть отнесен городской квартал на участке НГФ, длина которого равняется приблизительно 44 м. Не следует ли именно эти сдвоенные кварталы считать в Ольвии основными, допустив наряду с ними в качестве отклонения от норм существование более дробных городских участков? Такое определение размеров городских кварталов не только не противоречит данным археологических исследований, но и позволяет более четко определить основную магистральную сетку города.

В этой связи большой интерес представляют данные анализа планов Ольвии XIX в. (П. И. Кеппена, И. М. Муравьева-Апостола, И. Бларамберга), на которых в прибрежной части города указаны места выходов древних водостоков и водопроводов¹. Расходясь в деталях, все три плана дают наименьшее расстояние между водостоками равным приблизительно 25—30 м. Но такой интервал наблюдается в единичных случаях, преобладают же интервалы кратные этому наименьшему (50 м, 100 м и т. д.). Характерно, что именно в показе наименьших интервалов планы больше всего варьируют между собой (ср.,

¹ См. А. Н. Карасев, Планы Ольвии XIX века как источники для исторической топографии города, МИА, № 50, 1956, стр. 13—14, 16; относительно водостоков на плане И. Бларамберга автор указаний не дает. Здесь же см. и соответствующие планы.

например, планы П. И. Кеппена и И. Бларамберга). Ввиду этого за основной интервал следовало бы принять расстояние в 50 м, а наименьший интервал считать производным. Сетка же водостоков является более или менее точным воспроизведением городской магистральной сетки. Наконец, предлагаемое нами уточнение размеров ольвийского квартала более соответствует данным археологических исследований других городов античного мира¹.

Таким образом, расположение четырехугольных колодцев правильно отражает топографию прибрежной части Ольвии. По-видимому, каждая улица Нижнего города, идущая в направлении с запада на восток, имела свой общественный колодец. Не исключена возможность, что в процессе исследования Нижнего города к северу и к югу от уже открытых колодцев будут обнаружены и другие колодцы приблизительно на таких же интервалах. Расстояние от колодца № 3, крайнего с юга из открытых в 1958 г. колодцев, до южной улицы на участке НГФ равняется 240 м, что составляет пятикратное число к принятой нами длине квартала.

IV. Открытие новых древних колодцев в Нижнем городе Ольвии дает нам возможность поставить вопрос о необходимости учета при археологических исследованиях геологических, в частности эпейрогенических, процессов. Вопрос этот не нов. Впервые он поставлен в советской археологической науке в 1945 г. в связи с исследованиями пионера подводной археологии Р. А. Орбели и задачей составления гидроархеологической карты². Продолжающиеся и поныне эпейрогенические процессы в Причерноморской низменности засвидетельствованы геологической наукой³. Теоретически выводы геологи признают и археологи, но когда дело доходит до их практического применения, эти выводы они нередко отбрасывают, ссылаясь на масштабы геологических эпох. В этом отношении показательна работа С. И. Капошиной «Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья»⁴. Рассматривая старый, но до сих пор не получивший единодушного разрешения вопрос об островном или полуостровном положении Березани в древности, С. И. Капошина считает мнение сторонников полуостровного положения Березани основанным на недоразумении, поскольку «работами гидрологов и геологов это обстоятельство давно исследовано». В частности,

¹ См. Эллинистическая техника. Сборник статей, М.—Л., 1948, стр. 166—167. Размер длинной стороны квартала в Приене 47,2 м, в Милете — 51,5 м; площадь квартала в Милете 1520 м², в Магнези — 1640 м² (площадь квартала в Ольвии на участке НГФ 973 м²; сравнительно небольшие размеры квартала объясняются особенностями рельефа Нижнего города); длина квартала в Олинфе более 86 м (D. M. Robinson a. I. W. Graham, Excavations at Olynthus, Baltimore, t. VIII, 1938, стр. 29).

² «Устаревшие археологические карты, схемы и наброски археологов, тающие иногда следы археологических легенд, не всегда отличаются подлинной научной точностью. Изменяются очертания видимых берегов, морские воды наступают, суша опускается, появляются новые островки с заливами и лиманами, между островками образуются новые проливы» (Научный путь профессора Рубена Абгаровича Орбели, Судоподъем, № 1, М., 1945, стр. 136—137).

³ Проф. В. Г. Бондарчук пишет: «Тепер морське узбережжя в цілому перебуває у фазі зниження, і Чорне море поступово трансгресує на сушу» (В. Г. Бондарчук, Геологічна будова УРСР, вид-во «Радянська школа», К., 1947, стр. 247). Не столь уверенно, хотя и положительно отвечает на этот вопрос М. И. Дмитриев: «...Опускания відбувалось дуже недавно і, мабуть, триває й тепер. На це вказує і засолення дна прибережних водів, і те, що давні кротовини йдуть під рівень моря» (М. І. Дмитрієв, Рельєф УРСР. Геоморфологічний нарис, вид-во «Радянська школа», К., 1936, стр. 36). Специальная литература по этому вопросу обширна. См. напр.: Лоция Черного моря, Л., 1937, стр. 32. Более широкая постановка вопроса с рассмотрением различных теорий периодических трансгрессий Черного моря (Н. И. Андрусов, А. Д. Архангельский, А. Бланк, М. Пфанненштиль) находится вне нашей компетенции.

⁴ С. И. Капошина, Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья. МИА, № 50, стр. 212.

игнорируется попытка С. Д. Пападимитриу (имеющая, конечно, свои недостатки) разрешить вопрос с помощью анализа древних письменных источников¹. Между тем, не придавая самодавляющего значения письменным источникам вследствие их часто противоречивого характера, мы не можем также и игнорировать их. Отбросив данные письменных источников, мы упускаем из виду и данные археологических исследований, которые могли бы поколебать нашу уверенность. В частности, представляет интерес тот факт, что во все открытые на Березани колодцы ныне поступает морская вода, чего, конечно, не могло быть во время их функционирования. Для одного из первых открытых на острове колодцев Э. Р. Штерн объяснял это явление как просчет строителей, при котором углубление колодца было доведено до уровня морских вод, вследствие чего туда стала поступать вода, и колодец был заброшен. Такое объяснение могло бы быть правильным, если бы колодец с морской водой оказался единственным. При наличии же ряда таких колодцев речь может идти не о просчете, а о том, что спустя некоторое время после сооружения колодцев (измеряемое, по-видимому, несколькими сотнями лет) произошло настолько заметное опускание материка, что нижние части колодцев достигли уровня моря и в колодцы стала поступать морская вода.

Такое явление, как на Березани, наблюдается и во вновь открытых прибрежных колодцах в Ольвии. Все они без исключения в настоящее время наполняются лиманной водой. В колодце № 2 подъем лиманной воды, определяемой уровнем лимана, достигает высоты почти 1 м от подошвы кладки колодца. По-видимому, ничуть не меньшей, а скорее даже большей должна быть высота подъема воды в колодце № 5, поскольку общие размеры колодца дают возможность предполагать и большую его углубленность в землю. Исходя из этих данных, можно прийти к выводу, что в районе Бугского лимана за менее чем две тысячи лет произошло понижение материка, по крайней мере на 1 м. Указанная цифра является минимальной и в процессе дальнейших исследований будет, по всей вероятности, значительно повышена.

Относительно причин разрушения значительной части Нижнего города Ольвии до сих пор существовали два мнения: одно, наиболее распространенное, объясняет это разрушение эрозийной деятельностью лиманных вод, другое — сползанием правого берега Буга в лиман. На последнем объяснении (поскольку сползание неизбежно влекло бы и понижение прибрежного уровня) следует остановиться подробнее. Наиболее четко это положение высказано Р. А. Орбели в связи с его исследованиями в районе Ольвии: «Первые работы в Ольвии подтвердили наше мнение о том, что Нижний город Ольвии ополз. Не осел, а ополз! Оползла с ним и набережная. Здесь был порт, тут морской въезд, парадный въезд в город... здесь было место причала судов»². Предположение Р. А. Орбели на первый взгляд кажется весьма убедительным, ибо наличие оползней, иногда очень значительных, в Причерноморской низменности — факт очевидный. Однако оползни — это явления локального характера. Между тем наряду с такими локальными изменениями происходит медленное, но неуклонное изменение всей прибрежной линии Северного Причерноморья. К тому же оползни — процесс сравнительно скорый и может фиксироваться с большей или меньшей точностью, в то время как громадное по своим конечным последствиям изме-

¹ С. Д. Пападимитриу, Древние сведения об острове Березани, ЗООИД, т. XXVIII, 1910, протоколы, стр. 97—112.

² Р. А. Орбели, Гидроархеология. Подводные исторические изыскания близ древних греческих городов на Черноморском побережье, Судоподзем, № 1 (29) 1945, стр. 143—144.

нение береговой полосы Ольвии происходит медленно и почти незаметно¹. Поэтому, отнюдь не отрицая роли эрозии и оползней, мы должны поставить своей задачей внимательное изучение геологических процессов и их отражение на археологической карте. Такая задача вполне реальна, поскольку в своей работе археолог оперирует не только годами и столетиями, но и тысячелетиями. Повсеместные наблюдения исследователей будь-то Ольвии, Боспора или Херсонеса в этом направлении со временем дадут свои плоды. Вот тогда-то возможно будет и составление гидроархеологической карты, необходимость которой вряд ли кто будет отрицать².

¹ Очень интересное наблюдение сделано А. Н. Карасевым при изучении планов Ольвии XIX века: размыв берега на участке НГ с 1819 г. по настоящее время составляет 3 м (см. А. Н. Карасев, Планы Ольвии XIX века как источники для исторической топографии города, МИА, № 50, стр. 17, примечание 1).

² Уже после сдачи статьи в печать по рассматриваемому вопросу появилась очень интересная работа Д. Я. Беренбейма «Керченский пролив во времена Страбона в свете новейших данных об изменении уровня Черного моря», журн. «Советская археология», 1959, № 4, стр. 42—52. Общие выводы автора бесспорны, хотя определение величины подъема уровня моря за последние 2500 лет на 3 м кажется нам все же несколько завышенным. Поскольку наибольшая глубина протоки, отделяющей остров Березань от материка, не достигает и 2 м, остров еще на рубеже нашей эры должен был бы соединяться с материком перешейком, что никак не согласуется с сообщениями древних авторов.

ПОГРЕБЕНИЕ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В г. СУМЫ

В. А. БОГУСЕВИЧ

До последнего времени в северо-восточной части Украины, в районе г. Сум на р. Псел памятники черняховской культуры не были известны. Казалось, что эта территория лежит вне зоны распространения черняховской культуры.

Однако в июне 1958 г. на южной окраине г. Сум в 200 м от берега р. Стрелки было найдено погребение этой культуры. Оно обнаружено при строительстве небольшого кирпичного дома по ул. Павлова, № 18.

Погребение находилось на глубине около 0,6 м. Хозяева дома обратили внимание на древний и необычный характер найденной посуды, входившей в состав погребального комплекса, и доставили обнаруженные вещи и часть костей в Сумский областной краеведческий музей.

Занимаясь в Сумах организацией экспедиции для проведения археологических раскопок древнерусского города Вырь в Белополье в сентябре — октябре 1958 г., автор данной статьи составил описание вещей, найденных на ул. Павлова, а также осмотрел место находки.

Погребальный комплекс насчитывал 10 сосудов. Один из них был разбит, и в музей доставили девять сосудов. Сосуды сопровождали труположение. От костяка погребенного в музей поступила только нижняя челюсть и несколько поломанных костей конечностей. На основании небольших размеров челюсти установлено, что погребенный был подростком 10—12 лет. Врачебная экспертиза подтвердила это мнение.

Вместе с керамикой и человеческими костями в музей были переданы обломки костяного гребешка. Возможно, в погребении находились и другие мелкие вещи (например, фибулы, бусы, пряжки и т. п.), но их не заметили и выбросили вместе с землей.

Девять сосудов из погребения хорошо сохранились. В состав этой группы входят: три миски, один кувшин и пять горшков. Все они сделаны на гончарном круге и отличаются хорошим качеством теста и правильностью форм. Шесть сосудов имеют лощеную поверхность, три — без лощения.

Самый большой сосуд представляет собой серолощеную миску высотой 17 см, шириной 34 см (ширина по венчику 32 см, диаметр днища—подставной плитки—11 см). Бок миски украшен фризом, сделанным в виде листовидных вмятин¹ (рис. 1, б).

Вторая миска значительно меньших размеров. Высота ее 10 см, ширина 17 см (ширина по венчику 15,5 см), диаметр днища 6,5 см.

¹ Подобного типа миски были найдены в Кантемировском и Лохвицком могильниках (см. М. Рудинський, Кантемирівські могили римської доби, Записки ВУАК, т. I, К., 1931, стр. 140, рис. 6; Д. Т. Березовец, Лохвицкий могильник, КСИА, в. 7, К., 1957, стр. 90).

Поверхность сосуда чернолощенная. Широкая часть миски орнаментирована поясом из листовидных вогнутостей (рис. 1, 8).

Третья миска имеет чернолощеную поверхность. Высота ее 5,5 см, ширина 12 см, диаметр горловины 11 см, диаметр кольцевой ножки 4,8 см (рис. 1, 2).

Интересен серолощенный кувшин с ручкой. Горловина его цилиндрической формы, нижняя часть — биконической. Верхняя половина кув-

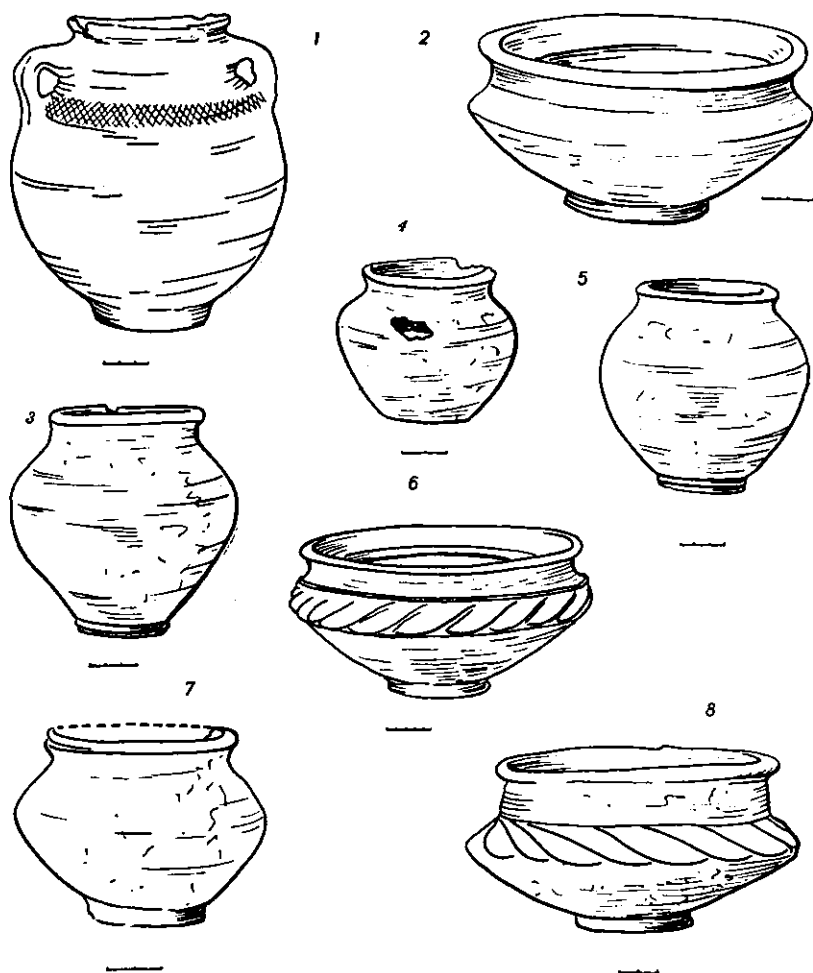

Рис. 1. Керамические сосуды из погребения в г. Сумах.

1 — чернолощенный горшок с двумя ушками; 2 — чернолощенная миска; 3 — горшок с серой шероховатой поверхностью; 4 — горшок серолощенный; 5 — горшок с серой шероховатой поверхностью; 6 — серолощенная миска; 7 — чернолощенный горшок; 8 — серолощенная миска.

шина украшена 12 гранями, отделенными друг от друга линиями, образованными точечным пунктиром. В нижней части горловины имеется орнамент в виде оттиска крученого шнура. Высота кувшина 15 см, ширина 14 см, диаметр подставной плитки 6 см, высота горла 6 см, (рис. 2).

В состав керамического комплекса входит пять горшков. Один из них чернолощенный, округлобкий с двумя ушками в верхней части. У горшка массивный граненый венчик и кольцевая ножка. По плечикам у основания ручек имеется лента пролощенного сетчатого орнамента. Высота горшка 20 см, ширина 17 см, диаметр горловины 10,5 см, диаметр поддона 7,5 см (рис. 1, 1).

Из остальных четырех горшков два обычных размеров и два маленькие. Корпус горшков сильно выпуклый. У трех из них ширина превосходит высоту. Второй горшок имеет высоту 16 см, ширину 15,5 см, диаметр днища 6,5 см (рис. 1, 3). Высота третьего горшка: 14 см, ширина 15 см, диаметр горловины 9,5 см, диаметр подставной плитки 6,5 см (рис. 1, 5). Четвертый горшок имеет высоту 8 см, ширину 9 см. Дно его плоское (без подставной плитки и кольцевой ножки). Диаметр горловины 7 см, днища 4,8 см (рис. 1, 4). Высота пятого горшка 6,5 см, ширина 8 см (рис. 1, 7).

Описанный погребальный комплекс черняховской культуры II—IV вв. н. э. является пока единственной находкой такого рода на территории г. Сум. Однако можно предполагать, что найденное погребение входит в состав более или менее значительного могильника, располагавшегося на южном склоне невысокого приречного холма. Вполне возможно, что в непосредственной близости от могильника находится и поселение черняховской культуры.

Археологические раскопки на данной территории вполне возможны и представляли бы значительный научный интерес для выяснения северо-восточных границ черняховской культуры и ее взаимоотношений со славянской и сармато-аланской культурами.

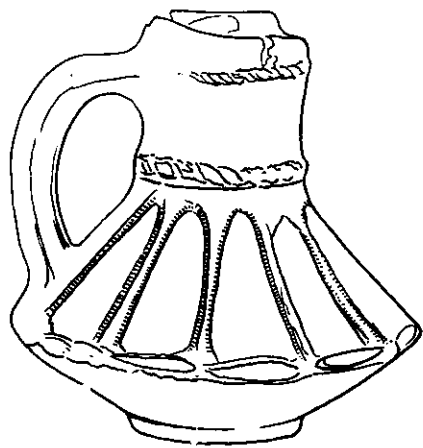

Рис. 2. Серолощенный кувшин из погребения в г. Сумах.

НОВЫЕ НАХОДКИ VII—VIII вв. н. э. НА ПАСТЫРСКОМ ГОРОДИЩЕ

М. Ю. БРАЙЧЕВСКИЙ

Пастырское городище широко известно в археологической литературе своим богатством находок ювелирных изделий VII—VIII вв. н. э. Эти находки в обильном количестве встречались при обработке земли на территории памятника, начиная со времени его освобождения из-под леса более 70 лет тому назад. Общее количество таких находок изменяется многими сотнями и, вероятно, тысячами.

Несмотря на длительное время, на протяжении которого площадь городища подвергается усиленной распашке, культурные слои памятника не исчерпались: находки предметов VII—VIII вв. н. э. продолжают встречаться и в наши дни. При каждом посещении памятника археологам удается приобретать новые вещи, найденные колхозниками при обработке земли. Часть этих новых археологических материалов была опубликована в нашей печати¹. К сожалению, сохраняются далеко не все находки.

В 1955 г. на Пастырском городище производила раскопки Раннеславянская экспедиция Института археологии АН УССР, которой удалось приобрести у тамошних жителей несколько вещей, найденных на городище в предшествующее время (главным образом, весной 1955 г.). Среди них были и вещи, относящиеся к VII—VIII вв. н. э.

1. Сережка «пастырского типа» (рис. 1, 1), изготовленная из низкопробного серебра, отлично сохранившаяся. Покрыта патиной темно-серого цвета с сиреневым оттенком. В композиционном отношении представляет собой круглый щиток с полусферическим выступом на внешней стороне, которому с противоположной стороны соответствует выемка. Щиток украшен тремя пирамидками псевдозерни, состоящими из шести шариков каждая. Сверху щиток переходит в дужку, нижняя часть которой представляет собой пластинку в форме полумесяца, украшенную насечкой. По обе стороны щитка к дужке присоединены две пирамидки псевдозерни, также из шести шариков каждая. Изготовлена сережка способом литья по восковой модели (в том числе и псевдозернь, чем обусловлен ее грубый, нечеткий характер).

Общий тип сережки хорошо известен среди материалов Пастырского городища, аналогии ей встречались неоднократно. Очень близ-

¹ П. Н. Третьяков, Днепровская экспедиция, КСИИМК, в. XXI, 1947, стр. 98—99; М. Ю. Браичевский, Работы на Пастырском городище в 1949 г., КСИИМК, в. XXXVI, 1951, стр. 155—164; его же, Пастырский скарб 1949 г., Археологія, т. VII, К., 1952, стр. 161—173; его же, Дополнение к публикации Пастырского клада 1949 г., журн. «Советская археология», № 1, 1957, стр. 246.

кая, хотя и не идентичная, сережка (одна из пары), в частности, воспроизведена в «Древностях Приднепровья»¹.

2. Обломок золотой сережки (рис. 1, 4) распространенного среди древностей Восточной и Центральной Европы VI—VIII вв. н. э.² типа: в виде пустотелого шарика, украшенного пирамидками настоящей зерни. Обломок представляет собою шарик, состоящий из двух полых половинок полусферической формы, изготовленных из тонкой золотой пластинки и соединенных вместе. К сережке припаяны три шарика зерни. Наиболее близкой аналогией, пожалуй, являются сережки, известные из находок на территории Венгрии³.

В 1956 г. раскопки на Пастырском городище не производились, была лишь осуществлена инструментальная съемка памятника. Однако во время посещения городища в связи с указанными работами удалось получить еще несколько вещей, найденных на городище весной того же года.

3. Антропоморфная фибула (рис. 1, 2), изготовленная из низкопробного серебра. Состоит из двух пластинок, соединенных дужкой, несколько более массивной, нежели сами пластинки. Верхний щиток имеет сверху выступ, композиционно соответствующий голове человеческой фигурки, которую вещь изображает; нижний щиток — округлой формы с двойным, вытянутым книзу выступом, соответствующим ногам. Изображение предельно схематизированное. Обе пластинки гладкие, но по краям имеют узенький бортик (бордюр). На верхнем щитке расположены три выпуклости полусферической формы: две — на обоих углах по бокам и третья — в верхней части дужки. На нижнем щитке — одна такая выпуклость в нижней части дужки.

На обратной стороне хорошо видны следы прикрепления пружины и иглодержателя, которые сами не сохранились. На этой же стороне остались следы железной окиси, свидетельствующие о том, что пружина и игла были железными.

Тип поделки хорошо известен среди материалов Пастырского городища. Такие фибулы, найденные здесь, исчисляются несколькими десятками экземпляров⁴. Совершенно аналогичная нашей фибула имела в коллекции Б. Н. Ханенко⁵. Поразительное сходство дает основание полагать, что либо обе фибулы были отлиты в одной формочке, либо какая-нибудь из них, отлитая непосредственно по восковой модели,

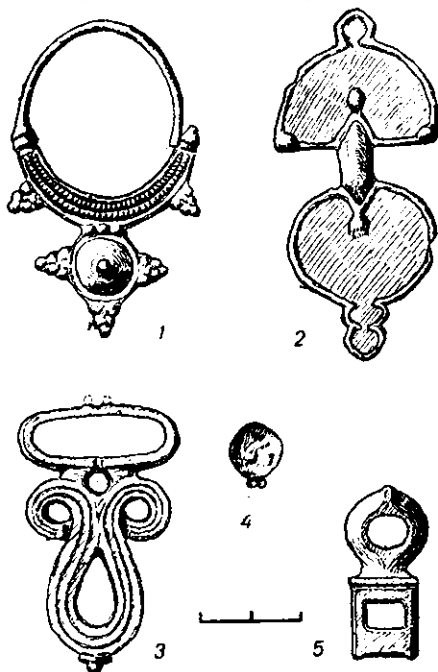

Рис. 1. Новые находки на Пастырском городище.

¹ ДП, в. IV, К., 1901, табл. XIII, 361/62.

² Д. Т. Березовець, Харівський скарб, Археологія, т. VI, К., 1952, стр. 109—119; А. А. Бобринский, Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. I, СПб., 1887, табл. XXI; J. Hampe l, Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn, Bd II, Braunschweig, 1905, стр. 356, рис. 937.

³ J. Hampe l, ук. соч., стр., 356, рис. 937.

⁴ Коллекции Киевского государственного исторического музея и Московского государственного исторического музея.

⁵ ДП, в. IV, К., 1901, табл. V, 149.

послужила шаблоном для изготовления глиняной формочки, необходимой для массового производства. Находки вещей, отлитых в одной формочке, на Пастырском городище также встречались неоднократно¹.

4. Крупная пряжка (рис. 1, 3) из низкопробного серебра (желтоватого цвета), довольно оригинальной формы. Представляет собой монолитный предмет, изготовленный путем отливки так, что дужка составляет со щитком одно целое. Щиток ажурный, в виде узкой пластинки лировидной формы с соединенными вместе верхними концами, украшенной двумя углубленными линиями, повторяющими изгибы пластинки. Снизу щиток заканчивается небольшим выступом. Дужка овальная, очень растянутая в стороны; в средней части ее на внешней стороне заметны следы сбитого или срезанного ограничителя. В том месте, где дужка соединяется с лировидной пластинкой щитка, оставлено небольшое круглое отверстие для укрепления язычка. В общем композиция вещи отличается продуманностью и цельностью.

На оборотной стороне щитка прикреплены две маленькие пластинки, поставленные перпендикулярно к его плоскости, с маленькими круглыми дырочками; они служили для прикрепления пряжки к ремню.

Полные аналогии этой пряжки не известны. Среди древностей Пастырского городища наиболее близко к ней стоит пряжка, в свое время опубликованная А. А. Бобринским², которая имеет ту же композицию: аналогичную дужку и подобную же форму щитка с той, однако, разницей, что сквозным отверстиям на щитке нашей пряжки там соответствуют вставки выемчатой эмали.

Сходные типы пряжек известны в памятниках VII—VIII вв. н. э. в Центральной Европе³.

5. Маленькая пряжка (возможно, от обуви или от портупеи), изготовленная путем отливки из низкопробного серебра (рис. 1, 5), покрыта патиной серого цвета. Как и предыдущая, поделка представляет собой цельный, монолитный предмет, у которого дужка и щиток слиты воедино. Дужка массивная, почти правильной круглой формы с небольшим выступом спереди. Щиток — маленький, прямоугольный с прямоугольным же сквозным отверстием, имеет углубленную линию, как бы композиционно отделяющую собственно щиток от дужки. Пряжка без язычка: очевидно, ремешок продевался вначале в отверстие дужки, а затем в отверстие щитка, и этого было достаточно, чтобы его удержать.

Полные аналогии данной пряжке среди материалов Пастырского городища до сих пор не встречались.

Описанные предметы, найденные за последние годы в различных частях правобережной возвышенной половины Пастырского городища, дополняют наши представления о памятнике и свидетельствуют о том, что последний и в наши дни продолжает давать новый материал по истории ювелирного ремесла в Среднем Поднепровье во второй половине I тыс. н. э.

¹ М. Ю. Браичевский, Пастырский скарб 1949 р., Археологія, т. VII, стр. 161—173.

² А. А. Бобринский, Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смела, т. III, СПб., 1901, табл. V, рис. 9.

³ J. N. Hatfield, ук. соч., стр. 303.

О ВИНОГРАДАРСТВЕ И ВИНОДЕЛИИ В ДРЕВНЕМ И СРЕДНЕВЕКОВОМ КРЫМУ

Е. В. ВЕЙМАРН

(Симферополь)

Изучение остатков античных городов Северного Причерноморья, проведенное в годы Советской власти, дало большой материал, освещающий экономическое развитие этих городов. Было установлено, что в экономике многих крымских городов виноградарство и виноделие имели значительный удельный вес¹.

Наиболее древние следы виноградарства обнаружены в восточной части Керченского полуострова при археологических раскопках города Мирмекия, где в слоях V в. до н. э. были найдены косточки винограда². Но нахождение отдельных косточек винограда еще не является доказательством его производственного значения в экономике этого древнего города³.

Таким доказательством может быть только обнаружение остатков давлен для винограда, свидетельствующих о массовой переработке винограда в вино.

Известные сейчас винодельни производственного масштаба на территории Керченского полуострова относятся ко времени не ранее III в. до н. э.⁴

В Херсонесе виноградарство приобрело производственное значение, как считает В. Д. Блаватский, к середине IV в. до н. э., что, по его мнению, подтверждается фактом изготовления в этом городе специальной тары для вина — остродонных амфор⁵.

В III в. до н. э. в связи с развитием виноградарства было проведено размежевание херсонесских виноградников, о чем говорит надпись в честь Агасикла⁶.

Особенно интересные данные о виноградарстве в Херсонесе дают раскопки, проведенные С. Ф. Стржелецким на Гераклеюмском полуострове, где исследованы остатки большой сельскохозяйственной усадьбы

¹ В. Д. Блаватский, Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья, М., 1953.

² Там же, стр. 87; К. Фляксбергер, Археологические находки хлебных растений в областях, прилегающих к Черному морю, КСИИМК, в. VIII, 1940, стр. 18.

³ Косточки винограда обнаружены С. Ф. Стржелецким на таврском селище Уч-Баш в Инкермане, относящемся ко времени не позднее VIII в. до н. э.

⁴ В. Д. Блаватский, ук. соч., стр. 150—154; В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 11, 106 и сл.

⁵ В. Д. Блаватский, ук. соч., стр. 86.

⁶ IOSPE, I², № 418.

III в. до н. э. Установлено, что из общей территории усадьбы 30,5 га под виноградники было отведено 12,5 га¹.

Таким образом, не позднее как с III в. до н. э. виноградарство и виноделие на Керченском и Гераклеюском полуостровах Крыма приобрели производственное значение и успешно развивались тут вплоть до гибели Боспорского царства и упадка Херсонеса. Но все это относится к незначительным приморским территориям Крымского полуострова античной эпохи.

О виноградарстве и виноделии в горных и предгорных районах полуострова в литературе пока нет никаких сведений. Однако за последние годы археологические исследования в Крыму дали интересный материал о развитии этой отрасли сельского производства в предгорных районах юго-западного Крыма.

Во время раскопок на территории Неаполя скифского в северо-восточной части городища были обнаружены остатки давилыной площадки, высеченной в материковой скале².

Датировать давилыню можно временем не позже IV в. н. э. Среди древесных остатков, обнаруженных на городище, найдены обломки корневой виноградной лозы³.

В отчете Н. Печенкина за 1903 г. о работах на северной стороне г. Севастополя и на р. Бельбек отмечены две давилы для винограда, «киссеченные из целого камня». Одна из них находилась на берегу моря, в районе нынешнего пляжа Учкюевка, другая — севернее, недалеко от устья р. Бельбек, на левом его берегу. По всем данным надо полагать, что эти давилы относятся к досредневековому времени⁴.

В 1954 г. горным археологическим отрядом Крымского филиала АН УССР обнаружены остатки значительных размеров давилы для винограда в районе нижнего течения р. Качи в Акшейской балке (рис. 1), на левом берегу реки к юго-востоку от с. Тенистое (бывш. Голумбей)⁵. Площадка давилы высечена на небольшом выступе скалы. В плане она почти овалная, размером 1,2×1,5 м. В центральной части ее имеются два выпуклых (высотой около 0,05 м) вытянутых вдоль валика (рис. 2, 3).

Остатки этой давилы находятся непосредственно вблизи небольшого позднескифского городища (к юго-востоку от него), относящегося, судя по подъемному материалу, к III в. до н. э.—IV в. н. э. Среди обломков гончарной посуды, собранных на поверхности городища, встречены обломки более поздних чернолаковых и краснолаковых сосудов⁶.

Более точно датированные данные о виноградарстве и виноделии были получены во время раскопок 1955 г. в районе с. Заветное (бывший Алма-Кермен), Бахчисарайского района⁷.

Здесь при раскопках могильника II—III вв. н. э., относящегося к близлежащему городищу того же времени, известному под названием

¹ С. Ф. Стржелецкий, Клер Херсонеса Таврического, ВДИ, № 3, М.—Л., 1951, стр. 86; его же, Пять клеров Херсонеса Таврического, «Советская археология», 1957, № 3, стр. 31 и сл.; В. Д. Блаватский, ук. соч., стр. 60.

² Этот памятник не издан. Упоминание о нем см.: П. Н. Шульц, Исследования Неаполя скифского (1945—1950 гг.), ИАДК, К., 1957, стр. 78.

³ Н. А. Троицкий, Растительный покров Неаполя скифского (рукопись), Архив отдела античной и средневековой археологии Института археологии АН УССР; П. Н. Шульц, ук. соч., стр. 78.

⁴ Отчет Н. Печенкина о раскопках, произведенных летом 1903 г. на северной стороне г. Севастополя и на реке Бельбек, Архив ЛОИИМК АН СССР, дело ИАК, № 109, 1903, л. 15—16.

⁵ Е. В. Веймарн, Отчет о работах горного археологического отряда КФ АН УССР за 1954 г., Архив отдела античной и средневековой археологии Института археологии АН УССР.

⁶ Там же.

⁷ Раскопки проводила Н. А. Богданова.

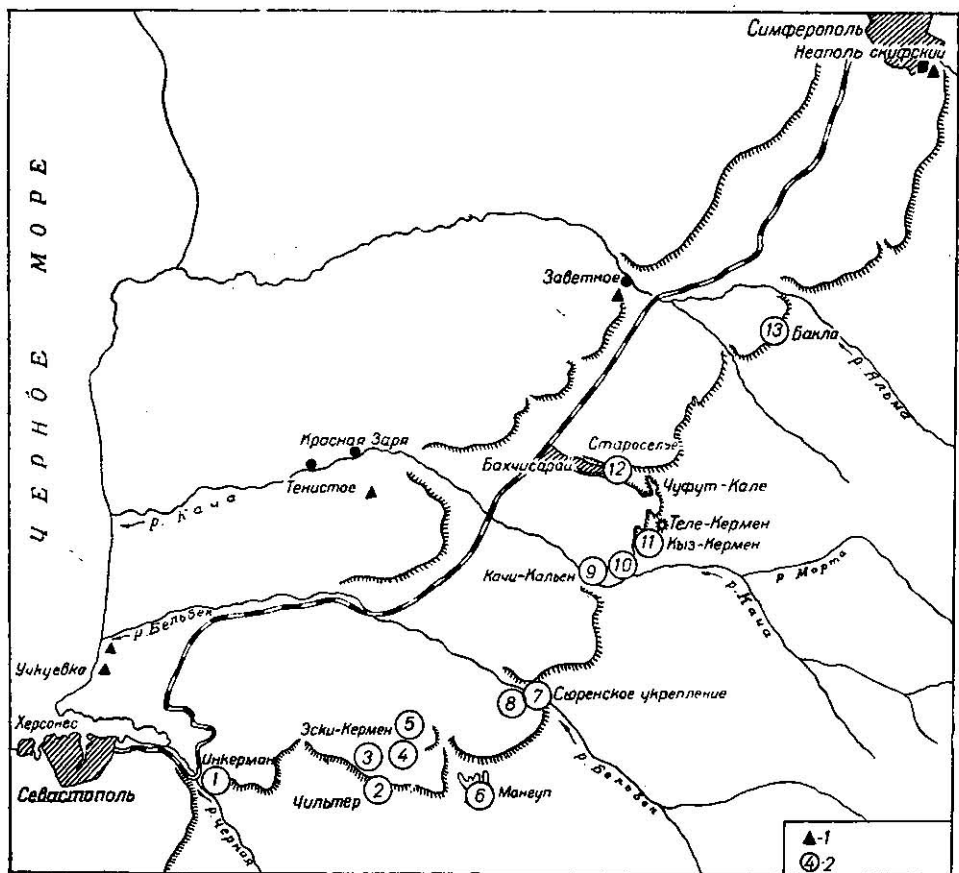

Рис. 1. Схема расположения древних и средневековых виноделен в юго-западном Крыму.
 1 — остатки древних виноделен; 2 — остатки средневековых виноделен.

Рис. 2. Античная давяльня близ с. Тенистое.

Алма-Кермен, была найдена разоренная подбойная могила, закладными плитами которой оказались обломки давилен для винограда¹.

Первая из них представляла собой плиту известняка в виде неправильного прямоугольника с грубо вырубленным углублением — площадкой для давки винограда. В острой отбитой части этой плиты, видимо, был устроен слив (рис. 4). Размеры плиты: длина 0,8 м, наибольшая ширина уцелевшей части 0,5 м, глубина высеченной площадки 0,05 м.

Вторая, представлявшая собой большую, переднюю часть давилени, имеет размеры 1,2×1 м. Толщина плиты около 0,13 м. Одна сторона

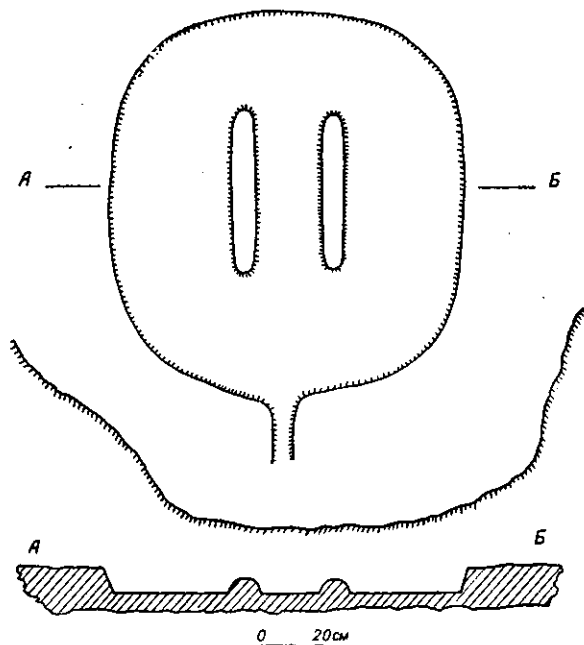

Рис. 3. План и разрез античной давилени близ с. Теннстое.

ее очень грубо обработана, на другой — тщательно вырубленная почти овальная в плане площадка давилени с бортом до 0,07 м высотой, с хорошо выработанным выступающим сливом и двумя круглыми в плане и симметрично расположенными в передней части площадки выпуклыми полушариями.

На правой стороне верхней плоскости слива сделан круглый в плане врез глубиной в 0,01 м (рис. 5, 6).

Нахождение обломка большой давилени, рабочая площадка которой составляла не менее 0,97×1,1 м, с полной очевидностью говорит за то, что не позднее II в. н. э. в районе современного с. Заветное виноградарство и виноделие имело производственное значение.

Находки давилен в районе с. Заветное, Неаполя скифского и с. Теннстое позволяют сделать вывод о том, что виноградарство и виноделие в первые века н. э. не было достоянием только античных городов на юге современной Украины², а уже имело место у поздних скифов, которым принадлежали в то время предгорные районы юго-запада Крыма.

¹ По дневнику — могила № 39.

² Имеются в виду находки давилен, обнаруженных во время раскопок в Ольвии в 1873, 1908 и 1952 гг., относящихся к I—II вв. н. э. (см. В. Д. Блаватский, ук. соч., стр. 153 и примечания 1 и 2).

С этим, по-видимому, связано и распространение виноградарства и виноделия в горном Крыму в эпоху средневековья. Археологические разведки последних лет показали, что в предгорьях юго-западного Крыма (район третьей гряды Крымских гор) оседлая жизнь замирает к концу IV — середине V вв. и возобновляется лишь в XIX в. Это явление, по всей вероятности, находится в связи с опустошительным гуннским нашествием и последующим вторжением орд кочевников — болгар, хозар, печенегов, половцев, татар, в результате чего оседлое население предгорий уходит в горные долины.

Оседлая жизнь в юго-западном Крыму с середины V в. сосредотачивается в горных долинах этой части полуострова, и северной границей ее становится вторая гряда Крымских гор.

О сельском хозяйстве Крыма в эпоху средневековья по сравнению с предыдущим периодом мы знаем гораздо меньше. В частности, раннесредневековые письменные источники ничего нам не говорят о виноделии и виноградарстве. Археологические раскопки в этом направлении только начаты. Однако факт расцвета виноградарства и виноделия в период IX—XIII вв. в горных долинах юго-западного Крыма бесспорен.

В настоящее время в юго-западной горной части Крымского полуострова нам известны 13 мест расположения средневековых виноделен, к сожалению, еще совершенно не изученных. Эти винодельни насчитывают не менее 103 крупных давлений для винограда, имеющих безусловно производственное значение.

Все остатки этих давлений выявлены в районах второй гряды гор и сохранились потому, что давяльные площадки их высечены в скале или в крупных ее обломках. Кратко охарактеризуем эти давяльни.

1. В Инкермане близ устья Черной речки, на правом берегу возвышается Загайтанская скала. На юго-западном склоне ее имеются остатки большого средневекового селища, в северо-западной части которого в 1952 г. раскопана большая, почти прямоугольная в плане, высеченная в скале давяльня для винограда, относящаяся к IX—X вв.¹ Размер давяльной площадки 1,8×2 м.

2. В районе с. Терновка, Балаклавского района, в обрывах второй гряды Крымских гор находятся остатки значительного средневекового пещерного монастыря Чильтер. После зачистки второго яруса большей пещеры, произведенной в 1935 г. В. П. Бабенчиковым, установлено наличие в ее западной части большой давяльни для винограда.²

3. На большом средневековом городище, известном под названием Эски-Кермен (близ с. Крепкое, Куйбышевского района) после произведенных раскопок открыто две винодельни. Одна из них имеет давяльную площадку небольшого размера (0,6×0,95 м) и расположена в пещерном помещении³, другая, большая, — высечена в скале на восточ-

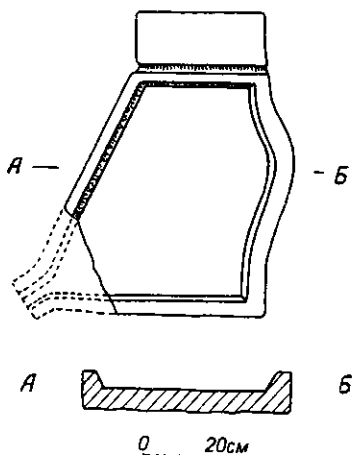

Рис. 4. План и разрез античной давяльни из района с. Заветное.

¹ Е. В. Веймарн, Отчет о работах Инкерманской экспедиции 1952 г., Архив отдела античной и средневековой археологии Института археологии АН УССР; его же, Средневековое селище у Загайтанской скалы (рукопись), 1955, там же.

² Сообщение В. П. Бабенчикова.

³ Н. И. Репников, Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928—29 гг., ИГАИМК, т. XII, вып. 1—8, Л., 1932, стр. 110.

ном краю плато городища¹ и имеет размеры, близкие к инкерманской.

4. Три крупных давяльни известны поблизости от Эски-Керменского городища. Они высечены на обломках лежащих в балках скал, которые окаймляют городище с западной и восточной стороны².

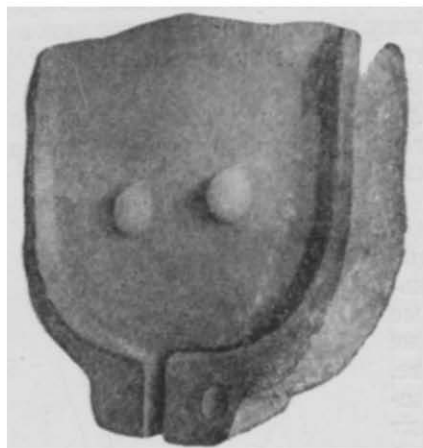

Рис. 5. Античная давяльня из района с. Заветное.

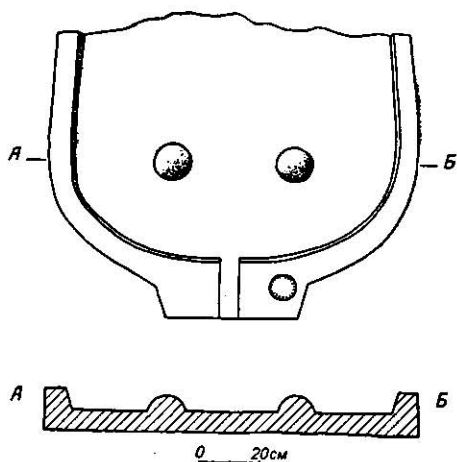

Рис. 6. План и разрез античной давяльни из района с. Заветное.

5. В балке Пхей-Елга, находящейся в километре к востоку от с. Крепкое, имеются следы небольшой средневековой деревни. В центральной части балки, у западных скал, найдены давяльни для винограда. Высеченная в скале давяльная площадка равна $0,9 \times 1,2 \text{ м}^2$.

6. В верховьях Каралезской долины, южнее с. Залесное, Куйбышевского района, высится столовая гора Мангуп, на плато которой лежат руины большого средневекового города Феодоро. В восточной части городища находятся остатки крупной давяльни для винограда, прямоугольная рабочая площадка которой составляет $1,5 \times 2,2 \text{ м}^2$. Две подобные давяльни находятся на плато с восточной стороны главных городских ворот. Еще одна давяльня, устроенная в крупном обломке скалы, обнаружена в естественной пещере у южной подошвы скалистого обрыва Мангупа⁵.

7. В Бельбекской долине к юго-востоку от с. Ново-Садовое (бывш. Кучук-Сюрень) высится мыс Кулле-бурун, на плато которого находятся развалины ранне-средневекового укрепления, известного под названием Сюреньская башня. У восточной подошвы мыса под неглубоким, но длинным естественным навесом сохранились следы пяти значительных по размерам давялен

для винограда, высеченных в скале.

8. К западу от Сюреньской башни в восточных обрывах мыса Ай-Тодор находятся остатки небольшого пещерного средневекового монастыря. Напротив, у подошвы противоположного к западу мыса, найдены следы значительных размеров винодельни, состоящей из 13 больших

¹ Н. И. Репников, Отчет о работах Эски-Керменской экспедиции 1937 г., Архив ЛОИИМК.

² Наблюдение автора.

³ Наблюдение автора.

⁴ Открыта раскопками Р. Х. Лепера в 1912 г.

⁵ Е. В. Веймарн, Отчет о работах горного археологического отряда КФ АН УССР за 1954 г., Архив отдела античной и средневековой археологии Института археологии АН УССР.

давилен¹, высеченных в скале, размеры которых достигают 1,4×2 м. По-видимому, эта винодельня принадлежала монастырю (рис. 7, 8).

9. Большое количество давилен для винограда (не менее 60), высеченных в пещерных помещениях, на отдельных обломках скал и скалистых площадках, обнаружено на средневековом селище Качи-Кальен, недалеко от с. Баштановки (бывш. Пычки), Бахчисарайского района. Размеры отдельных давилен 1,5×2,3 м. Селище расположено на пра-

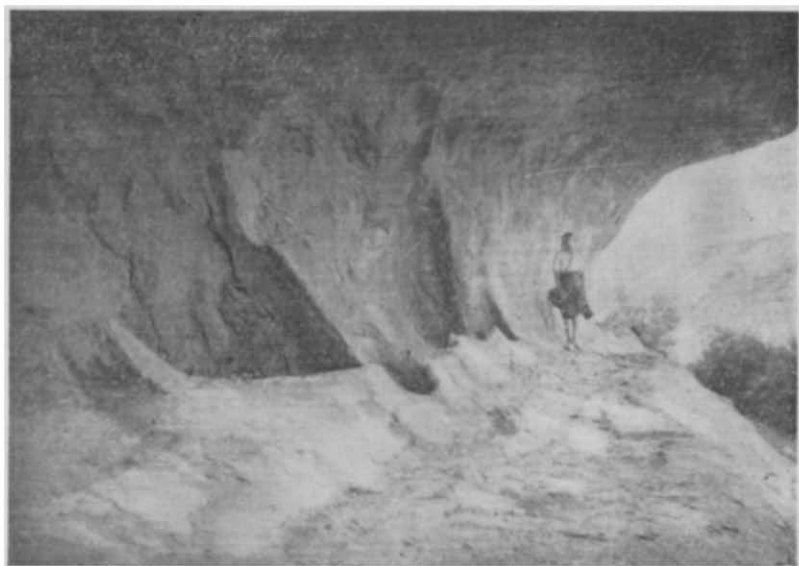

Рис. 7. Средневековая винодельня из района мыса Ай-Тодор.

вом берегу р. Качи, на склоне горы, на котором местами хорошо видны очертания отдельных дворов усадеб. Почти в каждом дворе имеются остатки одной или двух давилен².

10. В 0,5 км от Качи-Кальен к востоку, на том же берегу р. Качи найдены следы селища значительных размеров. В настоящее время на территории селища видны остатки 11 крупных давилен для винограда, высеченных на выступах скалы³.

11. В 2 км от с. Баштановки, на правом берегу р. Качи расположен маленький поселок Машино. К северу от него возвышается, сильно выступая в долину, большой скалистый мыс. На плато мыса находятся остатки крупного еще совершенно не изученного средневекового города.

На территории городища недалеко от остатков крепостной стены, защищавшей подступы к нему с севера, около восточного обрыва видны следы четырех больших давилен, площадки и сливные устройства которых высечены в скале.

¹ Е. В. Веймарн и Н. И. Репников, Сюреньское укрепление, Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931—1933 гг., ИГАИМК, в. 117, М.—Л., 1935, стр. 125.

² Е. В. Веймарн, Отчет о работах горного археологического отряда КФ АН УССР за 1954 г., Архив отдела античной и средневековой археологии Института археологии АН УССР. О нескольких давилях в Качи-Кальене упоминает Н. И. Репников (см. Н. И. Репников, Городище Качи-Кальен, Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931—1933 гг., ИГАИМК, в. 117, стр. 104, 105—107).

³ Е. В. Веймарн, Отчет о работах горного археологического отряда КФ АН УССР за 1954 г., Архив отдела античной и средневековой археологии Института археологии АН УССР.

12. Одна средневековая большая давилня подобного устройства обнаружена в Бахчисарайском ущелье в западной части с. Староселье (бывш. Салачик) ¹.

13. В 1954 г. была обнаружена сильно разрушенная большая давилня на средневековом поселении, известном под названием Бакла. Это поселение расположено на второй гряде Крымских гор, между реками Бодрак и Альма ².

Все вышеуказанные средневековые памятники существовали не позднее XV в.

Приведенный материал дает основание предполагать следующее.

Виноградарство и виноделие как отрасль сельского хозяйства известны в Крыму со времени не позднее III в. до н. э. Зародившись,

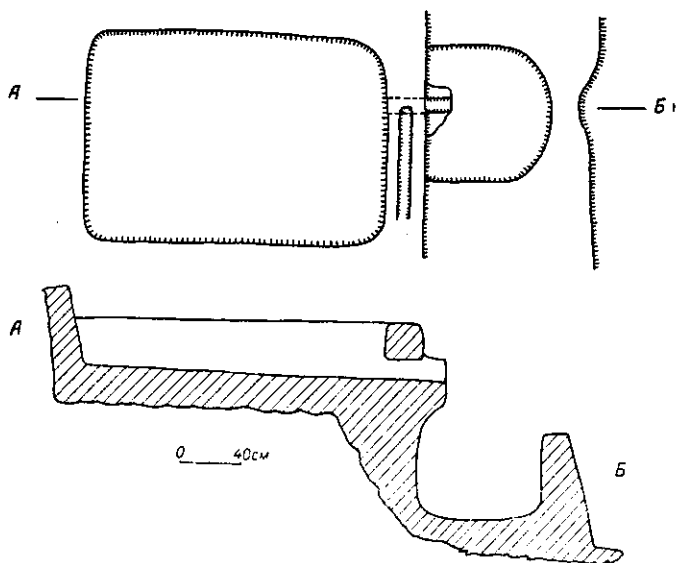

Рис. 8. План и разрез средневековой винодельни из района мыса Ай-Тодор.

по-видимому, в античных государствах (Боспорское царство и Херсонес), они не позднее первых веков н. э. проникают в предгорные районы юго-западного Крыма и получают некоторое распространение у поздних скифов. В эпоху раннего средневековья виноградарство и виноделие широко распространяется среди местного населения в горных долинах юго-западного Крыма, а затем — в Судакской долине ³ и на Южном берегу, о чем свидетельствует производство тары для вина — амфор, обнаруженных в огромном количестве при раскопках гончарных печей VIII—X вв. у с. Морское ⁴ и в г. Мисхоре ⁵.

Вторжение на полуостров кочевых племен повлекло за собой вместе с общим значительным разрушением древней и средневековой культуры Крыма и замирание виноградарства. Так, нашествие гуннов по-

¹ Материал Бахчисарайской станции Института археологии АН УССР.

² Е. В. Веймарн, Отчет о работах горного археологического отряда КФ АН УССР за 1954 г., Архив отдела античной и средневековой археологии Института археологии АН УССР.

³ С. Секиринский, Очерки истории Сурожа IX—XV вв., Крымиздат, Симферополь, 1955, стр. 45.

⁴ А. Л. Якобсон, Раннесредневековые гончарные печи в Восточном Крыму, КСИИМК, в. 54, 1954, стр. 164—172.

⁵ В. П. Бабенчиков, Средневековая гончарная печь в Мисхоре, КСИИМК, в. 7, К., 1957, стр. 11—112.

ложило конец виноградарству и виноделию на территории Керченского полуострова (Боспорское царство) и у предгорных поздних скифов. Нашествие татаро-монгольских орд, а затем турецкое вторжение в 1475 г. временно уничтожили культуру виноградной лозы в остальных районах полуострова. Возрождение виноградарства на Крымском полуострове началось лишь после присоединения Крыма к России, с конца XVIII в.

В результате археологических разведок, проведенных Крымским филиалом АН УССР в 1954 г. в юго-западном горном Крыму, было установлено, что во всех долинах этой части полуострова в эпоху средневековья, до татаро-монгольского нашествия, виноградарство и виноделие было одной из главных отраслей сельскохозяйственного производства. Вместе с тем разведки показали всю настоятельную необходимость дальнейшего углубленного археологического изучения предгорного и горного Крыма (особенно восточной части), без чего невозможно правильное понимание истории экономического развития полуострова в античное время и в средние века.

ГОНЧАРНЫЕ КЛЕЙМА ИЗ РАСКОПОК ДРЕВНЕГО ПЛЕСНЕСКА

М. П. КУЧЕРА

Остатками древнерусского города Плеснеска является большое городище, расположенное около с. Подгорцы, Олеского района, Львовской области¹. В результате проведенных в 1946—1949 и 1953—1954 гг. на городище исследований² обнаружен многочисленный керамический материал, относящийся к разным периодам существования древнего Плеснеска (с VII по XIII вв.)³. Среди этого материала важное место занимают гончарные клейма — рельефные знаки, которыми гончары метили свою продукцию⁴. На городище их найдено свыше 100 экземпляров. Это самая многочисленная коллекция древнерусских гончарных клейм.

Клейма можно разделить на пять групп: с изображением креста и подобных ему знаков, образованных двумя перекрещивающимися линиями (рис. 1, 1—24); квадратные клейма или знаки, близкие к квадрату (рис. 1, 25—28; 2, 1); круглые клейма или знаки, в основе которых лежит окружность (рис. 2, 2—29; 3, 1—10)⁵; так называемые знаки Рюриковичей (рис. 3, 11—17), клейма с изображением иных знаков (рис. 3, 18—28)⁶.

Клейма с изображением креста и квадратные клейма встретились лишь на посуде XI в. Круглые клейма и клейма с иными знаками характерны как для сосудов XI в., так и для сосудов XII—XIII вв. В количественном отношении клейма обеих этих групп на посуде XII—XIII вв. преобладают. По степени усложненности рисунка особого различия между круглыми клеймами XI в. и XII—XIII вв. не существует. Клейма, напоминающие знаки Рюриковичей, относятся к XI—XII вв. Самым ранним клеймом этого типа является двузубец в виде герба Владимира Святославовича (рис. 3, 11).

¹ См. М. П. Кучера, «Плеснеск» «Слова о полку Игореве» и древнерусский город Плеснеск, КСИА, в. 9, 1959.

² В 1946—1949 гг. исследованиями руководил И. Д. Старчук, в 1953 г. — В. К. Гончаров. В 1954 г. раскопки на городище производились автором.

³ См. М. П. Кучера, Керамика древнього Плеснеська, Археологія, т. XII (печатается).

⁴ О том, что гончарные клейма являются знаками мастеров, а не заказчиков и не магическими знаками, см.: Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси, М., 1948, стр. 175—176; Э. А. Рикман и Л. П. Полевой. Рецензия на статью К. Горедта «Славянская керамика Трансильвании», СА, XXIV, 1955, стр. 327; А. А. Мансуров, Старо-рязанские и бронские гончарные клейма, СА, VIII, 1946, стр. 293—298.

⁵ Кроме того, 20 сильно фрагментированных.

⁶ Кроме того, 4 сильно фрагментированных.

На сосудах XII—XIII вв. клейма встречаются реже и менее выразительны¹, чем на сосудах XI в. Тот факт, что более ранние клейма (крест, квадрат) самые простые по рисунку, а более поздние (концентрические) имеют уже схему сложнее, целиком согласуется с положением Б. А. Рыбакова об усложненности знаков клейм при наследовании

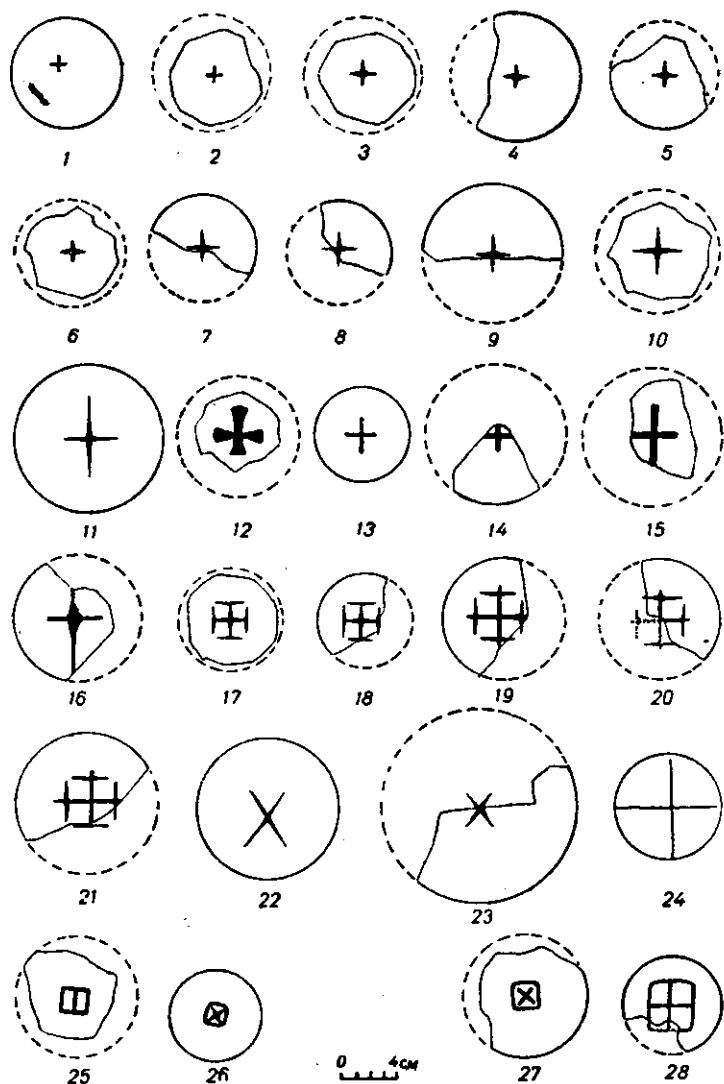

Рис. 1. Гончарные клейма древнего Плеснеска.

гончарного ремесла². Возможно, что клейма в виде креста и квадратные клейма составляли одну линию развития, поскольку в основе квадратных клейм, как правило, лежит один и тот же знак — крест; по-видимому, при наследовании ремесла этот знак усложнялся добавлением квадратной рамки.

В материалах городища имеется два клейма, точность воспроизведения рисунка которых позволяет связывать их с двумя поколениями

¹ В XII—XIII вв. клейма начинают терять выразительность вследствие как небрежного отпечатывания их на сырой глине, так и неясности и асимметричности самого негатива, вырезавшегося на верхней доске гончарного круга.

² Б. А. Рыбаков, укр. соч., стр. 363.

одного и того же рода: крест с острыми концами, принадлежавший отцу (рис. 1, 3), и этот же крест в квадрате, принадлежавший сыну (рис. 1, 26). Примером подобного наследования клейма может быть 12-конечный крест (рис. 1, 19—21), который непосредственно развился из 8-конечного креста (рис. 1, 17—18).

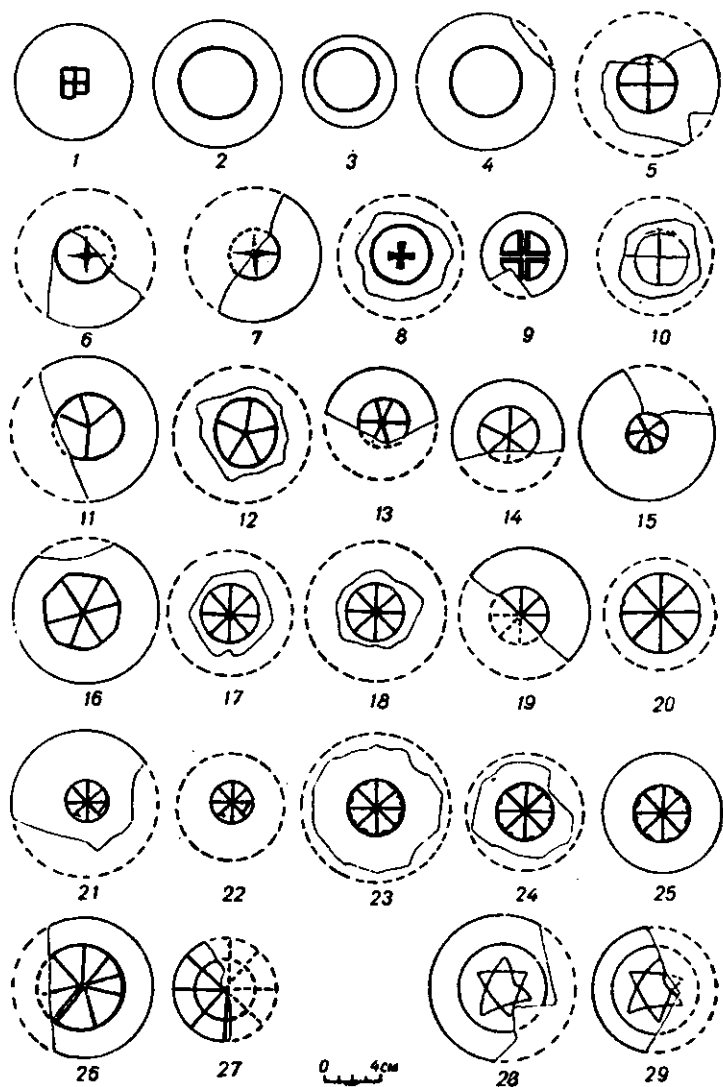

Рис. 2. Гончарные клейма древнего Плеснеска.

К третьему типу ранних клейм относится круг. Этот знак оказался наиболее практичным, так как позволяет создавать, не нарушая первоначальной схемы, целый ряд вариантов клейм. Одним из ранних вариантов этого клейма был вписанный крест или два перекрещивающиеся диаметра. Последующее усложнение шло различными путями, но в целом оно сводилось к расчленению площади круга дополнительными радиусами или диаметрами. Наиболее развитые знаки состояли из двух, трех и даже четырех концентрических окружностей. Эти знаки усложнялись в течение нескольких поколений гончаров. Ввиду сходства знаков выделить среди них отдельные генеалогические линии невоз-

можно¹. Все же на некоторых круглых клеймах благодаря их своеобразному рисунку усложнение знаков прослеживается четко. Примером наследования клейма может быть знак, напоминающий изображение «солнца» (круг с радиальными отрезками по наружному краю и точкой в середине). Имеется два таких знака, точно совпадающих рисун-

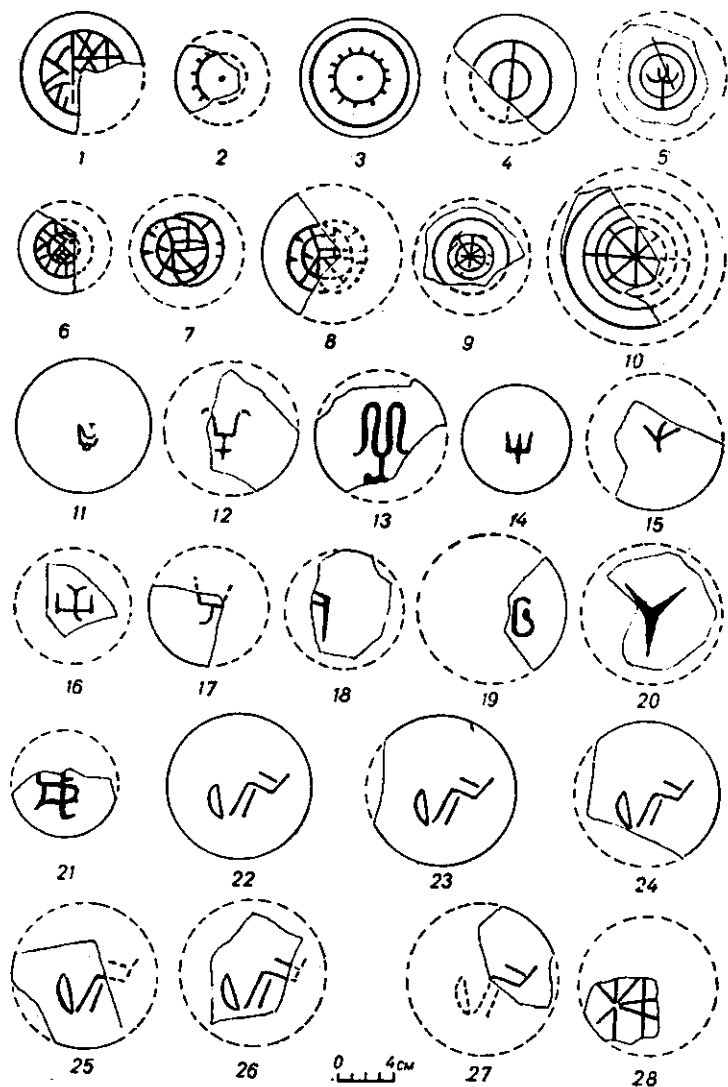

Рис. 3. Гончарные клейма древнего Плеснеска.

ком и размером (рис. 3, 2, 3). Второй знак, принадлежавший последующему поколению, обведен окружностью (рис. 3, 3).

Как уже указывалось, в XII—XIII вв. преобладали клейма усложненного рисунка. Однако если принять во внимание не количественную сторону, а степень усложненности знаков, то особого различия между клеймами XI в. и XII—XIII вв. не обнаруживается. На сосудах XI в. встречаются клейма тех же усложненных рисунков, что и на сосудах

¹ Частные особенности усложнения клейм этого типа можно проследить лишь на материалах погребений отдельных курганных групп (см. Б. А. Рыбаков, ук. соч., стр. 180, 363).

XII—XIII вв., а характерные для первых клейма неразвитой схемы (круг, вписанный крест) встречаются также и на вторых. Это явление, очевидно, отражает изменения, связанные с обновлением личного состава гончаров. Исчезновение прежних наследственных линий и появление новых гончарных кругов, в частности в крупных населенных пунктах, должно быть вполне закономерным. Часть гончаров, переквалифицировавшись, оставляла занятия своих предков, другие, впервые овладев этой специальностью, открывали новые мастерские. Естественно, что собственник вновь созданной мастерской вырезал на гончарном круге, подобно предкам современных ему гончаров, знак самой простой схемы.

Обнаруженные на городище клейма делятся по сходству рисунка более чем на 50 видов. Это, конечно, не следует понимать в том смысле, что каждый вид клейма принадлежал только одному мастеру. Изучение клейм убеждает в том, что одинаковые по начертанию знаки (например, крест, окружность с 8 радиусами и т. п.) принадлежали нескольким гончарам. Эти клейма подобные, но не тождественные.

Из всего числа клейм несколькими тождественными экземплярами представлены 10 знаков. Из них 4 знака повторяются два раза (рис. 1, 17, 18; 2, 21, 22, 28, 29; 3, 7, 8) и столько же знаков — три раза (рис. 1, 7—9, 19—21; 2, 17—19, 23—25). Один знак повторяется четыре раза (рис. 1, 3—6), другой — шесть раз (рис. 3, 22—27). Малочисленность продукции одного мастера свидетельствует о том, что гончарное ремесло не могло служить постоянным источником существования гончара, оно не было единственным его занятием¹.

Исключив из общего числа клейм, найденных на городище (108), повторяющиеся экземпляры (20), получим в остатке цифру 88. Это означает, что обнаруженные на городище клейма принадлежали 88 гончарам. Если допустить, что за период с конца X до половины XIII в. сменилось 7—8 поколений гончаров, то можно прийти к выводу о том, что в Плеснеске в одно и то же время существовало, примерно, не менее 11—12 гончаров². Эта цифра, конечно, является самой минимальной, поскольку выявить все клейма не удалось. Однако и этих данных достаточно для того, чтобы составить представление о сравнительной многочисленности живших в одно и то же время гончаров, что вполне согласуется с приведенным выше утверждением о малой производительности каждого мастера в отдельности.

Говоря о продукции одного гончара, исследователи обычно имеют в виду только те клейма, отпечатки которых на сырой глине сосуда были сделаны одним и тем же штампом³. Подобное предположение не вполне согласуется с керамическим материалом, обнаруженным на городище. Для примера остановимся на клейме в виде 12-конечного креста. Это клеймо представлено тремя экземплярами, из которых два совпадают полностью, а третий отличается более крупными размерами. Несмотря на эти различия, имеются все же основания считать, что знак в виде 12-конечного креста принадлежал не двум, а одному гончару, поскольку случайность в совпадении рисунка в данном случае исклю-

¹ Малая производительность одного мастера была характерной особенностью гончарного ремесла домонгольской Руси в целом (см. Б. А. Рыбаков, ук. соч., стр. 367). Это отмечают также исследователи керамики раннесредневековой Польши (см. Zofia Kołos-Szafrańska, Z badań nad znakami garncarskimi z terenu ziem Polskich, Wiadomości archeologiczne, t. XIX, zeszyt 2—4, Warszawa, 1953, стр. 194).

² Произведенный Б. А. Рыбаковым подсчет клейм из Вщижского городища дает примерно такую же цифру живших в одно и то же время гончаров (не менее 10) (см. Б. А. Рыбаков, ук. соч., стр. 364).

³ Б. А. Рыбаков, ук. соч., стр. 181.

чается¹. Принадлежность рассматриваемого знака одному и тому же гончару подтверждается также технологическими признаками. Все три доньшка с этим знаком вогнуты внутрь, сформованы из одного и того же теста и имеют одинаковый обжиг. Таким образом, в фактуре и форме доньшек обнаруживаются профессиональные особенности одного и того же мастера.

Подобный случай, когда один и тот же знак наносился различными штампами, некоторые исследователи² склонны объяснять наличием в одной мастерской нескольких гончарных кругов, допуская при этом, что на одном круге мог работать отец, на остальных — его сыновья³. Однако такому утверждению противоречат данные о малочисленности продукции, сформованной на этих кругах⁴. Существование клейм тождественного рисунка, но оттиснутых различными штампами, объясняется, очевидно, следующим. Как известно, доньшки сосудов формовались на дополнительной подставке, прикреплявшейся к верхней доске ручного гончарного круга. На поверхности подставки обычно вырезалось углубленное клеймо, рельефно отпечатывавшееся на доньшке сосуда. Употребление дополнительной подставки было значительным достижением в области гончарного ремесла. С появлением подставки произвольность в формовке доньшек исчезает. Последние приобретают правильные очертания и заранее определенные стандартные размеры. Однако одна и та же подставка оказывалась непригодной для формовки сосудов различных размеров, с различными диаметрами доньшек. Поэтому каждый гончар должен был иметь не одну, а несколько (не менее 2—3) соответствующих размеров подставок, которые по мере надобности попеременно закреплялись на основной доске круга. Упомянувшиеся выше доньшки с идентичными клеймами в большинстве случаев сформованы на подставках различных диаметров. Имея в запасе несколько подставок, гончар метил личным знаком только некоторые из них. Этим, очевидно, объясняется и преобладание неклеяемых сосудов.

¹ Случайное совпадение рисунка можно допустить для клейм с простыми или общераспространенными знаками.

² Zofia Kołos-Szafrañska, ук. соч., стр. 185.

³ При жизни отца, ибо в противном случае знак усложнялся.

⁴ К выводу о малочисленности продукции древнепольского гончара приходит С. Колос-Шафранская (см. Zofia Kołos-Szafrañska, ук. соч., стр. 194).

РАСКОПКИ «МАЛОГО ГОРОДИЩА» ЛЕТОПИСНОГО ГОРОДЕСКА

Р. И. ВЫЕЗЖЕВ

На землях с. Городск, Коротышевского района, Житомирской области, расположены древнерусские памятники — три городища, носящие местные названия «Валы», «Красная гора» и «Малое городище», с примыкающим к ним обширным открытым поселением и четыре курганных могильника. Эти памятники принадлежат древнерусскому городу Городеску. О нем имеются краткие сведения в Ипатьевской летописи, которая сообщает, что расположенный на р. Тетерева город Городск в 1257 г. был взят войсками Даниила Галицкого во время его похода против татар, захвативших ряд русских городов¹.

Историк Н. Карамзин² первый приурочил летописный Городск к городищам в с. Городске. Это было в дальнейшем подтверждено археологическими исследованиями, проведенными здесь в советское время. В дореволюционной научной литературе сведения об этих городищах и могильниках имеются в работах Л. Похилевича³, И. Фундуклея⁴ и В. Б. Антоновича⁵.

Начало археологическому исследованию летописного Городеска было положено небольшими раскопками В. Б. Антоновича в 1887 г. на двух могильниках⁶ и на городище «Валы»⁷.

Памятники древнего Городеска продолжали привлекать внимание археологов и в советское время. Институт истории материальной культуры АН УССР в 1936 г., а затем Институт археологии АН УССР в течение пяти полевых сезонов — в 1946⁸, 1947⁹, 1955¹⁰, 1957 и 1958 го-

¹ Ипатьевская летопись, СПб., 1871, стр. 555.

² Н. М. Карамзин, История Государства Российского, т. IV, СПб., 1892, стр. 38

³ Л. Похилевич, Сказания о населенных местностях Киевской губернии, К., 1864, стр. 142; его же, Уезды Киевский и Радомысльский, К., 1887, стр. 177.

⁴ И. Фундуклей, Обзорение могил, валов и городищ Киевской губернии, К., 1848, стр. 41.

⁵ В. Б. Антонович, Археологическая карта Киевской губернии, М., 1895, стр. 12.

⁶ В. Б. Антонович, Раскопки в стране древлян, Материалы по археологии России, № 11, СПб., 1893, стр. 59.

⁷ В. Б. Антонович, О городищах докняжеского и удельно-вечевого периода, находящихся в западной части древней Киевской земли (сообщение), Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца, кн. 3, К., 1889, стр. 13—16.

⁸ А. Дмитревська, Звіт Городської експедиції 1946 р., АП, т. I, К., 1949, стр. 47—49.

⁹ В. К. Гончаров, Розкопки древнього Городська, АП, т. III, К., 1952, стр. 182—186; М. Ю. Брайчевський, Розкопки на третьому Городському городищі, АП, т. III, стор. 187—196.

¹⁰ Р. И. Выезжев, Раскопки в Городске в 1955 г., КСИА, в. 7, 1957, стр. 104—105.

дах — осуществляли систематические раскопки на его городищах. Исследования проводили археологи М. Ю. Брайчевский, В. К. Гончаров, А. В. Дмитриевская, М. Т. Молчановский, А. А. Ратич и автор этой статьи. В 1940 г. на «Малом городище» небольшие раскопки провела Славянская экспедиция ИИМК АН СССР¹. —

Настоящая статья посвящена исследованию одного из трех городищ — «Малому городищу».

«Малое городище» является парным с городищем «Красная гора», от которого его отделяет овраг. Оно расположено на мысе, имеющем почти прямоугольную форму с округленными углами. Размеры городища: длина 80 м, ширина 28 м, площадь 2200 м². В результате многолетних систематических раскопок исследована вся площадь городища (рис. 1). На территории УССР это второе древнерусское городище, после Райковецкого, полностью раскопанное.

Городище с запада, юга и востока ограничено крутыми склонами, а с севера, с напольной стороны, укреплено рвом глубиной в 5 м. Вал отсутствовал. Около въезда в городище находилась, по-видимому, оборонительная клеть — башня, от которой сохранилось углубление (№ 1) неправильной овальной формы, размером по верху 3,7×3 м, по дну 2×1,7 м, глубиной 1,6 м. Земляные стены наклонены наружу и не отличаются тщательностью обработки. Дно вогнутое. В северной стене были сделаны три ступени, отстоящие по высоте одна от другой на 0,35 и 0,5 м. В заполнении углубления обнаружено несколько обломков древнерусской посуды и много камней.

Верхняя часть мыса, на котором расположено городище, состоит из красно-бурых суглинков, покрытых гумусным почвенным слоем. Этот слой залегает на большей части площади городища одинаковой толщиной — 0,25—0,3 м. Значительное увеличение мощности гумусного слоя наблюдается только вдоль северо-западного края плато городища, где он достигает 1 м. На месте естественного возвышения в северо-восточной части городища гумусный почвенный слой был самым тонким и не превышал 7 см. Отложения, окрашенные гумусом, заполняли углубления, оставленные в красно-буром суглинке жилища, ремесленными и хозяйственными постройками IX—XIII вв., а также ямами различного назначения. Контуры углублений и ям четко вырисовываются на зачищенной поверхности суглинков. Культурные остатки, выявленные на городище, позволили установить, что на нем имеется два культурных слоя: верхний — древнерусский, датируемый IX—XIII вв., и нижний — принадлежащий позднедрипольской культуре. Материалы XIV в. и более позднего времени на городище обнаружены не были.

Культурные остатки IX—XIII вв. встречались только в гумусном слое на различной глубине и не проникали в толщу суглинков, кроме тех мест, где располагались указанные выше углубления и ямы. Концентрация древнерусских находок в толще культурного слоя и расположение открытых очагов, в отдельных случаях с находящимися в них раздавленными сосудами, позволили установить, что дневная поверхность на этом городище в период Киевской Руси была на 15—20 см ниже современной. Гумусный почвенный слой содержал находки IX—XIII вв., состоявшие, главным образом, из обломков кружальной и незначительного количества лепной посуды, фрагментов стеклянных браслетов, костей животных и немногих бытовых предметов, а также отдельные находки, относящиеся к позднедрипольской культуре, которые попали в гумусный слой в результате проводившегося на городище

¹ П. Н. Третьяков, Славянская (Днепровская) экспедиция 1940 г., КСИИМК, в. X, 1941, стр. 120—124.

в период Киевской Руси строительства полуземляночных построек. Углубления от построек и ямы хозяйственного назначения содержали основную массу различных древнерусских находок, обнаруженных на

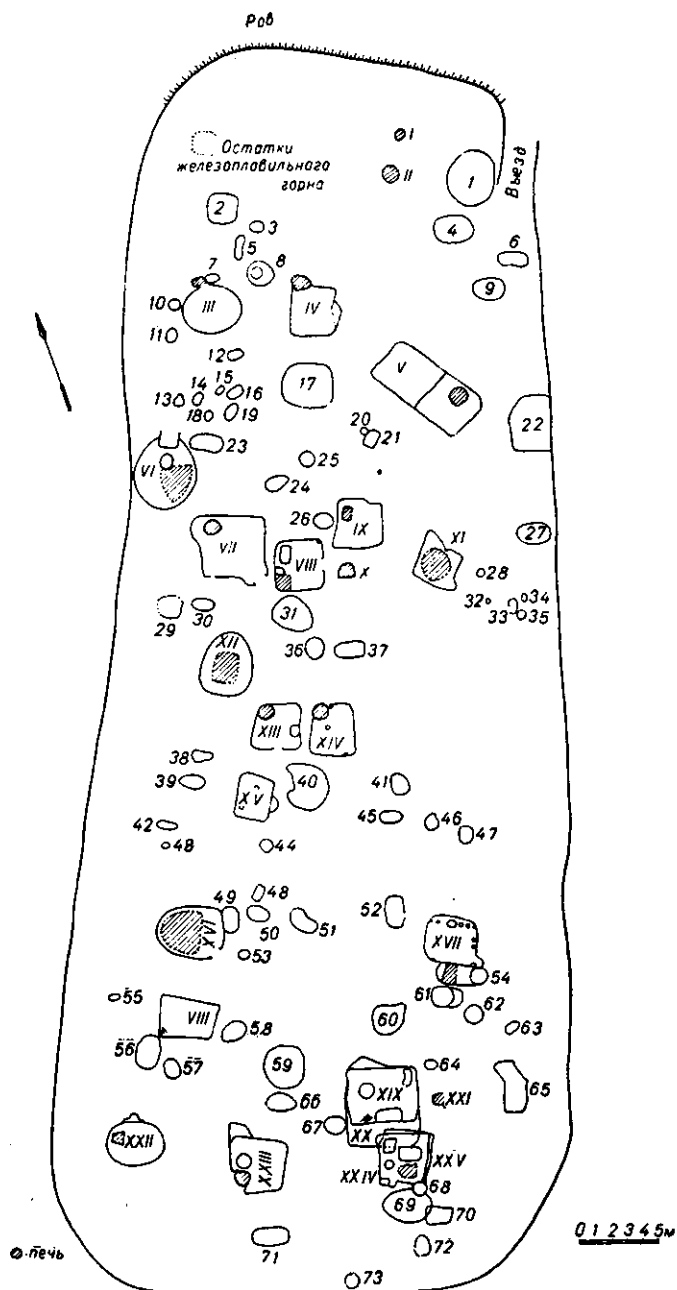

Рис. 1. План «Малого городища» в с. Городок, Житомирской области.

городище, а также кости животных, золу и отдельные предметы, относящиеся к трипольской культуре. От деревянных частей построек сохранились небольшие куски обуглившегося дерева и обгорелой глиняной обмазки бревенчатых стен.

Всего на городище были открыты 7 наземных и 20 полуземляночных

ных построек, из которых 25 служили для жилья¹ и 2 представляли собой ремесленные мастерские. Постройки располагались на свободных участках земли, и лишь две из них были возведены на ранее застроенном месте, вследствие чего оказались разрушенными в значительной части два более ранних строения (рис. 1, XX, XXIV). Постройки на «Малом городище» возводились на расстоянии 3,5—8 м от борта городища, что, по-видимому, вызывалось необходимостью иметь возможность беспрепятственно вести круговую оборону. В расположении построек никакой системы не наблюдалось. Судя по находкам колоколов, на городище была срубная деревянная церковь. Обнаружены также остатки железоплавильного горна. Около некоторых жилых построек располагались небольшого размера углубленные в землю хозяйственные постройки, хлебные ямы, летние очаги и мусорные ямы (рис. 1).

Жилые и ремесленные полуземлянки «Малого городища» имели углубленную в землю часть различной формы—овальную, квадратную, прямоугольную и неправильно четырехугольную.

Полуземлянок овальной формы обнаружено на этом городище шесть. Размеры их: длина от 3,6 до 4,6 м, ширина от 2,8 до 4 м, площадь от 8 до 14 м². Эти полуземлянки углублены в землю на 0,9—1,55 м. Полуземлянки такой формы сравнительно редко встречались в древней Руси. Отдельные полуземлянки овальной и круглой формы были открыты при раскопках на Перыни (Новгород), в Рогоще, Белгороде под Киевом, Ленковцах² и Рипневе³.

Квадратные, прямоугольные и неправильно четырехугольной формы полуземлянки, известные на этом городище, имели размеры: длина от 2,75 до 4,2 м, ширина от 2,2 до 4 м, глубина от 0,55 до 1,5 м, площадь от 6 до 17 м².

Все полуземлянки на «Малом городище», кроме одной, состояли из одного помещения. Только полуземлянка V имела два помещения—одно с печью, другое не отапливаемое, общей площадью 7×3 м. Двухкамерные полуземлянки встречались редко в древней Руси. Так, на территории восточной части украинского правобережного Полесья из 76 описанных исследователями полуземлянок, по нашим данным, только три состояли из двух помещений.

Наземная часть полуземлянок «Малого городища» представляла собой бревенчатые срубы, а не каркас, как мы предполагали раньше⁴. От срубов на городище были найдены незначительные остатки обгорелых бревен и куски глиняной обожженной обмазки. Срубный характер этих построек также подтверждается отсутствием у них угловых и пролетных столбов, являющихся основой каркасных построек, и завалов глины, которые указывают на места расположения глинобитных построек.

Так как полуземлянки были вырыты в материковом плотном суглинке, стены углубленной части не имели какого-либо крепления или обмазки. Только в одной полуземлянке XVII стены были обставлены плетнем, от которого сохранились ямки от кольев. Подобного рода постройки в Киевской Руси встречались крайне редко. Пол во всех полу-

¹ Овальную полуземлянку XXII А. В. Дмитревская опубликовала как культовую, так как в ней находилась печь, по ее мнению, представлявшая собой жертвенник. Ознакомившись с ее дневником раскопок, мы пришли к выводу, что эта полуземлянка была жилой с обыкновенной печью трапециевидной формы, служившей для варки пищи.

² Л. П. Гуссаковский, Древнерусское народное жилище VIII—XIII вв., автореферат диссертации, М., 1956, стр. 11.

³ В. В. Аулік, Основні результати археологічного дослідження древньоруського селища в с. Ріпнів, Львівської області, Дисертаційний збірник, Інститут суспільних наук АН УРСР, К., 1958, стр. 28.

⁴ Р. И. Выезжев, Раскопки в Городске в 1955 г., КСИА, в. 7, стр. 104.

землянках был земляной; в отдельных случаях на нем сохранилась глиняная обмазка.

В каждой полуземлянке были открыты остатки глинобитной печи или очаг.

От глинобитных печей сохранились поды (в 8 случаях) или завалы глины (в 10 случаях). Своды печей «Малого городища» строились без применения каркаса. Сохранившиеся поды располагались на материковых возвышениях высотой 0,25—0,35 м от пола. Поды имели круглую форму диаметром 0,9—1 м, овальную размером 1×0,9 м, 1,2×1 м или прямоугольную с округленными углами размером 2×1,5 м. Сохранилась печь трапецевидной формы, имевшая такие размеры: устье 0,6 м, задняя стенка 0,55 м, боковые стенки 0,7 м. Под в этих печах состоял из слоя обожженной глины без каких-либо примесей, например, обломков посуды, как это наблюдается в печах древнего Киева.

В ряде полуземлянок были встречены завалы глины от таких же печей, но только построенных на полу и должно быть разрушенных продолжительным действием атмосферных осадков.

При определении конструкции этих печей мы ранее ошибочно их сравнивали с печами из Старой Рязани¹ и Суздаля, построенными на досчатом основании, опиравшемся на врытые в землю столбы. Отсутствие столбов около печей, оставивших завалы глины в полуземлянках «Малого городища», не позволяет признать их по конструкции аналогичными печам из Старой Рязани.

Печи располагались в различных местах полуземлянок — в центре, в северном, западном, восточном углах и около любой из четырех стен.

На «Малом городище» были обнаружены три очага — один в центре полуземлянки, два вне площади жилищ в северном углу и у северной стенки. Форма очагов овальная; размеры их: 1,4×1,2 м и 1,3×0,8 м, глубина от уровня пола 0,2 и 0,4 м.

Припечные ямы встречены только возле четырех печей. Они были овальной формы; размеры их: длина от 0,7 до 1,05 м и ширина от 0,55 до 0,9 м. Ямы вырыты в земляном полу на глубину 0,2—0,45 м. Припечные ямы на городищах Правобережья УССР встречаются редко, а на некоторых (Колодяжин, Белгород, Вышгород) совершенно отсутствуют.

Хозяйственные ямы, вырытые в полу полуземлянок, встречались на этом городище крайне редко. В трех полуземлянках были обнаружены по одной, две и три ямы. Форма их в плане овальная, в одном случае круглая (эта яма служила для хранения зерна). Размер овальных ям: длина от 0,7 до 1,7 м, ширина от 0,45 до 0,85 м, глубина 0,3—0,45 м. Круглая яма имела диаметр 0,9 м.

Входы в виде одной или двух ступеней были обнаружены в восьми полуземлянках. Ступени вырезаны в материковой глине, имели полуовальную форму, реже прямоугольную. Большинство ступеней были длиной от 0,5 до 0,95 м, шириной от 0,2 до 0,6 м и высотой 0,25—0,45 м. Один вход представлял наклонную площадку длиной 1,6 м и шириной 1,2 м. Входы располагались в основном в южной и юго-восточной стенах полуземлянок.

В трех полуземлянках обнаружены вырезанные в материковом лессе скамьи длиной от 1,55 до 2 м, шириной от 0,4 до 0,6 м и высотой 0,3—0,6 м.

На городище была обнаружена одна ремесленная полуземлянка (XII) почти овальной формы размером 4,1×3,2 м, врытая в грунт на глубину 1,1 м от современной поверхности. В центре полуземлянки на высоте 0,7 м от пола расположен под печи прямоугольной формы с закругленными углами длиной 2 м и шириной 1,5 м. Под состоял из двух

¹ А. Л. Монгайт, Старая Рязань, МИА, № 49, М., 1955, стр. 66.

слоев глины, между которыми находился слой песка; общая толщина пода 0,2 м.

На полу полуземлянки обнаружены обломки шлакированной посуды и много металлического шлака. Эти находки, а также большой размер печи позволяют считать полуземлянку мастерской, где производилась плавка цветных металлов и отливка из них различных украшений. Видимо из этой мастерской происходят найденные на городище два льячка.

На «Малом городище» были обнаружены семь наземных срубных построек, в том числе шесть жилых и одна ремесленная. От четырех построек сохранились только остатки печных подов на глубине от 5 до 15 см от современной поверхности. Поды были построены на полу и по своей конструкции не отличались от подов печей, открытых в полуземлянках этого городища. Две постройки, углубленные в землю на 0,2—0,3 м, имели неправильную прямоугольную форму и размеры 3,4×4 м и 4,6×5,2 м.

Ремесленная постройка (X1), углубленная в землю на 0,2 м, имела неправильную прямоугольную форму с выступом в северном углу и размеры 2,5×2,5 м. В центре постройки расположена большая печь, от которой сохранился под почти круглой формы размером 1,9×1,8 м. Толщина пода 7 см. На его обмазке с внутренней стороны имелись отпечатки соломы. Под был покрыт печным завалом. Большой размер печи и расположение в центре постройки указывают на ее ремесленное назначение. Отсутствие отходов производства не позволяет установить, с каким ремеслом связана была эта мастерская.

Кроме двух перечисленных ремесленных мастерских, на городище, в его северо-западной части, находился железоплавильный горн; на глубине 0,6 м от современной поверхности на площади 4 м² сохранились его остатки в виде обломков глиняных сопел, обожженных кусков глины и камней. На городище часто встречались выплавленные крицы железа, целые и в кусках.

Как отмечалось выше, на этом городище была церковь, которая представляла собой срубную наземную постройку, не оставившую после разрушения каких-либо строительных остатков. Церковь могла быть расположена в южной части городища, где имелась свободная от застройки площадь вблизи хозяйственной постройки № 59, в углубленной части которой найден колокол XI в. с латинской надписью.

Возле некоторых жилых построек располагались хозяйственные постройки (для хранения инвентаря, продуктов и пр.). Все эти помещения углублены в землю на 0,45—1,3 м, отличаются тщательностью обработки грунтовых стен, имеют в плане овальную форму; размеры их: длина от 1,4 до 3 м, ширина от 0,8 до 2,15 м (рис. 1, постройки № 4, 6, 9, 23, 27, 36, 37, 49, 51, 52, 56, 66, 69, 71).

По-видимому, яма № 59, в которой был найден колокол, также представляет углубленную часть хозяйственной постройки, только церковного характера. Эта яма почти круглой формы размером 2,9×2,7 м была вырыта на глубине 1,45 м от современной поверхности.

При раскопках никаких остатков от наземных стен хозяйственных построек обнаружено не было. Можно предполагать, что стены были сделаны из плетня, обмазанного глиной.

На «Малом городище», кроме ям, оставленных хозяйственными постройками, обнаружены ямы хлебные, мусорные и от летних очагов.

Хлебные ямы встречены, главным образом, круглые в плане (диаметр 0,5—1,2 м), несколько расширенные (до 15 см) ко дну (диаметр дна 0,65—1,3 м), глубиной 0,6—1,15 м (№ 28, 44, 54, 68). Широко распространенные в период Киевской Руси хлебные ямы грушевидной в разрезе формы на «Малом городище» были представлены только одной ямой № 67. Ее размеры по верху 1 м, по дну 1,1 м, глубина 1,9 м.

Были обнаружены две хлебные ямы (№ 61, 62) круглые в плане (диаметр 1,3 и 1 м), которые имели отвесные стены и глубину 1,55 и 0,65 м. Открыта также одна хлебная яма овальной формы (№ 26), размером 1,2×1 м, глубиной 0,7 м. Все хлебные ямы имели хорошо зачищенные стенки и дно, в ряде случаев на них сохранилась глиняная обмазка.

Несмотря на то что ряд полуземлянок этого городища после оставления их жителями превращались в мусорные ямы, были обнаружены

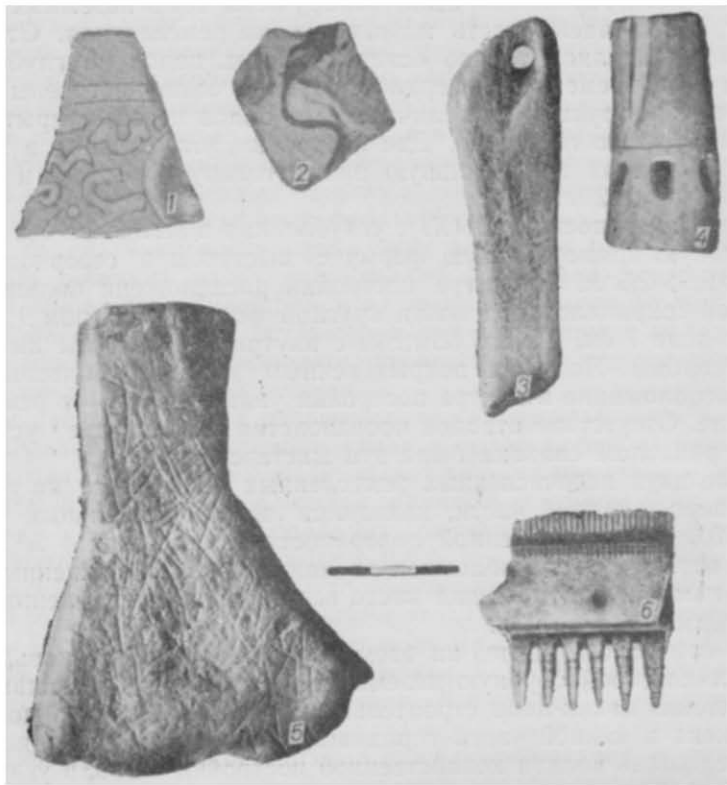

Рис. 2. Предметы из раскопок «Малого городища».

1, 2 — обломки стеклянных восточных сосудов; 3 — точильный брусок; 4 — костяной свисток; 5 — костяной топорик; 6 — костяной гребень.

две ямы, специально служившие для сбора мусора (№ 31, 40). Эти ямы в плане неправильной овальной формы, вырыты небрежно, отличались большими размерами (2,65×2 м и 2,9×2,1 м), имели глубину 0,7 м.

На городище в значительном количестве открыты небольшие ямы, служившие летними очагами. Большинство из них — овальной формы, размером до 1 м и глубиной до 0,8 м. В отдельных очагах были обожжены стенки (№ 25, 46), в других — дно. В заполнении очагов встречались уголь и зола, а в некоторых — раздавленные глиняные горшки.

Инвентарь, найденный на городище, довольно разнообразный, но большинство предметов представлены единичными экземплярами. В большом количестве встречены только обломки древнерусской глиняной посуды XI—XIII вв., фрагменты стеклянных браслетов, железные ножи и каменные точильные бруски. Среди последних встречались экземпляры небольшого размера с отверстием на конце, которые носились привешенными к поясу.

На городище обнаружены материалы IX—X вв.: керамика, костяные проколки, глиняные прясла. Керамика найдена в незначительном

количестве и в основном представлена горшками яйцевидной формы и сосудами в виде малорасчлененных банок, изготовленных на примитивном гончарном круге¹. Эта посуда отличается своей архаичностью

Рис. 3. Железные изделия из «Малого городища».

1 — острога; 2 — рыболовный крючок; 3 — оковка деревянной лопаты; 4 — серп; 5 — лемех; 6 — обломок косы; 7 — лемех; 8 — трубчатый замок; 9 — ключ от трубчатого замка; 10 — кресало; 11 — ключ от врезного замка; 12 — пружина деревянного замка-засова.

от посуды того же времени, распространенной на территории Подолии и Западной Волыни, что, возможно, вызвано ее иными генетическими связями, идущими от культуры типа Луки Райковецкой².

Костяные проколки были аналогичны найденным на Боршевском и Ново-Троицком³ городищах.

¹ М. Ю. Брайчевський, ук. соч., стр. 192—193.

² Там же.

³ И. И. Ляпушкин, Городище Ново-Троицкое, МИА, № 74, 1958, стр. 116, рис. 76.

Глиняная посуда XI—XIII вв., обнаруженная на «Малом городище», ничем не отличалась от обычной посуды из других древнерусских городов Правобережья УССР. Встречены также обломки поливной древнерусской посуды, несколько глиняных мисок и не известные ранее глиняные светильники в виде небольших острореберчатых мисочек или сосудов цилиндрической формы с плоским круглым дном, выступающим

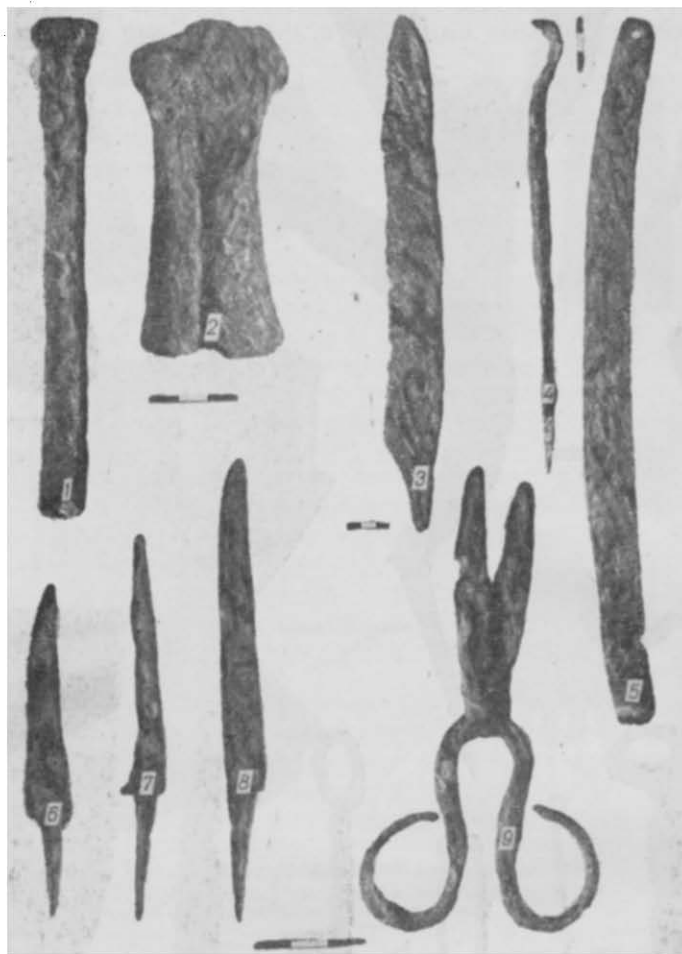

Рис. 4. Железные изделия из раскопок «Малого городища». 1 — долото; 2 — втульчатое долото; 3 — пила-ножовка; 4 — токарный резец по дереву; 5 — пила лучковая; 6—8 — ножи; 9 — ножницы шарнирные.

за пределы стенок. На днищах некоторых сосудов имеются клейма, главным образом в виде круга или знака Рюриковичей в различных вариантах. Редкой находкой являются два стеклянных небольших сосуда восточного происхождения XII—XIII вв. (рис. 2), аналогии которым имеются среди сосудов, найденных в курганах станицы Белореченской¹. Встречены также несколько обломков небольших медных сосудов.

Сельскохозяйственный инвентарь на городище представлен несколькими экземплярами лемехов, серпов, кос, железных оковок деревянных лопат, ножницами для стрижки шерсти (рис. 3).

¹ Раскопки Н. И. Веселовского курганов у станицы Белореченской, ОАК за 1896 г., СПб., 1898, стр. 18, рис. 98 и 98 б. Определение сосудов сделал Б. А. Шелковников, которому автор выражает глубокую благодарность.

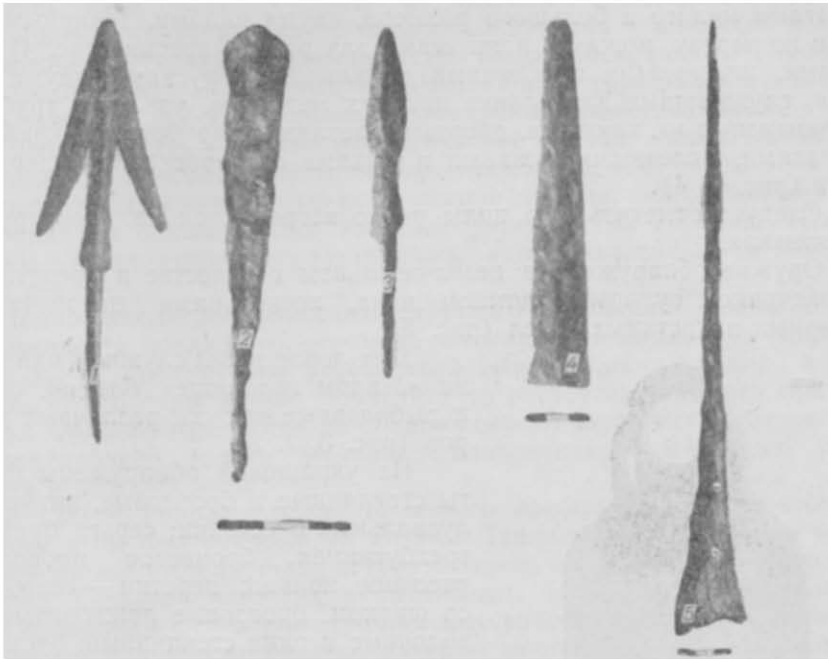

Рис. 5. Оружие из раскопок «Малого городища».
1—3 — наконечники железных стрел; 4 — обломок меча; 5 — наконечник
сулицы.

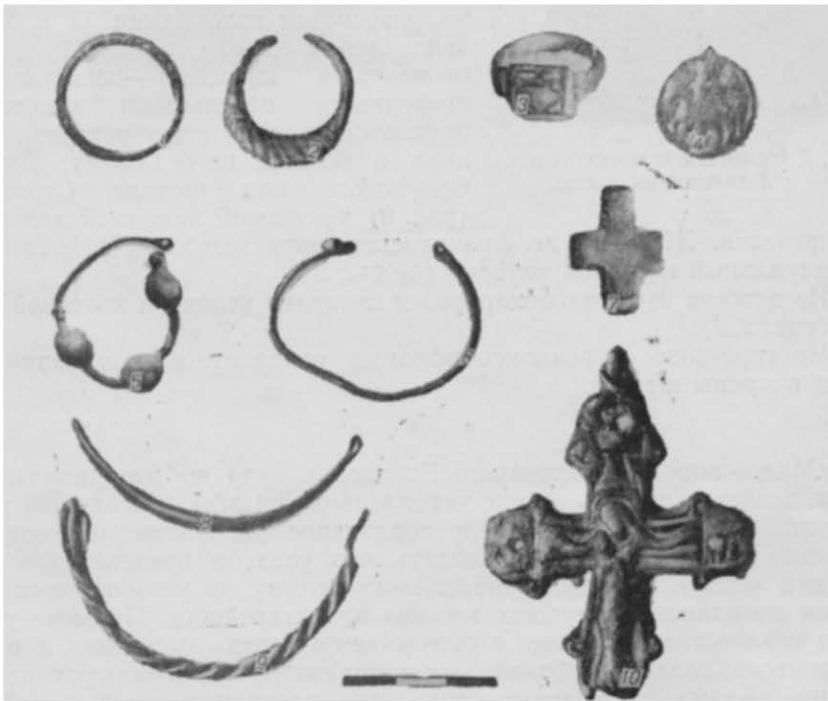

Рис. 6. Ювелирные изделия и культовые предметы из раскопок «Малого
городища».

1, 2 — перстни бронзовые — проволочный и ложновитой; 3 — перстень серебряный со
щитком; 4 — бронзовая иконка; 5 — бронзовая трехбусинная серьга; 6 — бронзовое
височное кольцо; 7 — шиферный крест; 8, 9 — бронзовые браслеты полуовальный и
проволочный витой; 10 — крест-энколпион.

Хозяйственный и ремесленный инвентарь представлен топорами, долотами малого и большого размера, двумя пилами, токарными резцами по дереву, ножами, ножницами для резки материи (рис. 4), жерновами, шиферными пряслицами, точильными брусками, двумя льячками, служившими для плавки цветных металлов, удилами, трубочными замками и их ключами, дверными петлями с пробоями и крючками, кресалами, железными дужками и ушками от деревянных ведер, гвоздями (рис. 3, 4).

Следует отметить, что пилы редко встречаются на древнерусских памятниках.

Оружие обнаружено в незначительном количестве и представлено наконечником сулицы, обломком меча, несколькими наконечниками железных и костяных стрел (рис. 5).

Рис. 7. Немецкий колокол XI в. с латинской надписью.

Для ловли рыбы служили найденные на «Малом городище» блесны, остроги и рыболовные крючки различных размеров (рис. 3, 1, 2).

Из украшений обнаружены браслеты стеклянные и бронзовые, витые и полуовальные в сечении; серьга бронзовая трехбусинная, бронзовое проволочное височное кольцо; перстни — серебряный со щитком, бронзовые ложновитые, проволочные и один стеклянный; бусы стеклянные зеленые в виде маленького колечка (рис. 6).

Предметы культа представлены двумя немецкими колоколами XI и XII вв. (рис. 7) и обломком третьего колокола¹, бронзовыми крестами — энколпионами, шиферными нательными крестиками, бронзовой иконкой с изображением всадника с копьём, по-видимому, Дмитрия Солунского или Федора Стратилата (рис. 6), бронзовой ложечкой для приня-

тия причастия XII—XIII вв. французского происхождения². Найден также ритуальный костяной топорик (рис. 2, 5).

Из детских игрушек обнаружены глиняная уточка и костяной свисток (рис. 2, 4).

На городище встречались обломки сопел от железоплавильного горна и крицы железа.

* * *

«Малое городище» древнего Городеска, судя по материалам раскопок, возникло в IX в. в виде укрепленной усадьбы, состоявшей из нескольких жилых построек. Территориальное расположение городища на земле древлян позволяет считать, что усадьба представляла древлянский «град», который принадлежал одному из упоминаемых в летописи древлянских «лучших мужей» или старейшин. По мере увеличения количества населения в окружавшем «град» поселении и развития ремесла, главным образом железоплавильного, возникают два городища «Валы» и «Красная гора», при раскопках которых найдены вещественные материалы XI—XIII вв.³ и Городеск превращается в

¹ Р. И. Выезжев, Колокола древнего Городеска, КСИА, в. 9, 1960, стр. 104—107.

² Определение ложечки сделано Э. А. Лапковской.

³ П. Н. Третьяков все три городища Городеска считает древлянскими «градями» (см. П. Н. Третьяков, Древлянские грады. Сборник статей, посвященных акад. Б. Д. Грекову в связи с 70-летием, М., 1952, стр. 66).

крупный древнерусский металлургический и торговый центр. Об этом свидетельствует большое количество открытых в Городеске сыродутных горнов и найденные здесь импортные изделия — немецкие колокола, восточные стеклянные сосуды и др. После превращения Городеска в городской центр с большим посадом «Малое городище» становится укрепленным городским районом, заселенным ремесленниками.

Городеск, как и другие древнерусские города, сильно пострадал от нашествия монголов, которые захватили его в 1241 г. Об этом свидетельствуют сожженные клети и убитые жители, обнаруженные при раскопках на одном из его наиболее укрепленных городищ «Валы», которое, по-видимому, представляло административный и военный центр города.

Немногочисленное население «Малого городища» ввиду слабой укрепленности последнего не имело возможности оказывать сопротивление врагу, поэтому при угрожавшей ему опасности уходило в безопасное место. Этим можно объяснить то обстоятельство, что при раскопках «Малого городища» не обнаружено человеческих скелетов, а из оружия найдено только несколько наконечников железных стрел, сулица и обломок меча.

В 1257 г. Городеск после 16-летнего пребывания под монголо-татарским игом был освобожден князем Даниилом Галицким, но вскоре его войска вынуждены были оставить город, вместе с ними ушло и население. Городеск перестал существовать. В это время в Галицкой Руси проводились большие строительные работы. В них, по сообщению летописи¹, принимали участие русские мастера различных специальностей, бежавшие от татар; в их числе могли быть и жители Городеска.

Именно уходом населения, забравшего с собой свое имущество, объясняется тот факт, что при раскопках «Малого городища» и расположенного рядом городища «Красная гора» было обнаружено мало бытового и ремесленного инвентаря.

¹ Ипатьевская летопись, Полное собрание русских летописей, СПб., 1843, стр. 196.

А. П. ЧЕРНЫШ, ПОЗДНИЙ ПАЛЕОЛИТ СРЕДНЕГО ПРИДНЕСТРОВЬЯ, ТРУДЫ КОМИССИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЧЕТВЕРТИЧНОГО ПЕРИОДА, т. XV, М., 1959, стр. 1—214.

Палеолитические стоянки в районе Среднего Поднестровья известны уже давно. Немало исследователей и краеведов вложили свой труд в изучение палеолита Поднестровья и сбор материала, особенно на плато прибрежных возвышенностей, в оврагах, по склонам террас и на выдувах. Нужно отдать должное В. Б. Антоновичу и Н. Ф. Криштафовичу, начавшим изучение палеолита на Днестре и давшим А. А. Спицыну материал для первого обобщения по палеолиту Днестра.

В период, предшествующий второй мировой войне, в Поднестровье, на территории бывшей Бессарабии, велись довольно скромные работы Н. Марошаном, Ч. Амброжевичем, А. Ботецом, продолжавшими давние исследования названных ученых.

В послевоенный период палеолитические памятники Поднестровья, по своей многочисленности занимали далеко не последнее место на палеолитической карте Европейской части СССР. Они были представлены как многочисленными пунктами их нахождения, так и довольно внушительными собраниями, главным образом кремневого инвентаря. М. Я. Рудинский, П. П. Ефименко, П. И. Борисковский и ряд местных краеведов значительно приумножили количество палеолитических памятников в этом районе по сравнению с дореволюционным временем и внесли довольно существенные дополнения в понимание палеолита Поднестровья, данное в разные годы и разными исследователями.

Несмотря на казалось бы сравнительно значительную научную объемность произведенных исследований на палеолитических памятниках в Поднестровье, все же палеолит Днестра оставался наименее исследованным участком среди памятников того же времени на других территориях Союза. Причин к тому было много. Отсутствовали стратифицированные памятники, что влекло за собой неразработанность культурно-хронологической последовательности в развитии палеолитических культур в Поднестровье. Археологические собрания состояли преимущественно из кремневого инвентаря, что придавало некоторую односторонность и ограниченность характеристикам палеолитических культур. В палеолитических собраниях отсутствовали костяные изделия, почти не было сборов фаунистических и палеоботанических комплексов. Наконец, недостаточно были изучены условия залегания палеолитических местонахождений с точки зрения стратиграфической и геоморфологической. Последнее касалось особенно стоянок Левобережья Днестра.

Приходится признать и некоторую эпизодичность и неплановость в изучении палеолита Днестра, недостаточную целеустремленность работ, как результат частых разочарований в поисках залеганий палеолитических остатков в перепрогнозированном состоянии.

Но вот за дело изучения палеолита Днестра взялся А. П. Черныш и за 12 лет (с 1946 по 1958 гг.) упорного и кропотливого труда, в результате твердо проведенной планоности в исследованиях палеолит Поднестровья представился в совершенно ином свете.

В итоге очень напряженной деятельности в области полевых исследований, камеральной обработки материала и его научного изучения появилась книга А. П. Черныша «Поздний палеолит Среднего Приднестровья».

Книга А. П. Черныша — это прежде всего свод всего того, что было сделано в области изучения палеолита Днестра. Нужно особо подчеркнуть тот очень большой труд, который вложил А. П. Черныш в поиски палеолитических памятников. Проявляя исключительную настойчивость и трудолюбие, автор открыл на Днестре свыше 150 палеолитических памятников, т. е. больше половины всех известных местонахождений в Поднестровье. Однако не в этом арифметическом подсчете существо дела. Открытые А. П. Чернышом стоянки древнего каменного века на Днестре внесли совершенно новые положения в понимание развития человеческого общества и его

культуры на юго-востоке Европы. Помимо того, что А. П. Чернышом введено в научный оборот множество палеолитических материалов, им предприняты удачные шаги в области теоретической разработки проблем генезиса отдельных палеолитических культур, их хронологических взаимоотношений. Избирая территорию Поднестровья для изучения палеолитической культуры, А. П. Черныш отлично понимал ее значимость для истории первобытного общества Восточной Европы. Именно Поднестровье является тем рубежом, где сталкивались культурно-исторические влияния между палеолитическими племенами Центральной и Средней Европы и восточноевропейскими племенами.

Внимательное изучение большого фактического материала позволило А. П. Чернышу дать полную и хорошо документированную характеристику кремневого инвентаря, особенно для позднепалеолитического времени. Автор собрал первоклассную коллекцию костяных изделий, по своей научной значимости не имеющую равных на юго-востоке Европы. Важнейшие фаунистические комплексы также были собраны на стоянках А. П. Чернышом и их роль в разработке естественно-исторических вопросов переоценить трудно.

Наконец, очень большой заслугой А. П. Черныша является обнаружение и детальное изучение ряда многослойных палеолитических памятников на Днестре. Исследование таких памятников дало возможность А. П. Чернышу нарисовать культурно-хронологическую картину развития палеолитических культур в Поднестровье.

Большая заслуга А. П. Черныша состоит в том, что он дал полный, обоснованный большим фактическим материалом очерк палеолита Поднестровья. Но сказанное может прозвучать декларативно, если не обратиться к самой книге. На странице 12 помещена карта палеолитических местонахождений Среднего Приднестровья, составленная А. П. Чернышом. Достаточно сопоставить ее с известными обобщениями и справочными работами, включающими и палеолит Днестра, чтобы убедиться, как далеко ушел вперед в деле накопления материала А. П. Черныш. В работе справочного характера Н. А. Береговой и П. П. Ефименко «Палеолитические местонахождения СССР» (МИА, № 2), в работе В. И. Громова «Палеолитическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР» и в известной сводке П. И. Борисковского «Палеолит Украины» рассмотрены или упомянуты только немногие десятки палеолитических памятников на Днестре. В работе А. П. Черныша палеолитические памятники Днестра исчисляются сотнями. Однако главное место среди этой массы памятников занимают многослойные палеолитические поселения.

Автор приводит в своей книге такие многослойные стоянки с очень четко выраженной стратиграфией, как Бабин I, Вороновица I, Молодова I и Молодова 5. Эти местонахождения стали действительно опорными для понимания истории развития палеолита Днестра и сопредельных территорий. Не случайно автор посвящает им больше половины своей книги.

Не в первые годы своих работ на Днестре автор обнаружил многослойные поселения и сумел заставить прозвучать очень глухие старые сведения о наличии многослойных памятников в Поднестровье. Открытию их сопутствовали и неудачи, и непроизводительные затраты сил и времени, что всегда сопровождает серьезно поставленные поиски.

К чести автора нужно отметить его научную убежденность в необходимости поисков многослойных поселений, основанную на научных данных, на вдумчивом использовании всего комплекса материалов — археологических и геологических. Совершенно прав А. П. Черныш, когда основное внимание в книге уделяет именно многослойным палеолитическим памятникам.

Автор детально анализирует характер залегания культурных остатков на многослойных поселениях по вертикали и в плоскостном распределении, умело сопровождая свои наблюдения глубоким типологическим и сравнительно-типологическим анализом всего встреченного инвентаря. Взять, к примеру, комплекс из Молодовы 5. Автор приводит геологические и стратиграфические данные, характеризующие стоянку, останавливается на детальном литологическом описании колонки, дает подробную характеристику культурных слоев и горизонтов в полном соответствии с объективными данными, позволяющими произвести культурно-хронологическое членение всей толщи отложений. Тут же даются описания вскрытых бытовых комплексов — остатков жилищ, золотых пятен, фауны, кремневого и костяного инвентаря. Таким образом, создается целостное впечатление о каждом культурном слое или горизонте, о его отличиях от выше или нижележащих культурных остатков. С большим знанием техники обработки кремня автор предлагает убедительно составленную схему развития кремневого инвентаря на протяжении почти всего позднего палеолита, выделяя при этом устойчивые признаки для каждого этапа развития. В основу такой локальной периодизации А. П. Черныш положил фактический материал. Достаточно сказать, что только кремневое собрание из Молодовы 5 насчитывает около 72 тысяч предметов. Зная систему работы А. П. Черныша, можно с уверенностью сказать, что каждый из этих предметов не раз побывал в руках автора. Но помимо кремневого инвентаря автор ввел в научный оборот ценнейшие костяные изделия (флейты, жезлы, гарпун, остря), превратив их в очень важный исторический источник, помогающий уточнить хронологические определения.

Анализируя в целом комплексы из многослойных палеолитических стоянок Среднего Днестра, уверенно следуя типологическим сопоставлениям, автор устанавливает семь хронологических ступеней в развитии позднего палеолита на Днестре.

Вместе с тем А. П. Черныш региональному, днестровскому материалу небезуспешно пытается найти соответствие в западноевропейской хронологизации (стр. 114). Первые три группы своей периодизации автор относит к ориньяко-солотрийскому времени, четвертую — к раннемадленскому, пятую — к среднемадленскому, шестую — к позднемадленскому и седьмую — к мезолитическому времени. В основу названных хронологических ступеней положены наблюдения и выводы, полученные при исследовании Молодовы 5.

Идя по пути установления общих закономерностей развития кремневого инвентаря в палеолите Поднестровья, автор стремится распространить сделанные им наблюдения в Молодове 5 на все многослойные памятники Поднестровья, установить культурно-стратиграфические соответствия между слоями и включить в эту же схему другие памятники, представленные однослойным или смешанным материалами. Таким образом, А. П. Черныш, в отличие от Марошана, вводит в науку достаточно подробно разработанную хронологическую шкалу, основанную на стратиграфических данных.

Разумеется, что интересное, важное и смелое построение А. П. Черныша должно послужить надежным основанием для дальнейших исследований, и не только в Поднестровье.

Несмотря на недавний выход в свет работы А. П. Черныша, она уже успела «устареть» с помощью самого автора. Редакторы книги В. И. Громов и А. П. Окладников в предисловии пожелали автору усилить внимание к многослойным памятникам, ожидая от них совершенно неизвестных в принципе результатов. И как бы отвечая на это пожелание редакторов, А. П. Черныш открывает в Молодове I драгоценный мустьерский комплекс во главе с остатками округлого жилища. Именно здесь, в Молодове I, на 10-метровой глубине лежал ключ к пониманию происхождения позднепалеолитических культур в Поднестровье, в том числе и к выяснению традиций домостроительства, исследованных автором по остаткам жилищ в Молодове 5 и Вороновице I. Материал из Молодовы I правильно оценен А. П. Чернышом, но, к сожалению, не мог войти в книгу. Результаты работ 1959 г. на стоянке Молодова I значительно дополняют построения А. П. Черныша в смысле расширения хронологической протяженности палеолита на Днестре. Впрочем, уже есть симптомы, что в скором времени палеолит в Поднестровье будет дополнен ашельскими и раннемустьерскими материалами. За это говорят недавние находки комплексов в Румынии и редкостный по выразительности раннепалеолитический комплекс, обнаруженный В. А. Месяцем в Житомирской области. Но это дело будущего. Итак, главным направлением работы А. П. Черныша остается установление культурно-хронологической схемы развития палеолита Днестра.

С этой трудной и очень трудоемкой задачей автор в основном справился.

Вторая задача, поставленная перед собой автором, стояла несколько в ином аспекте, хотя она и органически связана с первой. А. П. Черныш стремится на основе обширного материала найти хронологическое место для отдельных этапов палеолита Днестра в общепалеолитической схеме периодизации европейского палеолита.

Решая эту не менее важную и сложную задачу, автор обратился к очень широкому кругу аналогий, взятых в основном с европейской территории. Опираясь, главным образом, на кремневый инвентарь и не исключая из сферы своего внимания другие виды источников (костяные изделия, фауну, геологические данные), автор ищет соответствия между днестровскими комплексами и комплексами, происходящими с других, подчас и очень отдаленных, территорий Европы. В результате А. П. Черныш предлагает специально составленную им таблицу синхронных соответствий между палеолитическими памятниками в пределах очень широкого географического ареала, включая даже Кавказ. Такая попытка автора, исходящего из единства закономерностей развития кремневого инвентаря и проявления некоторых форм культуры в палеолитическом обществе, в целом заслуживает одобрения. Сравнительно-типологический метод, широко примененный автором для доказательств своих положений, несомненно дал в ряде случаев положительный результат. А. П. Чернышу удалось показать неизолированность палеолита Днестра от других территорий, населенных в палеолитическое время. Это, на мой взгляд, существенное достижение автора, показавшего основательную эрудицию и склонность к глубокому применению аналитических приемов исследования. А. П. Черныш не отстранился и от статистического метода, широко применяемого сейчас на Западе и в свое время, а несколько иными методологическими приемами, разработанного Г. А. Бонч-Осмоловским.

Наконец, автор успешно решает и третью задачу — освещение истории культуры палеолитического человека в Поднестровье. А. П. Черныш в скупых, а подчас и очень лаконичных фразах характеризует хозяйство и быт позднепалеолитического общества. Особенно внимательно он реконструирует природную обстановку того времени, восстанавливает животный мир как основной источник жизни палеолитического человека. А. П. Черныш удачно использует заключения палеозологов, геологов, палеоботаников по естественно-историческим вопросам, углубляя тем самым комплексный подход в изучении палеолита.

Данные естественно-исторических дисциплин дают возможность автору увязать изменения в хозяйстве общества и его социальной структуре с изменениями, возникавшими во внешней среде.

В работе А. П. Черныша наряду с бесспорными большими достоинствами есть и недостатки. Прежде всего, как мне думается, автор слишком увлекается эволюционной стороной развития кремневого инвентаря. Это увлечение склоняет его к некоторой переоценке развития кремневого инвентаря и придает автотехнистическую окраску «поступательному прогрессивному развитию техники производства». Такой подход к исследованию орудий производства несколько стушевывает историческую обусловленность развития определенных форм каменных орудий труда, как и сами закономерности общественного развития.

Хотелось бы получить от автора больше исторических характеристик первобытного общества, вытекающих из анализа фактического материала.

А. П. Чернышу следовало бы больше внимания уделить обоснованию хронологических выкладок. В самом деле, не имея перед глазами сопоставляемых материалов, приходится доверять заключениям автора, не анализируя правомочность сопоставлений. Глухие отсылки автора, особенно к западноевропейским аналогиям, без показа самих аналогий, резко снижают веру в убедительность их. Такое положение усугубляется и тем обстоятельством, что автор в приводимых таблицах не расчленяет по типологическим признакам подаваемый им, например, кремневый инвентарь. Вероятно, лучше было бы количественно уменьшить число приводимых отсылок к сопоставлениям, но давать их в аналитическом плане.

А. П. Черныш широко пользуется хронологическими определениями французской эволюционной школы — солютре, мадлен, азиль и т. п. Однако автор не дает точных опорных соотношений между западноевропейским и поднепровским материалом. Автор должен был вместо описательных сопоставлений материала прибегнуть к графическим сопоставлениям. К примеру, так должна быть построена таблица 19.

Мне представляется, что автору следовало бы теоретически обосновать расчленение им позднего палеолита на две крупные исторические эпохи — ориньяко-солютрейскую и мадленскую. Если автору удалось расчленить мадлен на три последовательных ступени, то, возможно, с помощью еще более глубокого применения сравнительно-типологического метода следовало бы расчленить во времени и сам ориньяко-солютрейский период. Историческая важность такого расчленения очевидна.

Думаю, что А. П. Чернышу следовало бы избежать цифровой нумерации хронологических ступеней. В этом он, возможно, последовал за П. И. Борисковским, тоже расчленившим поздний палеолит Украины на семь хронологических ступеней (МИА, № 40, стр. 400). Цифровая хронологическая нумерация очень неудобна для использования, тем более когда уже есть пример такой и имеются налицо расхождения. Автору следовало бы дать названия хронологическим ступеням по опорным стоянкам, соответственно назвав их.

Полагаю, что автор мог больше внимания уделить вопросам определения функций орудий с помощью простейших оптических приборов и предложить реконструкцию способов употребления некоторых кремневых форм.

То же можно сказать и по отношению применения ретроспективных методов исследования к жилым комплексам. Автор пошел бы дальше простой реконструкции жилищ, уже появившихся в ряде работ, если бы проанализировал положение отдельных групп находок внутри жилищ. Возможно, это привело бы к дополнительным наблюдениям над внутренней планировкой жилищ.

В работе имеются и другие дискуссионные положения, главным образом в заключительной части, где речь идет о сопоставлении археологических материалов и датировке отдельных комплексов. Автор, стремясь избежать формулировок, связанных с представлениями о миграционных процессах, всякие сходства кремневого инвентаря из памятников палеолита предпочитает объяснять либо местным развитием, либо связями постоянно живущих абригенов с соседями (стр. 194—195). И только в отдельных случаях делает исключения, например, для племен носителей топоров культуры типа лингби, перемещая их к северо-западу. А вот что говорит автор по поводу возможных связей мезолитических племен Поднепровья с Крымом: «Мы отмечаем находки на Поднепровье сегментобразных кремневых поделок с резцовыми сколами, а такие поделки связывают этот район с Крымом» (стр. 195). Во-первых, для Поднепровья вовсе не характерно наличие геометрических форм. Последние встречаются в единичных экземплярах и только в некоторых мезолитических комплексах, сильно отличаясь от своих южных аналогов. Наоборот, в Крыму в памятниках азильского времени геометрические формы, и особенно сегменты, являются основным видом изделий. А почему, например, нельзя связывать появление геометризованных форм с проникновением их из Верхнего Побужья или Южной Польши? Заявление, сделанное А. П. Чернышом по поводу мезолитических связей Поднепровья с Крымом, — ответственное заявление, но подкреплено оно не совсем научно полноценным материалом. Кстати сказать, экскурсии А. П. Черныша в область расселения позднепалеолитических культур в южной половине Европейской части СССР, Северного и Северо-восточного Причерноморья слишком эпизодичны, хотя здесь можно почерпнуть много интересного

и поучительного по общим вопросам палеолитоведения и по проникновению кавказских элементов культуры в эпоху палеолита на территорию Европейской части СССР.

В той же книге помещено исследование И. К. Ивановой «Геологические условия нахождения палеолитических стоянок Среднего Приднестровья» (стр. 215—275). Этот труд во многом дополняет и аргументирует геологические выводы А. П. Черныша. Труд И. К. Ивановой органически связан с исследованием А. П. Черныша и, будучи выполненным видным специалистом по четвертичной геологии, подчеркивает полезность четвертичной геологии для исследователей палеолита.

С. Н. Бибиков

С. С. ГАМЧЕНКО

(к 100-летию со дня рождения)

7 октября 1959 г. исполнилось 100 лет со дня рождения известного украинского археолога С. С. Гамченко.

Сергей Свиридович Гамченко родился в с. Ратном, Ковельского уезда, Владимир-Волинской губернии. Среднее образование получил в Киевской гимназии; с 1876 по 1880 гг. посещал вечерние лекции физико-математического и исторического факультетов Киевского университета. Археологическую деятельность начал под руководством В. Б. Антоновича в 1878 г., участвуя в раскопках древнеславянского могильника близ г. Житомира.

С 1886 г. начинаются самостоятельные широкие археологические исследования С. С. Гамченко, нашедшие отражение в печати¹. С. С. Гамченко принадлежит инициатива организации Общества исследователей Волыни, открытие которого состоялось в 1900 г.

За свои заслуги на археологическом поприще С. С. Гамченко был избран действительным членом Волынского губернского статистического комитета (1889 г.), членом Исторического общества Нестора-летописца при Киевском университете и членом-корреспондентом Киевского общества древностей и искусства (1902 г.).

В 1904 г. С. С. Гамченко по службе (подполковник артиллерии) переводится в Петербург, центр археологической науки того времени. В первые же годы своего пребывания в Петербурге С. С. Гамченко открыл в окрестностях Сестрорецка неолитические поселения. В 1905—

¹ С. Гамченко, Опыт исследования Житомирской группы курганов, Волынь, 1888; его же, Житомирский могильник, Волынские губернские ведомости 1887—1888; его же, Житомирский могильник, Археологические исследования Житомирской группы курганов, Житомир, 1888; его же, Городища и могильники по р. Корчеватой, Труды IX АС, т. II, М., 1897; его же, Памятники старины бассейна р. Корчеватой, Волынь, 1890; его же, Древний поселок и могильник в ур. Стуга, близ с. Студеница, Житомирского у-да, Волинской губ., Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца, кн. XIII, 1899, отд. II; его же, Раскопки по Случи на участке Мирополь—Ульха, Справочная книга Волинской губ. на 1899 г., Житомир, 1899; его же, Раскопки в бассейне р. Случи, Труды XI АС, т. I, М., 1901.

1906 г. он производит разведки и раскопки курганов около Сестрорецка и в других местах¹.

В 1909 г. Археологическая комиссия поручает С. С. Гамченко, которого она охарактеризовала как «одного из испытанных русских археологов», работы для разрешения вопроса о назначении трипольских «площадок». С этой целью он в 1909—1913 гг. проводит широкие исследования в районе Южного Буга (Балтский, Ольгопольский и Брацлавский уезды), где открывает 45 новых памятников, большая часть которых относится к трипольской культуре. В результате проведенных исследований С. С. Гамченко приходит к выводу о жилищном характере трипольских «площадок»².

В это же время С. С. Гамченко избирается членом-сотрудником Русского археологического общества (1908 г.), а позднее членом-сотрудником Петербургского археологического института (1913 г.).

После Великой Октябрьской социалистической революции научная и общественная деятельность С. С. Гамченко значительно расширяется. Проживая в Житомире и работая в Волынском музее, он проводит исследования как в самом городе, так и за его пределами по рр. Тетереву, Каменке, Гуйве и их притокам³.

В результате широких раскопок по р. Гуйве в районе Мирополя, Войсеховки, Колодяжного, Коростеня и др. был собран археологический материал, явившийся базой для организации археологического отдела Волынского музея. Одновременно с исследованиями на Волыни С. С. Гамченко принимает активное участие в работе Всеукраинского Археологического Комитета (ВУАК), куда в 1925 г. он переводится на работу. В 1926 г. С. С. Гамченко избирается действительным членом комиссии по исследованию памятников трипольской культуры, а с 1928 г. утверждается вице-президентом ВУАК и руководителем археологического отдела.

В 1926—1927 гг. под руководством С. С. Гамченко производятся исследования древнего Киева, раскапывается свободная от построек часть двора бывшей усадьбы Трубецкого⁴. В 1927 г. С. С. Гамченко на Волыни производит раскопки поздне трипольского поселения в с. Колодяжном и раскопки курганов со скорченными костяками в районе Шепетовки. В 1928 г. он исследует трипольское поселение у с. Белый Камень, в 1928—1929 гг.— Масловский могильник культуры полей погребений, трипольские поселения у сс. Стена и Печеры, неолитическое поселение у с. Яремовки на Изюмщине, принимает участие в раскопках Днепрогесовской экспедиции и в ряде других пунктов.

В последние годы жизни ввиду плохого состояния здоровья Сергей Свиридович отказался от обязанностей вице-президента ВУАК, ушел на пенсию и уехал в Житомир, где проживал до самой смерти (1934 г.).

Значение С. С. Гамченко для украинской археологии велико. Особенно много он сделал как исследователь Волыни. Вокруг него организовалась группа тогда еще начинающих археологов, куда входили

¹ ОАК за 1906, 1907, 1908 гг., СПб., 1909, 1910, 1912; С. С. Гамченко, Раскопки на побережье Финского залива, ЗОРСА, 1908; его же, Исследования сестрорецких курганов в 1907 г., ЗОРСА, 1908; его же, Исследование курганов у дер. Ситенки на левом берегу реки Луги в 1908 г., ЗОРСА, 1911.

² Архив Института археологии АН УССР, ф. 3, № 14—15; Отчет Археологической комиссии за 1909—1913 гг., архив ЛОИИМК. Краткие сведения об этой работе см. С. С. Гамченко, Спостереження над даними дослідів трипільської культури 1900—1913 рр., Трипільська культура на Україні, в. 1, К., 1926.

³ Архив Института археологии АН УССР, ф. 3, № 24.

⁴ С. С. Гамченко, Розкопки 1926 року в Києві, Коротке звітання ВУАК за 1926 р., К., 1927.

И. Ф. Левицкий, Ф. А. Козубовский, Е. Ф. Лагодовская, М. Л. Макаревич и др.

Оставшийся научный архив С. С. Гамченко представляет большую научную ценность; изучение этих материалов дает важные сведения для продолжения широких археологических изысканий, начало которым было положено неутомимым исследователем Сергеем Свиридовичем Гамченко.

МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ БОЛТЕНКО

(1888—1959 гг.)

Советская археологическая наука понесла большую утрату. 6 мая 1959 г. на 71 году жизни скончался в Одессе один из старейших деятелей украинской археологии Михаил Федорович Болтенко. С его именем связано развитие ряда важных участков археологической науки, которыми он занимался в течение 50 лет.

М. Ф. Болтенко родился 2 сентября 1888 г. в бывшей Гродненской губернии (теперь — территория Польши) в семье военного топографа. В 1912 г. он закончил историко-филологический факультет Одесского (Новороссийского) университета. Его руководителем в изучении истории древнего мира и древних языков был крупный ученый профессор Э. Р. Штерн.

Еще будучи студентом, М. Ф. Болтенко увлекся археологией. В 1908 г. он сотрудничает в Одесском археологическом музее, где был привлечен к составлению «Краткого указателя музея Одесского общества истории и древностей», вышедшего несколькими изданиями. В 1909 г. М. Ф. Болтенко впервые приобщается к археологической полевой работе: под руководством Э. Р. Штерна он участвует в раскопках первого древнегреческого поселения в Северном Причерноморье — на острове Березань, изучение которого стало одной из главных тем всей его последующей научной деятельности. В 1913 г. М. Ф. Болтенко принимает участие в раскопках древнегреческого города Тиры. Одновременно он преподает в гимназиях в г. Одессе классические языки, историю и географию.

После Великой Октябрьской социалистической революции М. Ф. Болтенко ведет большую разностороннюю работу — экспедиционную, научно-исследовательскую, музейную и педагогическую.

С 1921 г. под его руководством начинаются раскопки в Усатово (в предместье Одессы), продолжавшиеся с перерывами до 1933 г., в 1939—1940 и в 1946—1948 гг. и увенчавшиеся большим успехом: здесь была открыта новая культура, названная Усатовской, которая принадлежала пастушеским племенам конца III — начала II тыс. до н. э. В ряде статей М. Ф. Болтенко осветил хозяйство и культуру этих племен, их место в истории древнего населения территории Украины.

Раскопки на о. Березань продолжались под руководством Болтенко и в советскую эпоху — в 1924—1931 и 1946—1951 гг. При этом много внимания было уделено исследованию связей греческого и местного населения. Ему принадлежит заслуга исследования происходящих с острова древнерусских памятников X—XIII вв., на основе которых он сделал правильный вывод о значительной роли о. Березань (упоминаемого в летописи под названием Белобережья) в эпоху Киевской Руси.

В течение восьми лет (с 1924 по 1932 гг.) М. Ф. Болтенко участвовал в раскопках Ольвии, где после смерти Б. В. Фармаковского являлся членом ученого совета ольвийской экспедиции.

М. Ф. Болтенко проводил разведку в районе колхоза «Маяк», Одесской области, где был найден ценный клад литейных форм бронзового века, и раскопки поселений в районе Аджияска — Викторовка, Тилигуло-Березанского района, Николаевской области, и др.

С 1921 г. возобновилась работа Михаила Федоровича в Одесском археологическом музее, где в 1930—1932 гг. он занимал должность директора. Под его руководством коллектив музея подготовил в те годы новую экспозицию, построенную на основе марксистско-ленинского учения об обществе и законах его развития. До самой своей кончины М. Ф. Болтенко оставался ученым консультантом музея.

М. Ф. Болтенко вел большую педагогическую работу. В первые годы Советской власти он читал лекции в Одесском народном университете, состоял членом лекторского бюро Политпросвета и др. С 1939 г. и до самой смерти М. Ф. Болтенко был связан с Одесским университетом им. И. И. Мечникова, где одно время заведывал кафедрой классической филологии. В последние годы он читал на историческом факультете историю древнего мира, историю первобытного общества, основы археологии, основы этнографии, ряд спецкурсов, древние языки.

Перу М. Ф. Болтенко принадлежат 32 опубликованные работы (см. список) и ряд значительных работ и статей, оставшихся в рукописях. Среди последних следует отметить: новый перевод «Истории» Геродота с всесторонним научным комментарием и вступительной статьей, посвященной Геродоту и анализу его труда, работа о Березанском некрополе и др.

М. Ф. Болтенко обладал большой эрудицией, глубокими знаниями в различных областях — истории, археологии, филологии и был общепризнанным авторитетом по своей специальности.

Советские археологи сохраняют светлую память о Михаиле Федоровиче Болтенко как о большом советском ученом, для которого развитие археологической науки и подготовка новых кадров для нее было любимым делом всей его жизни.

Л. М. Славин

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ М. Ф. БОЛТЕНКО

1. Краткий указатель Музея Одесского общества истории и древностей, Одесса, 1908, с. 16—58, 92—103, 118—129. Издание повторено без изменений в 1909, 1911 и 1913 гг.

2. Римский поэт о Черном море («Аргонавтика» Г. Валерия Флакка).— Приложение к протоколу 442 заседания Одесского общества истории и древностей, 12 декабря 1915 г.

3. Краткий указатель Музея Одесского общества истории и древностей (переработанное и расширенное издание), Одесса, 1915, с. 5—51, 75—83, 95—104. Издание повторено без существенных изменений в 1916 и 1919 гг.

4. Фигурные керамические фрагменты из Усатовских раскопок.— Вісник Одеської комісії краєзнавства, в. I, 1924.

5. Раскопки Усатовско-Большекуяльницкого поля культурных остатков.— Вісник Одеської комісії краєзнавства, в. 2—3, 1925.
6. Рец.: *Corpus Vasorum Antiquorum. Fraze. Musée du Louvre, par E. Pottier, fasc. 1, 2, 4.*—Вісник Одеської комісії краєзнавства, в. 2—3, 1925.
7. К современной экскурсионной литературе об Ольвии.— Вісник Одеської комісії краєзнавства, в. 2—3, 1925.
8. Кераміка з Усатова, Трипільська культура на Україні, в. I, К., 1926.
9. Государственный историко-археологический музей в Одессе.— *Новый Восток*, кн. 15, 1926.
10. Відчит про діяльність Одеського державного історично-археологічного музею за 1926 р., Одеса, 1927.
11. Каталог виставки досягнень місцевої археології за десять років (1917—1927), Одеса, 1928.
12. Проф. Б. В. Фармаковський (некролог).— «Східний світ», 1928, № 6.
13. Відчит про діяльність Одеського державного музею за рр. 1927 та 1928, Одеса, 1929.
14. До питання про час виникнення та назву давнішої іонійської оселі над Борисфеном (з березансько-ольвійських студій).— Вісник Одеської комісії краєзнавства, секція археологічна, в. 4—5, 1930.
15. Досягнення радянської археології в галузі дослідження Північно-Західного Причорномор'я.— Наукова сесія Одеського державного університету ім. І. І. Мечникова, присвячена XXX роковинам Великої Жовтневої соціалістичної революції, Одеса, 1947.
16. Стародавня руська Березань.— *Археологія*, т. I, 1947.
17. Про назву острова Березань.— *Вісті Одеського державного університету ім. І. І. Мечникова*, в. 3, 1949.
18. Розкопки на острові Березань в 1946 р.— *Археологічні пам'ятки УРСР*, т. II, 1949.
19. Новая надпись в честь Ахилла Понтарха.— *Вестник древней истории*, 1953, № 4.
20. Значение острова Березань в совместной борьбе братских великого русского и украинского народов за Черное море против турецких захватчиков.— *Труды Одесского государственного университета им. И. И. Мечникова*, т. 144, Серия исторических наук, в. 4, 1954.
21. Стратиграфия и хронология Большого Куяльника.— *Материалы по археологии Северного Причерноморья*, в. I, Одесский государственный археологический музей, 1957.
22. Канкит ольвийского декрета в честь Протогена.— *СА*, т. XXVIII, 1958.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода.
 АП — Археологічні пам'ятки УРСР.
 АС — Археологический съезд.
 БМОИП — Бюллетень Московского общества испытателей природы.
 ВДИ — Вестник древней истории.
 ВУАК — Всеукраїнський археологічний комітет.
 ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).
 ДП — Древности Приднепровья.
 ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей.
 ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества.
 ЗРАО — Записки Русского археологического общества.
 ИАДК — История и археология древнего Крыма.
 ИАК — Известия археологической комиссии.
 ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
 ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР.
 ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры.
 ИРГО — Известия Русского Географического общества.
 ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии.
 ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии.
 КГУ — Киевский государственный университет.
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР.
 КСИИМК — Краткие сообщения ИИМК АН СССР.
 КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР.
 КФ — Крымский филиал.
 ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
 ЛОИИМК — Ленинградское отделение ИИМК.
 МАО — Московское археологическое общество.
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
 ОАК — Отчет археологической комиссии.
 СА — Советская археология.
 СЭ — Советская этнография.
 ESA — *Eurasia septentrionalis antiqua*,
 OSPE⁶ — *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*.

СОДЕРЖАНИЕ

Полевые исследования и публикации

А. П. Черныш (Львов), К вопросу о мустьерских жилищах	3
Ю. Г. Колосов, Стратиграфия Романковского палеолитического местонахождения	11
И. Я. Абрамов (Днепропетровск), Резная орнаментированная кость из с. Романкова	13
И. Г. Пидопличко, О геологическом возрасте орнаментированного метаподия дикого осла из с. Романкова	16
Ю. Г. Колосов, Раскопки пещеры Кара-Коба в Крыму	17
М. Л. Макаревич, Исследования в районе с. Стена на среднем Днестре	23
М. А. Новицкая, Узорные ткани трипольской культуры (по материалам раскопок у с. Стена)	33
С. С. Березанская, Культуры средней бронзы в левобережном Полесье Украины	36
В. А. Ильинская, Поселение комаровской культуры у с. Мошны	48
И. Н. Шарафутдинова, Литейные матрицы на поселениях эпохи поздней бронзы в Нижнем Поднепровье	59
Ф. М. Заверняев (Брянск), Поселения эпохи бронзы на Десне	65
А. М. Лесков, Раскопки каменных ящиков в Байдарской долине в Крыму	70
А. И. Фурманская, Памятники скульптуры из Тиря (по раскопкам 1958 г.)	78
Л. И. Чунстова (Керчь), Надгробия рубежа н. э. из Керчи	84
В. В. Лапин, Эллинистические колодцы в прибрежной части Ольвии	91
В. А. Богусевич, Погребение черняховской культуры в г. Сумы	103
М. Ю. Брайчевский, Новые находки VII—VIII вв. н. э. на Пастырском городище	106
Е. В. Веймари (Симферополь), О виноградарстве и виноделии в древнем и средневековом Крыму	109
М. П. Кучера, Гончарные клейма из раскопок древнего Плеснеска	118
Р. И. Выезжев, Раскопки «Малого городища» летописного Городеска	124

Критика и библиография

С. Н. Бибииков.—А. П. Черныш, Поздний палеолит Среднего Приднестровья	136
---	-----

Хроника

С. С. Гамченко (к 100-летию со дня рождения)	141
Памяти Михаила Федоровича Болтенко	144
Принятые сокращения	147